

HUMANIORA: LINGUA RUSSICA

*Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV.
Развитие и вариативность языка в современном мире. II.
Тарту, 2011*

Тартуский университет
Кафедра русского языка

Труды по русской и славянской филологии
Л и н г в и с т и к а X I V

H U M A N I O R A:
L I N G U A R U S S I C A

Развитие и вариативность языка
в современном мире

II



TARTU ÜLIKOOLI KIRJASTUS

Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. *Развитие и вариативность языка в современном мире. II.* Отв. ред. О. Н. Паликова. Тарту, 2011. 265 стр.

Международная редакционная коллегия

С. Б. Евстратова (*Тарту*), Е. И. Костанди (*Тарту*),
М. А. Кронгауз (*Москва*), Ю. С. Кудрявцев (*Тарту*),
А. М. Кузнецов (*Даугавпилс*), И. П. Кюльмоя (*Тарту*),
А. Мустайоки (*Хельсинки*), О. Н. Паликова (*Тарту*),
Е. Н. Ремчукова (*Москва*), О. Г. Ровнова (*Москва*),
В. С. Храковский (*Санкт-Петербург*),
А. В. Штейнгольд (*Тарту*), В. П. Щаднева (*Тарту*)

Редколлегия тома: С. Б. Евстратова, Е. И. Костанди, Ю. С. Кудрявцев,
О. Н. Паликова, А. В. Штейнгольд, В. П. Щаднева
Технический редактор: С. И. Долгорукова
Перевод резюме статей на эстонский язык: С. Купп-Сазонов

В оформлении обложки использован фрагмент рисунка «Древнерусский рисовальщик» (перо) со страницы Евангелия 1401 г. Рисунок воспроизводится по книге: А. А. Сидоров. *Рисунок старых русских мастеров*. Москва, 1956. С. 43.

© *Статьи:* авторы, 2011

© *Составление:* кафедра русского языка Тартуского университета, 2011

ISSN 1406–2623

ISBN 978–9949–19–912–9

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee



ИРИНЕ ПАВЛОВНЕ КЮЛЬМОЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Настоящий сборник посвящен 65-летию профессора кафедры русского языка Тартуского университета, заведующей отделением славянской филологии Ирины Павловны Кюльмоя.

После окончания отделения русского языка и литературы Тартуского университета в 1970 году и нескольких лет работы в Научной библиотеке ТУ Ирина Павловна в 1977 году поступает в аспирантуру при кафедре русского языка и с 1979 года становится сотрудником кафедры. Преподаватель, старший преподаватель, доцент, прорекан филологического факультета, а начиная с 1993 года и по настоящее время — профессор, заведующий кафедрой русского языка; кроме того, И. П. Кюльмоя

неоднократно руководила отделением славянской филологии — так можно несколько официально охарактеризовать деятельность юбиляра. За этим кратким перечнем стоит огромный труд, десятки работ, выходявших в Эстонии, Латвии, России, Болгарии, Венгрии и других странах, ученики, защитившие магистерские и докторские диссертации, научные проекты, административная деятельность. Основные направления исследований И. П. Кюльмоя — функциональная морфология, контрастивная грамматика, особенности русского языка в условиях диаспоры, язык и культура староверов Эстонии. Актуальным вопросам, связанным именно с этими научными областями, посвящено большинство работ юбиляра.

Особо хотелось бы отметить научно-организационную работу Ирины Павловны, ведь она возглавила кафедру русского языка ТУ в сложное время перемен, перехода к новым формам работы, новым учебным программам, а все это требовало больших усилий. В начале периода реорганизации работы в новых условиях независимой Эстонии на время прерывается традиция выпуска регулярных для кафедры «Ученых записок», проведения научных конференций и семинаров, постоянных контактов с коллегами из разных стран. Однако перерыв не был долгим. При всех финансовых и прочих трудностях того времени очень скоро возобновляются конференции и семинары, бессменным председателем оргкомитета которых становится И. П. Кюльмоя. С 1997 года регулярно выходят «Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия», преобразованные затем в издание «*Humaniora: Lingua Russica*», имеющее авторитетную международную редакционную коллегию, предварительное рецензирование статей — и ответственным редактором всех предыдущих томов была Ирина Павловна. XIV том издания коллеги посвящают юбиляру. Тематика всех статей сборника имеет отношение к научным интересам И. П. Кюльмоя — это вопросы грамматики, вариативности языка, особенности языка диаспоры, проблемы перевода, язык и культура носителей диалекта.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что заслугой юбиляра является начавшееся в 2003 году и ставшее к настоящему времени полномасштабным исследование сотрудниками кафедры русского языка ТУ и другими коллегами, в том числе российскими, языка и культуры староверов Эстонии, способствующее сохранению данного уникального культурного феномена.

Ко всему вышесказанному можно добавить еще многое, но не менее важны и обычные человеческие качества. Ирина Павловна — заботливая жена, мама и бабушка, друг, готовый всегда помочь, гостеприимная хозяйка, жизнерадостный человек. Об этом хорошо известно ее друзьям и коллегам.

Поздравляем Ирину Павловну с юбилеем, желаем дальнейшей плодотворной работы, здоровья и отличного настроения!

Коллеги

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ирина Валерьевна Абисогомян (<i>Тарту</i>) (Меж)языковая игра как способ освоения близкородственных языков (на материале радиопередач цикла «Давайте говорить по-чешски!» русской редакции радиостанции «Radio Praha. Český rozhlas 7», 2007–2009 гг.)	11
Инна Владимировна Адамсон (<i>Таллинн</i>) Особенности русского языка в Эстонии по данным поисковых систем	29
Наталья Николаевна Богданова, Ольга Николаевна Бурдакова (<i>Москва – Нарва</i>) О состоянии и развитии II морфологического класса глаголов в современном русском языке	48
Екатерина Вадимовна Бусурина, Наталья Владимировна Чуйкина (<i>Санкт-Петербург – Таллинн</i>) Языковая игра в компьютерной автономии (на материале виртуальных пространств России и Эстонии)	66
Светлана Борисовна Евстратова, Анжелика Вадимовна Штейнгольд (<i>Тарту</i>) К вопросу о варьировании свадебной терминологии эстонского Причудья	82
Лидия Васильевна Игнаткина (<i>Санкт-Петербург</i>) Вариативность акцентологических дублетов в русском языке в диахронии и синхронии	96

Катрин Кару (<i>Тарту</i>)	
Социальный перевод в Эстонии: проблемы, вариативность, перспективы развития	112
Елена Евгеньевна Королёва (<i>Даугавпилс</i>)	
Вариантная диалектная фразеология Латгалии	123
Елизавета Ильмаровна Костанди (<i>Тарту</i>)	
Референция и номинации — проблемы выбора в иноязычной среде	142
Анатолий Михайлович Кузнецов (<i>Даугавпилс</i>)	
<i>Соури</i> и <i>роусь</i> в Златоструе XII века	160
Сирье Купп-Сазонов (<i>Тарту</i>)	
Стратегия <i>versus</i> ошибки переводчика	178
Елена Николаевна Ремчукова (<i>Москва</i>)	
Лингвокреативность рекламного слогана	192
Ромаш Эрленд Романчик (<i>Тарту</i>)	
<i>Community interpreting</i> : вариативность терминологического соответствия в русском языке	207
Татьяна Александровна Стойкова (<i>Вентспилс</i>)	
Религиозный дискурс и его отражение в русском языке газет России и Латвии 1918–1940 гг.	225
Михаил Алексеевич Шелякин (<i>Тарту</i>)	
О разграничении понятий вариантности и синонимичности языковых средств	239
Валентина Петровна Щаднева,	
Юрий Сергеевич Кудрявцев (<i>Тарту</i>)	
Языковые нормы и речевые аномалии: к вопросу о вариативности языковых средств в языке метрополии и диаспоры	246

**(МЕЖЪ)ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ
ОСВОЕНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАДИОПЕРЕДАЧ ЦИКЛА
«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ПО-ЧЕШСКИ!»
РУССКОЙ РЕДАКЦИИ РАДИОСТАНЦИИ
«RADIO PRAHA. ČESKÝ ROZHLAS 7», 2007–2009 гг.)**

И. В. АБИСОГОМЯН

Тему статьи предопределила педагогическая работа. В процессе поиска новых учебных материалов внимание привлёк сайт радиостанции «Radio Praha. Český rozhlas 7», начавшей радиовещание на зарубежные страны ещё в 1936 г. На сегодняшний день целевой аудиторией данной радиостанции являются иностранные слушатели — как проживающие в других странах и интересующиеся Чехией, чешским языком и культурой, так и те иностранцы, которые живут и работают в самой ЧР. Особое внимание уделяется также чехам, живущим за границей. Сайт представляет собой текстовую версию не только всех радиопередач, но и других интересных проектов и конкурсов. Здесь же можно обнаружить и различную информацию о Чешской Республике. На данный момент работает шесть редакций на чешском, немецком, английском, испанском, французском и русском языках. Необходимо отметить, что большую часть материалов представляют авторские передачи и оригинальные рубрики. Русская редакция является самой молодой, она начала свою работу десять лет назад, в 2000 г. Интересующая нас передача «Давайте говорить по-чешски!» как в звуковой, так и в текстовой версии фиксирует-

ся на сайте с 2003 г. (первая запись с текстовой версией вышла в эфир 13 апреля 2003 г.).

Показательно, что русская редакция была открыта сравнительно недавно, и это лишний раз демонстрирует произошедшую смену не только политических, но и социолингвистических установок. В советское время радиостанция, транслирующая передачи на зарубежные страны, в первую очередь преследовала пропагандистские цели, и по понятным причинам восхвалять по радио «социалистические ценности» для СССР из Чехословакии смысла не имело. На рубеже второго тысячелетия сложилась совсем иная экстралингвистическая ситуация. Сама жизнь — и, прежде всего, формирование в ЧР русскоговорящей диаспоры новой волны, а также развитие туризма и других культурных, экономических и прочих отношений между странами — потребовала создания СМИ, информирующих о Чехии, чехах и чешской культуре на русском языке.

Перейдем к проблемам изучения близкородственного языка. В качестве наглядной модели выбрана ситуация изучения чешского языка носителями русского. Исходное положение языкового родства, как известно, одновременно не только способствует более быстрому усвоению близкородственного языка (прежде всего на начальной фазе понимания чужой речи), но и может существенно осложнить этот процесс. Сложности при изучении любого иностранного языка, конечно, могут возникать по различным причинам, как универсальным, так и индивидуальным. Однако в случае изучения близкородственного языка своеобразным «ящиком Пандоры» часто становится именно общая, «родственная» для обоих языков лексика, в нашем случае — общеславянская. Хотя и слова иноязычного происхождения могут вызывать затруднения в связи с актуализацией и закреплением за заимствованием разных значений: например, основным значением чеш. слова *biograf* является ‘кинотеатр’. Как отмечал А. А. Реформатский, при изучении родственных или близкородственных языков «соблазн отождествления своего и чужого <...> «лежит на поверхности», но это именно и есть та провокационная близость, преодоле-

ние которой таит в себе большие практические трудности» [Реформатский 1962: 24]. Таким образом, фактор языкового родства часто приводит к ошибкам, обусловленным подобной интерференцией¹, и к неудачному коммуникативному акту. Наблюдается своеобразный синдром обманутого ожидания.

При каких же обстоятельствах и с кем чаще всего случаются обусловленные интерференцией казусы при общении на близкородственном языке?

Выделим основные типы подобных коммуникативных ситуаций и их участников, подтверждаемые, в том числе, определением целевой аудитории и самим материалом радиопередач «Давайте говорить по-чешски!», а именно, циклом передач этой рубрики, который разработали и провели в эфире в период с конца 2007 по 2009 г. включительно приехавшие из России на постоянное место жительства в Чехию Вера Лапшёва и Георгий Герцовский. Зафиксировано 74 передачи и их текстовые версии [Радио Прага 2007–2009].

Передачи, которые вели В. Лапшёва и Г. Герцовский, композиционно построены в форме диалога, но не между учителем и учеником, а между участниками (межъ)языковой игры². Используя личный, в основном самостоятельный опыт изучения чешского языка, а также наблюдения над соотечественниками, оказавшимися, как и они, в Чехии (а значит, также в роли изучающих и одновременно пытающихся использовать чешский язык в каждодневном общении), авторы программы выбирают такие примеры, которые позволяют «играть» их различными значениями в родном русском и изучаемом чешском языке. В рамках данной публикации оставим пока в сто-

¹ О языковой, в том числе и межъязыковой, интерференции, а также о некоторых возможностях ее использования в методике преподавания языков см., напр.: [Вайнрайх 1979; Гавранек 1972: 94–111; Баранникова 1972: 88–98; Ершова 1972: 130–139; Дешериева 1981: 240–255; Виноградов 1983: 44–65].

² Об определении понятия и сущности языковой игры, способах ее использования и интерпретации см., напр.: [Витгенштейн 1985: 79–128; Земская, Китайгородская, Розанова 1983: 172–211; Гридина 1996; Санников 1999; Норман 1987; Норман 2006].

роне профессиональную филологическую, а также методическую подготовленность как самих авторов, так и составляемых ими текстов передач¹, и будем использовать только приводимые ими примеры.

Все передачи этого цикла ведущие заканчивали говорящей фразой-штампом: *«Дорогие слушатели, любите и учите чешский язык, приезжайте в Чехию и радуйтесь вместе с нами»*. Прагматическое прочтение этого рефрена позволяет понять, во-первых, на какую целевую аудиторию ориентируются авторы передачи, — это русскоговорящие радиослушатели (живущие как в Чехии, так и за рубежом), которые интересуются чешским языком. Во-вторых, особо выделяется одна из возможных целей изучения чешского языка — приезд в Чехию, причем надолго, возможно, даже на постоянное место жительства: *«радуйтесь вместе с нами»*, то есть с авторами передачи, которые уже живут в ЧР. При этом определены и все основные этапы этого процесса: немного перефразируя, сначала *«полюбите и выучите чешский язык»*, и только потом *«приезжайте в Чехию и радуйтесь вместе с нами»*.

В социальном плане русскоговорящих жителей Чешской Республики представляют: **иммигранты**, приехавшие в Чехию на постоянное место жительства; **студенты**, получающие высшее образование в Чехии; **специалисты** из международных фирм и других сфер деятельности (дипломаты, преподаватели вузов и т. д.), временно или постоянно работающие в Чехии. Из живущих за пределами ЧР особого внимания заслуживают любознательные **туристы**, посещающие Чехию, и, возможно, **потенциальные** русскоговорящие **иммигранты**, пока только размышляющие о переезде в Чехию.

С учетом того, что учатся, работают за границей или решаются сменить постоянное место жительства в основном люди в молодом и, в меньшей степени, среднем возрасте, можно предположить, что в Чехии вопрос изучения чешского

¹ Тем более что критические замечания, по крайней мере, одного слушателя данной передачи были опубликованы на сайте и прозвучали в эфире [Вашкова, Каймаков 2009].

языка особенно актуален для взрослых иммигрантов в возрасте от 20 до 35–40 лет и для их детей, многие из которых родились уже в Чехии. Это подтверждается и материалами передачи «Давайте говорить по-чешски!», а также частным примером самих авторов передачи — 30–35-летних супругов — выходцев из России, живущих в ЧР семьей с двумя детьми. Хотя описаны и такие коммуникативные ситуации, в которых участвуют представители старшего поколения, например, приехавшие в гости из России бабушки и дедушки.

Материалы передачи «Давайте говорить по-чешски!» позволяют также продемонстрировать некоторые коммуникативные ситуации, где говорящих на чешском носителей русского языка может постигнуть неудача, которую в рамках своей передачи авторы пытаются перевести в план (межъ)языковой обучающей игры.

1. В самом выигрышном для себя положении находятся русскоговорящие туристы, которые по большей части вообще не слышали чешский язык до своего приезда в Чехию, или, что встречается реже, лишь кратко ознакомились с небольшим разговорником. Наиболее наблюдательные из них, несомненно, привезут домой из поездки несколько каламбурных историй на тему «Этот смешной чешский язык», построенных по принципу языковой игры с использованием семантического контраста обычно общеславянской, а значит, формально идентичной или сходной лексики русского и чешского языков. Например:

- а) *Слов, похожих на русские, очень много, но они могут означать совсем иные вещи. Например, если вам сказали, что у вас **красный живот**, не надо впадать в панику, отряхиваться или бежать к доктору. Вам сделали комплимент, сказав, что вы хорошо живете. Потому что **krásný** — это по-чешски «красивый», **a život** — это «жизнь»! («Нестле» и «Данон», 09.12.2007)¹.*

¹ Здесь и далее ссылки на примеры содержат в себе название передачи и дату ее выхода в эфир.

- б) *А в подарок своим дамам отсюда вы можете привезти **воňavki**. Не подумайте плохо: **voňavka** — это «духи» («Нестле» и «Данон», 09.12.2007).*
- в) *Георгий: Ещё наши люди обычно очень радуются чешским плакатам с призывом «**trávít život aktivně**».*
*Вера: Да, хотя это вовсе не значит, что следует активно чем-нибудь отправиться, **trávít život** переводится как «пожизвать», а **aktivně trávít život** значит «вести активный образ жизни» (Trávít život aktivně, 01.11.2009).*

Типологически к этой группе примыкают начинающие изучение чешского языка как в самой Чехии, так и за ее пределами. Возможно, именно для этой категории акцентирование различий в значениях русских и чешских слов и выражений, использование (межъ)языковой игры может стать эффективным способом освоения лексики чешского языка.

2. Большую часть примеров составляют наблюдения за диалогами между детьми, для одного из которых чешский язык не является родным, или случаи коммуникации между учителем и учеником, между родителем-иностранцем и чешскими друзьями его ребенка и под. Например:

- а) *Георгий: Мы недавно вернулись с Махова озера с копилкой новых забавных чешских слов. Однажды мы вместе с соседями-чехами собрались поиграть в настольный теннис, и сосед сказал, что каждому из нас нужна **pálka**. И моя маленькая дочка притащила из леса пару **палок**. Тут уже удивились чехи.*
*Вера: В общем-то, их удивление понятно, ведь по-чешски **pálka** — это «ракетка» (Рыба в сладкой воде, 20.09.2009).*
- б) *Вера: Как ты думаешь, Георгий, что рисуют наши дети, когда их в школе просят изобразить цветок, который по-чешски называется **sedmíkráska**?*
Георгий: Цветик-семицветик, наверное.
*Вера: Именно! Так и поступил сын наших приятелей на заре своего обучения в Чехии. Учительница, конечно, педагогично похвалила его за фантазию, но была, мягко говоря, удивлена. Ведь по-чешски **sedmíkráska** — это «маргаритка» (Суп подождет, 17.05.2009).*
- в) *Вера: А я недавно была у своей знакомой, она пока ещё с чешским языком на «Вы». К её сыну, который учится в чешской школе,*

пришли одноклассники. Она им по-чешски, как могла, объяснила, что сын пока не пойдёт гулять, потому что готовит, далее цитирую: «**úroky**». Ребята ушли удивлённые.

Георгий: Ну, естественно, ведь по-чешски **úrok** — это «процент» (Надо учить чешский, 11.10.2009).

- г) Я расскажу <...> печально-весёлую историю. К одним моим знакомым приехала из России мама — это, конечно, радостное событие, но печаль в том, что их восьмилетняя дочь родилась уже в Чехии и совсем не говорит по-русски, хотя понимает. А её бабушка, соответственно, не говорит по-чешски. И вот эта странная парочка, бабушка с внучкой, отправились в магазин покупать девочке обувь. Юная особа померила туфельки и сообщила: «**Boty mi padnou**». «Ну, раз **падают**, — сказала бабушка, — давай возьмём другие». Девочка совершенно растерялась; к счастью, ей на помощь пришла чешская продавщица, которая объяснила по-русски бабушке, что **boty mi padnou** значит «обувь мне как раз» (Как сказать по-чешски «шайба»? , 08.06.2008).
- д) В гости к русскому юноше пришёл чешский друг. Мальчики резвились шумно, от души. И вот чешский гость уже направлялся к калитке, когда ему вслед раздался голос бабушки русского молодого человека. А надо сказать, что бабушка совсем не понимает по-чешски <...>. Так вот пожилая дама поинтересовалась, где Максим <...>. Юный чех беспечно пожал плечами и сказал: «**Byl v autě**». Что сделалось с бедной бабушкой даже передать трудно, она решила, что её внучек **валяется где-то без чувств**, а ведь приятель всего лишь поведал, что его друг был в машине (Жмурки, 04.05.2008).

3. Несомненно, возникают «дискоммуникативные» ситуации в сфере каждодневного, бытового общения в магазине, в транспорте, в больнице, на улице и т. д. Зафиксированы также казусные случаи в госучреждениях, то есть в сфере официального общения. Например:

- а) Вера: Одна русскоязычная дамочка <...> пришла в магазин за ночником. О чём, собственно, с порога по-русски она и заявила. И заметила при этом, что **ночник** непременно должен быть элегантным. Чешские продавщицы, слегка удивлённые, стали выставлять перед ней на прилавок ... **детские горшки**.

Георгий: Ну, понятно, ведь по-чеишки *počník* — это «ночной горшок», а *ночник*, в свою очередь, по-чеишки будет *poční lampička* (Кто любит орать?, 12.04.2009).

- б) В одной замечательной пиццерии наши соотечественники заказали пиццу больше, чем могли съесть, и, обратившись к официанту, попросили: «*Запакуйте!*», — и показали жестом, что именно следует запаковать. А там, на столе остались нетронутыми аж 2 пиццы. Официант, несколько удивившись, выполнил просьбу клиентов и поставил перед ними ещё 2 пиццы. Теперь уже удивились наши. Дело в том, что по-чеишки *zopakovat* значит «повторить» (Позорная жена, 30.12.2007).

- в) Георгий: <...> Один наш приятель на заре своей жизни в Чехии пришёл в контору, которая отвечает за техническое состояние его квартиры. Суть проблемы была в том, что он жил на верхнем этаже, а крыша дома немного подтекала. Технический специалист спросил его: «*Máte škodu?*». Что в переводе на русский значит «Вашей квартире причинён ущерб?». Но приятель на вопрос «*Máte škodu?*», не поняв, правда, какое это отношение имеет к проблеме, с которой он пришел, все-таки ответил: «*Ne, mám "Opel"*».

Вера: Правильно, а зачем они марку машины таким словом обозвали? Ты бы стал покупать машину с названием «Вред» или «Убыток», а *škoda* именно так и переводится. Я понимаю, что это фамилия основателя завода, но всё же! (*Škoda* — жалкая машина, 03.02.2008).

4. Также необходимо особо отметить ситуацию т. н. пассивной, или односторонней, коммуникации, возникающую при использовании в учебных целях чтения на изучаемом языке, а также радио- и телевизионных СМИ. В данном случае первоначально оцениваемое как коммуникативная неудача несоответствие привычных, ожидаемых (то есть русских) значений чешских слов и фраз в дальнейшем, уже после выяснения причин неудачи, например, с помощью словаря, учителя или знакомого носителя языка, может в ассоциации с когда-то прочитанным или услышанным помочь освоить правильное применение данной лексики. Приведем несколько примеров:

- а) Вера: Скажи, Георгий, ты любишь получать *отказы*?
Георгий: Ничего себе начало передачи! Конечно, не люблю.

Вера: А вот чехи любят! Весь чешский Интернет просто пестрит рекламой типа: «**100 odkazů na mp3 zdarma!**» Просто по-чешки **odkaz** — это, в частности, «ссылка», но не только. Это слово означает ещё одну даже более ценную вещь, чем полезная ссылка. Вы не поверите, но по-чешки **odkaz** — это «наследство». Так что получить в Чехии **otkaz** очень даже приятно, особенно в виде старинного замка какого-нибудь (Отказ, 10.02.2008).

- б) Вера: А я продолжаю читать статьи на тему русской истории, чтобы, так сказать, ознакомиться с чешским взглядом на события. И мне встретилась совершенно безобидная на первый взгляд строчка «**kdyby carský režim popravil Stalina**»... Как бы ты это перевёл?

Георгий: «Если бы царский режим поправил Сталина...». Видимо, далее следовало, что многих ужасных событий бы не случилось.

Вера: Уж это точно, не случилось бы, потому что **popravil** переводится как «расправился или казнил». Так что вы уж, дорогие слушатели, не доводите дело до того, чтобы в Чехии вас кто-нибудь **popravil!** (Преступный день, 22.06.2008).

- в) Вера: А я недавно купила себе маску для лица, читаю инструкцию по применению, всё как обычно — нанести, оставить на 10 минут, а потом «**smýt čistou vlažnou vodou**». Думаю, для блондинок, что ли, маска? А какой ещё водой, интересно, можно смыть, если не влажной? <...> В этот же день в кофейне какой-то чешский пан при мне заказал **vlažný čaj!** Тут уж я не выдержала и сразу, как пришла домой, зашла в словарь. Представляешь, **vlažný** — это значит «тёплый», но не горячий! (Опасные слова, 23.11.2008).

- г) <...> хочу поделиться с вами фразой из чешского выпуска новостей: **bezpečná dávka alkoholu**. Сразу представляется что-то такое винодельческо-пасторальное. Этакие босые красавицы бесечно дают алкоголь, ну в смысле, виноград, чтоб потом получился алкоголь. А вот и нет! Опять никакой романтики ... **Bezpečná dávka alkoholu** — это «безопасная доза алкоголя» (Покой вашим хатам, 23.12.2007).

Таким образом, авторы передачи, используя комический эффект, вызываемый подобными коммуникативными ситуациями, пытаются акцентировать различия значений у фонетически одинаковых или сходных форм в близкородственных язы-

ках с целью разграничения их значений, то есть преодоления интерференции (прежде всего диасемии). При этом, как видно из уже указанных примеров, не всегда используется какой-то специальный прием языковой игры. Для достижения комического эффекта в случае межъязыковой игры нередко достаточно простого описания коммуникативной ситуации, причем иногда специально додуманной или даже выдуманной ситуации, где наблюдалась интерференция, с разъяснением истинных значений слов близкородственного языка (например, случаи, представленные под цифрой 3); либо использования приема реконструкции предполагаемой ситуации, где могла бы прозвучать та или иная чешская фраза, но с русским значением (пример 4 г); или нанизывания вопросительных конструкций, где фигурируют сходные слова или выражения с разными значениями в русском и чешском языках, с целью доведения ситуации до абсурда (пример 4 в).

На следующих примерах продемонстрируем также некоторые специфические приемы языковой игры и случаи «игровых» объяснений различий в значениях сходных чешских и русских слов и выражений.

1. Примеров сознательной языковой игры самими говорящими отмечено не так много, чаще фиксируются ошибки, обусловленные интерференцией, что лишний раз подтверждает тот факт, что речь идет, прежде всего, о начинающих изучение близкородственного языка или владеющих им на начальном или среднем уровне. Приведем примеры, демонстрирующие разные этапы освоения языка.

(а) Предлагается для запоминания и даже для артикуляции чешского слова *na shledanou* «до свидания» использовать совершенно иные слова, которые при быстром и слитном произнесении могут привести к более или менее удачной, понимаемой коммуникации между носителем языка и иностранцем, якобы говорящим на чешском с акцентом:

На тему этого слова <na shledanou>, кстати, есть дивная история. Представители некогда советской азиатской республики купили в Чехии санаторий и <...> поставили управлять им кого-то из своих. А он, как назло, никак не мог запомнить, как пра-

вильно по-чешски прощаться с клиентами. А это, как вы понимаете, нехорошо для бизнеса. Тогда один из его приятелей решил помочь и говорит: «Всё просто — “Нестле” знаешь?». Тот отвечает: «Знаю». «А “Данон” знаешь?» — «Ну да», — «Так и говори: “**Нестле-Данон**”». И представляете — сработало («Нестле» и «Данон», 09.12.2007).

(б) Следующий пример с тем же словом *na shledanou* иллюстрирует ситуацию официального общения:

<...> один мой знакомый, выходя из какого-то чешского учреждения, раскланялся на прощание со словами «**Досвидану!**» Так что, досвидану, дорогие слушатели! (Na shledanou или досвидану, 17.08.2008).

В план игры эту ситуацию переводит ее воспроизведение в рамках радиопередачи. В реальности же в речи говорящего наблюдается характерная ассоциативная ошибка, обусловленная интерференцией. Говорящий на близкородственном чешском языке, зная правило этикета (надо попрощаться в конце беседы) и помня формальный показатель чешского слова (а именно, его окончание) с опорой на языковое родство русского и чешского языков производит в речи данный гибридный окказионализм.

(в) Следующий пример является во всех смыслах игровым, причем в обратном направлении: в данном случае освоенное чешское слово (*vánoční stromček* (в частности, его словообразовательный формант) используется как модель для создания нового «игрового» слова на родном языке. Дополнительным элементом, усиливающим комический эффект, является использование фонетически близкого русского сленгового слова *стрёмно* «1. страшно, опасно; 2. стыдно, позорно» в качестве основы для новообразования:

<...> одни мои знакомые из любви к природе купили в прошлом году на праздник живую ёлочку, в ведре с землёй. Ну, чтобы спустя пару лет посадить её просто во дворе. Вот их ёлочка замечательно провела с ними прошлый новый год, а потом сняла украшения и отправилась на балкон. Там она подцепила какую-то свою ёлочную болезнь, в общем, она как-то пооблезла и потускнела. И вот стоит хозяйка этой ёлочки на балконе, любитесь

на бедное деревце и изрекает: «У всех на рождество будет **stro-tešek**, а у нас **стрёмичек!**» (Новый год, 04.01.2009).

Следует отметить, что особой обучающей цели данные примеры (как, впрочем, и некоторые другие примеры из этих передач), конечно, не преследуют — в большинстве своем это скорее языковое балагурство (ср.: [Норман 2006: 9]), в ограниченных дозах вполне вписывающееся в рамки подобной программы.

2. Хотелось бы обратить также внимание на случаи, где упоминаются специфические чешские реалии: названия блюд чешской кухни, праздники, традиции и под. К сожалению, стоит признать, что авторы передачи пока не совсем владеют такой лингвострановедческой информацией и не проявляют, как кажется, ожидаемого интереса к поиску информации по данному вопросу и знакомству с ней слушателей. Например, в январе 2009 г. в эфир вышла передача из рубрики «Давайте говорить по-чешски!» с многообещающим (в плане языковой игры) названием «*Сталлоне приезжает в Чехию всегда 31 декабря*». Речь идет о чешском названии последнего дня года *Silvestr* согласно чешскому народно-церковному календарю. В название передачи в качестве игрового элемента удачно вписывается вполне оправданное и даже ожидаемое включение имени голливудского актера Сильвестра Сталлоне и игровая реконструкция возможных событий: регулярный приезд Сталлоне в Чехию в канун нового года. Однако в основном тексте лишь констатируется, что «31 декабря — день святого Сильвестра», а ожидаемое объяснение того, почему именно этот день носит его имя, отсутствует; более того, заявлено, что это «какая-то непонятная традиция», что явно не вписывается в обучающую концепцию программы:

*Вера: Я выяснила, почему канун нового года, 31 декабря, в Чехии называется «**Silvestr**».*

*Георгий: Поделись открытием, а то мне давно уже любопытно, с какой стати все должны славить в этот день **Сильвестра**. Может, **Сталлоне** навещался 31 декабря в Чехию?*

*Вера: Нет, просто 31 декабря — день **святого Сильвестра**.*

*Георгий: Здорово! А при чём тут новый год? Какая-то непонятная традиция — встречают новый год, а славят **Сильвестра** (Сталлоне приезжает в Чехию всегда 31 декабря, 18.01.2009).*

3. Приведем, на наш взгляд, удачный пример, где в форме анекдота ведущие передачи знакомят слушателей с понятием, заключенным в чешской аббревиатуре *IČO* = *identifikační číslo* «регистрационный номер» и имеющим большое значение особенно для желающих основать фирму в Чешской Республике. Комический эффект создается не просто за счет созвучия чешской аббревиатуры *IČO* и фонетически тождественного просторечного произношения русской конструкции с союзом и местоимением *что* — *и чо*, а с помощью просторечной формы антонима *ничо*, рифмующейся с главным чешским словом-аббревиатурой:

Вера: Здравствуйте! В эфире программа «Давайте говорить по-чешки!».

Георгий: Да, действительно давайте хотя бы пытаться изучать чешский. А то некоторые из наших соотечественников открывают здесь фирмы, не зная просто элементарных понятий.

Вера: Ну, например?

*Георгий: Например, **IČO** — это персональный налоговый номер, аналог российского ИНН. На эту тему даже баечка есть. Недавно одна знакомая дама отправилась в магистрат, чтобы взять выписку из Торгового Реестра на свою фирму. Там её резонно спросили: «**IČO**». Знаешь, что она ответила? — «**Ничо!**»*

Вера: В смысле? Ничего не ответила?

*Георгий: Да нет! Её чиновница спрашивает: «**IČO**», а та отвечает: «**Ничо!**».*

Вера: Да, смешно (Надо учить чешский, 11.10.2009).

4. Удачным приемом освоения лексики близкородственного языка в игровой форме следует признать предпринятое авторами передачи представление лексико-семантической группы слов, обозначающих разные типы жилищных объектов:

Вера: А я давно уже хочу поговорить о том, как живут чехи.

Георгий: Ну, это надо в другой программе — «Не как в России».

*Вера: Да нет! Сейчас вы поймёте, о чём я. **Знаете, что чехи живут в бараках и халупах, а отдыхают в хатах?***

Георгий: Ну, ты сейчас напугаешь слушателей. Давай я всё объясню: *barák* — это «дом, здание»; *chalupa* — «частный дом», а *chata* — «дача или дачный домик».

<...> Да сложно не запутаться в этих **бараках** и **дворцах**. Зато с **пропиской** здесь всё намного проще. Прописку в Чехии, вы, как поётся в одной песне, «думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь». Потому что *propiska* — это «шариковая ручка».

<...> На этом разрешите откланяться! **Пусть будет покой в ваших бараках и хатах!**

Вера: Да, и лучше не один <покой>... Но об этом в следующей передаче (Покой вашим хатам, 23.12.2007).

Сначала расшифровываются «истинные», то есть чешские значения так называемых межъязыковых омонимов — при этом, по удачному стечению обстоятельств, и русские, и чешские слова обозначают жилища, правда, разного уровня комфорта, что и позволяет задействовать их в (меж)языковой игре. А в заключение передачи в качестве «повторения пройденного материала» и в функции прощания с радиослушателями используется смоделированная, в том числе и на основе стилистического контраста, фраза «*Пусть будет покой в ваших бараках и хатах!*» с неожиданным для не знающих значение чешского слова *rokoj* «комната» продолжением: «Да, и лучше не один <покой>...».

5. Иногда авторы передачи используют построение словообразовательных цепочек из однокоренных слов. В целом этот прием можно считать эффективным для усвоения новой лексики. Однако в случае изучения близкородственного славянского языка и, возможно, особенно чешского, где нередко этимологическая составляющая в словообразовании является весьма прозрачной, на наш взгляд, более приемлемым для представления и последующего запоминания такой лексики было бы объяснение этимологических связей однокоренных слов, а не попытка создания комических ассоциаций, которые в данном случае могут привести к еще большей путанице, так как приводится два значения: одно смоделированное, другое истинное. Справедливости ради стоит отметить, что в приводимом примере интуитивно этимологическую связь однокоренных слов авторы все же ощущают:

Вера: <...> начнём сегодня с проблемы дедов и внуков.

Георгий: А какие у них проблемы?

Вера: Проблемы с переводом родственных чешских слов на русский. Дорогие слушатели, **dědit** в переводе с чешского вовсе не «нянчить внуков», а «получать по наследству». Тут хоть какая-то логика есть — получать после деда. Но мне вот чисто по-женски не нравится, что **dědici** — это «наследники» <...>, а **zbabělec** — это «трус». Неприятная такая тенденция (Деды и внуки, 08.03.2009).

6. Авторы передачи также акцентируют внимание на разных значениях словообразовательных формантов в двух языках, например:

(а) <...> дорогие друзья, не стоит обижаться, когда чехи вам говорят, что **выprovodят вас**. Поверьте, в чешском языке в этих словах нет ничего обидного: **vyprovodím vás** в переводе значит «провоожу вас» (Венчание псов, 21.06.2009).

(б) <...> не стоит, приходя в чешский ресторан, просить по-русски **вилку**. Официант может быть удивлён, ибо по-чешски **vilka** — это «маленькая вилла», а столовый прибор по-чешски будет **vidl-ička** (Дайте вилку, 26.04.2009).

Во втором примере наблюдается комплексная интерференция. Во-первых, в корнях чешских слов и их русских соответствий: *vil-ka* с диминутивным значением «небольшая вилла» и слово *vidl-ička*, называющее столовый прибор «вилка». Во-вторых, для русского человека, изучающего чешский, также возникает ситуация обманутого ожидания и при семантизации суффиксов, даже если он уже знает, например, что чешский язык питает особую страсть к диминутивам. Однако эта диминутивная коннотация у подобных форм нередко нивелируется. Это несовпадение и демонстрируют приведенные примеры: в чешском слове *vilka* нужно почувствовать диминутив, а в случае с чешским словом *vidlička* этот признак необходимо нейтрализовать.

7. Многие из примеров основаны на стилистическом несовпадении сходных лексем в чешском и русском языках, чаще слово чешского языка входит в состав нейтральной нормативной лексики, а его русский омоним является принадлежностью

сленга, просторечным словом или даже вульгаризмом, ругательством. Например, чеш. существительное с регулярным суффиксом *-dlo pádlo*, что значит «весло», и его русский лже-эквивалент *падло*, являющийся принадлежностью воровского жаргона:

*<...> а ещё **падло**.... На тему этого слова я вам расскажу ещё одну трогательную историю из жизни иммигрантов. Один русский турист купался в чешском озере и услышал в свой адрес: «**Pozor, pádlo!**». Слава Богу, до того, как турист захлебнулся от возмущения, ему объяснили, что его никто не хотел обидеть, а просто вовремя предупредили об опасности. Потому что **pozor** — это «внимание», а **pádlo** — «весло»! (Брежнев хапал, 16.12.2007).*

В качестве последней иллюстрации приведем пример, где чешское слово *babka* в форме ед. ч. и русское слово *бабки* во мн. ч. используются во вторичном сленговом значении «деньги». Особую пикантность данному сопоставлению придает антонимичность значений русского выражения *за бабки*, то есть за (большие) деньги и чешского *za babki*, то есть за бесценок, дешево.

*Георгий: Вера, <...>, что значит в переводе на русский **za babku**?*

*Вера: Ну... «бабка за дедку, внучка за бабу», а, погоди, может, это **за бабки, то есть за деньги!***

*Георгий: Только с точностью до наоборот: **za babku** значит «за бесценок или по дешевке», в общем, в Чехии **бабки** не в цене (Жмурки, 04.05.2008).*

Эффективен ли такой подход к изучению лексики близкородственного языка?

Если несколько изменить методику (в частности, использовать носителя языка для произношения чешских примеров, подобрать в некоторых случаях более профессиональные объяснения, исправить явные ошибки и обязательно использовать текстовую версию радиопередачи при обучении), подобный метод преодоления интерференции при освоении лексики путем акцентирования различий в значениях можно рекомендовать в качестве обучающего игрового приема для освоения близкородственного языка.

ИСТОЧНИКИ

Радио Прага 2007–2009 — Давайте говорить по-чешски! *В архив. Радио Прага*. Веб-ресурс: <http://www.radio.cz/ru/rubrika-archiv/cestina> (Даты эфира и публикации — 25.11.2007– 27.12.2009).

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. И. 1972 — Сущность интерференции и специфика ее проявления. *Проблемы двуязычия и многоязычия*. Москва. С. 88–98.
- Вайнрайх У. 1979 — *Языковые контакты*. Киев.
- Вашкова Л., Каймаков А. 2009 — О чешском языке и детском досуге в Чехии. Рубрика «Я к Вам пишу». *Радио Прага*. Веб-ресурс: <http://www.radio.cz/ru/statja/113034> (Дата эфира и публикации — 08.02.2009).
- Виноградов В. А. 1983 — Стратификация нормы, интерференция и обучение языку. *Лингвистические основы преподавания языка*. Москва. С. 44–65.
- Витгенштейн Л. 1985 — Философские исследования. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Москва. С. 79–128.
- Гавранек Б. 1972 — К проблематике смешения языков. *Новое в лингвистике*. Вып. VI. *Языковые контакты*. Москва. С. 94–111.
- Гридина Т. А. 1996 — *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург.
- Дешериева Ю. Ю. 1981 — Проблемы лингвистической интерференции в современном языкознании. *Теоретические проблемы социальной лингвистики*. Москва. С. 240–255.
- Ершова Е. Н. 1972 — О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков. *Проблемы двуязычия и многоязычия*. Москва. С. 130–139.
- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. 1983 — Языковая игра. *Русская разговорная речь. Фонетика, Морфология. Лексика. Жест*. Москва. С. 172–211.
- Норман Б. Ю. 1987 — *Язык: знакомый незнакомец*. Минск.
- Норман Б. Ю. 2006 — *Игра на грани языка*. Москва.
- Реформатский А. А. 1962 — О сопоставительном методе. *Русский язык в национальной школе*. № 5. Москва. С. 23–33.
- Санников В. З. 1999 — *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва.

KEELTEVAHELINE MÄNG KUI LÄHISUGULASKEELE OMANDAMISE VAHEND

(“Radio Praha. Český rozhlas 7” vene toimetuse saatetsükli
“Hakkame rääkima tšehhi keeles!” põhjal)

Irina Abisogomjan

Artiklis uuritakse ebaõnnestunud suhtlussituatsioonide tekkepõhjuseid. Need on tingitud lähisugulaskeele mõjust ja esinevad suhtlemisel õpitavas keeles (interferentsiga seotud keelevead). Vaatluse all on olukorrad, kus vene emakeelega õppijad omandavad tšehhi keelt. Teatavasti aitab keeltesugulus kaasa lähisugulaskeele kiiremale omandamisele (eriti keeleõppe algusfaasis), kuid võib seda protsessi ka oluliselt raskendada. Omanäoliseks “Pandora laekaks” kujuneb mõlema keele ühine sõnavara, käesoleval juhul üldslaavi sõnavara.

Uurimismaterjal on saadud raadiojaama “Radio Praha. Český rozhlas 7” vene toimetuse raadisaadetest “Hakkame rääkima tšehhi keeles!”. Neis on võimalik jälgida ebaõnnestuvaid suhtlussituatsioone, mis tekivad vene emakeelega kõnelejail tšehhi keeles. Keeltevahelise õppemängu abil püütakse anda sõnaseletusi, kasutades järgmisi situatsioone: 1) esimene kokkupuude tšehhi keelega (turistid ja tšehhi keelt algtasemel õppijad nii Tšehhis kui ka väljaspool); 2) lastevahelised dialoogid, milles ühe lapse emakeeleks ei ole tšehhi keel, õpetaja ja õpilase vaheline suhtlus, lapsevanema-võõramaalase ning tema lapse tšehhidest sõprade vaheline suhtlus; 3) igapäevases suhtluses poes, ühistranspordis, haiglas, tänaval ja mujal tekkivad “ebakommunikatiivsed” situatsioonid; 4) passiivne või ühepoolne suhtlus, kus loetakse kirjandust õpitavas keeles, jälgitakse raadio- ja / või televisioonisaadet.

Artiklis analüüsitakse keeltevahelise mängu võtteid lähisugulaskeele omandamisel. Vaadeldakse, kuidas on võimalik ületada interferentsinähtusi (diseemiat), rõhutades foneetiliselt ühesuguste või sarnaste sõnade tähenduserinevusi lähisugulaskeeltes. Tehtud on järeldused võtete efektiivsuse kohta.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭСТОНИИ ПО ДАННЫМ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ

И. В. АДАМСОН

Введение

В последнее время для анализа функционирования языковых единиц активно используются компьютерные возможности, в частности, ресурсы Интернета. Это как «обычные» поисковые системы, такие как Google, Yandex, Rambler, Yahoo и др., так и профессиональные ресурсы или электронные корпуса, например, такие как Национальный корпус русского языка, система баз данных «Интегрум», Корпус русского литературного языка и др. Использование этих ресурсов значительно облегчает поиск и верификацию различных фактов языка. Например, работа с корпусами помогает как составлению словников словарей, так и определению круга неологизмов, что описано, например, в [Никипорец-Такигава 2008: 276–291]. Совмещение данных различных корпусов помогает нахождению наиболее объективной информации, что отмечается в [Плунгян 2006: 84]. В частности, для исследования языковых явлений отмечается эффективность параллельного использования Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и системы «Интегрум». Дело в том, что в НКРЯ есть «развитая система разметки и сбалансированности входящих текстов», но в то же время для фронтальных исследований в «области “истории слов” конца XX века собрание “Интегрума” вне конкуренции» [там же].

Опыт проведения исследований при помощи различных электронных поисковых систем показал несомненное преимущество профессиональных ресурсов перед популярными поисковыми системами, такими как Google, Yandex, Yahoo и др. В одном из исследований справедливо отмечается, что «Интернет-поисковые машины не имеют сложного языка запросов для точного поиска» [Никипорец-Такигава 2006: 6]. В другом указывается, что «количество информации, которое сегодня расположено в сети, в том числе и формально релевантной запросу, явно избыточно. Значительная часть информации недостоверна, неформатна и зачастую является «мусором»» [Романенко, Гершензон 2006: 21]. С этим также нельзя не согласиться.

В отношении верификации некоторых фактов особенностей русского языка в Эстонии электронные системы уже использовались в различных исследованиях (см., например, [Адамсон 2009; Паликова 2009] и нек. др.). Часто удавалось проследить случаи, которые трудно установить только на основании языкового опыта или интуитивной оценки, а также на основании сопоставления информации с данными, содержащимися в лексикографических источниках.

Прежде чем обратиться к фактическому материалу данного исследования, кратко остановимся на изучении особенностей русского языка в Эстонии.

Имеется ряд исследований, в которых рассматриваются различные особенности современного русского языка в Эстонии (см., например, [Кюльмоя 2000; Кюльмоя 2002; Дуличенко 2000; Костанди 2000; Костанди 2009; Евстратова 2002; Щаднева 2000; Щаднева 2009; Паликова 2009; Адамсон 2009; Verschik 2006] и др.). В центре внимания исследователей находятся участки языковой системы, которые наиболее чувствительны к инновациям: лексика и синтаксис. Отмечают различные факторы, приводящие к воздействию одного (государственного) языка на другой (язык меньшинства): прагматика, референция, интерференция и др.

В рамках данного исследования мы остановимся на лексемах и составных номинациях, характерных для русского языка современной Эстонии.

В различных работах по описанию особенностей русского языка в Эстонии зафиксировано более ста регулярно функционирующих в речи русскоязычных жителей эстонских регионализмов. Но массив этот неоднороден, поскольку часть из входящих в него слов и словосочетаний представляют собой варваризмы: *лаэн* (кредит, заем), *теллер* (банковский служащий, операционист, работник конторы), *халдур* (управляющий), *таотлус* (ходатайство), *сихт* (от эст. *sihtfinanseerimine* — «целевое финансирование»), *исик* (физическое / юридическое лицо), *тузик* (путевка), *кофик* (кафе), *интресс* (процент) и др. Это также кальки и полукальки, регулярная встречаемость которых ставится под сомнение: *покрошенное мясо* (фарш), *картофельная каша* (картофельное пюре), *куриные шарики* (тефтели из куриного фарша), *зазаливные клиенты* (финны), *коктейльные трубочки* (соломинка) (см. подробнее [Кюльмоя 2009; Паликова 2009]). Употребление таких единиц зависит от речевой культуры и языкового вкуса конкретного говорящего.

Использование Интернета в исследовании региональных особенностей русского языка

Профессиональные электронные базы данных позволяют определить как ареал распространения, так и примерное время проникновения инноваций в русский язык: по признаку первой встречаемости в корпусе.

В данном исследовании было использовано два метода поиска интересующих нас языковых единиц. Первый метод — по специальному маркеру «как говорят в Эстонии», второй основывался на верификации уже извлеченных из текстов языковых единиц, главным образом при помощи системы баз данных «Интегрум».

Результаты поиска по маркеру «как говорят в Эстонии»

В [Никипорец-Такигава 2008: 276–291] был описан метод поиска неологизмов при помощи маркера «как сейчас говорят». В данном исследовании осуществляется попытка использования этого метода по актуальному для нас маркеру «как говорят в Эстонии». Поиск осуществлялся в системах Google, Yandex и «Интегрум».

Результаты поиска оказались следующими (исключая информационный шум, в том числе и повторы): *дигитальная подпись, вынужденные квартиросъемщики, по цене бутерброда, «усталый» отель, «безбюджетное» производство, зарплата в конверте.*

К «эстонским» можно отнести следующие составные номинации: *дигитальная подпись, вынужденные квартиросъемщики, по цене бутерброда.* Остальные нередки и для России. Необходимо отметить, что конструкция *дигитальная подпись* встречается и на российских сайтах, часто на форумах в Интернете, и поэтому неизвестно, жителем какой именно страны является автор сообщения.

«Эстонским» это словосочетание можно считать на основании калькирования исходной номинации (эст. *digitaalalkiri*), поскольку в России (и не только) можно встретить соответствие *цифровая подпись*. (См. об этом подробнее ниже.)

При помощи маркера, указанного выше, обнаруживаются также случаи субъективной оценки, основывающейся на ряде стереотипных представлений об Эстонии:

Как говорят в Эстонии, не надо спooooорить! (<http://www.suzuki-club.ru/forum/showthread.php?p=432814>) (26.01.2011).

Как говорят в Эстонии — пригодиццаа! (<http://www.terrawoman.com.ua/forum/lofiversion/index.php/t6421-3450.html>) (26.01.2011).

В системе «Интегрум» удалось найти больше информации, необходимой для целей данного исследования, чем по поисковым Google и Yandex. Для поиска был задан диапазон дат в 20 лет: 01.01.1991–01.01.2011. Это позволило установить время, когда искомая единица появилась в текстах на русском языке. В 1991 году в Эстонии была восстановлена независи-

мость, и данный отрезок времени должен помочь проследить, когда и какая из рассматриваемых языковых единиц стала употребляться, притом за все время бытования русского языка в статусе языка национального меньшинства.

Итак, за заданный промежуток времени системой было найдено только 11 документов¹.

Приведем все результаты поиска по системе «Интегрум» по маркеру «как говорят в Эстонии»: *зарплата в конверте; отмена Россией «двойных таможенных пошлин» на эстонские товары; национал-озабоченные политики; по цене бутерброда; надо думать животом; нормально; констебль; «Häda ajab härja kaevi» («беда быка в колодец загонит»); общественно-правовые радио- и телеканалы; агенты бывшего КГБ устраиваются в независимой ЭР вполне удачно; если бы деревья не гнулись, то первый же шторм смел бы с лица земли все леса.*

Некоторые примеры:

- (1) *Ведь как говорят в Эстонии: «Häda ajab härja kaevi» («беда быка в колодец загонит»). И если в армии была возможность говорить «не для всех ушей», то такой возможностью пользо-*

¹ Когда «Интегрум» указывает на «документы», то имеются в виду источники, а не сами объекты поиска, то есть лексемы и словоформы, — их может быть гораздо больше. Например, в тексте одного «документа» может быть два или три словоупотребления. Допустим, «Интегрум» нашел 36 документов с эстонским регионализмом, но упоминаемость искомого объекта равна 45, то есть в некоторых текстах лексема упоминается два раза или более. Поскольку в задачу исследования входит не уточнение словоупотреблений, а ареал распространения слов и составных номинаций, то точные частотные характеристики не представляются на данном этапе важными. Главное в данном случае — контекст употребления: относится ли этот текст (или «документ») к Эстонии или нет. В указанной системе есть указание «источники», но оно означает суммарное количество СМИ различных баз данных, из которых по запросу было извлечено определенное их количество, обозначенное как «документы». Кроме того, количество «источников», по которым осуществляется поиск, по умолчанию является одинаковым: 3603 (по состоянию на 28.01.2011).

вались многие (Вести сегодня (Латвия), 15.12.2001, Обзор латвийской прессы).

- (2) *Как говорят в Эстонии, нормально!* (Молодежь Эстонии, 10.10.2002, Как говорят в Эстонии, нормально!).

Были найдены некоторые номинации, встречающиеся в речи говорящих на русском языке в Эстонии (*по цене бутерброда, констебль*), также обнаружались факты эстонской идиоматики (*беда быка в колодезь загонит, надо думать животом*) и различные субъективные оценки говорящих (*если бы деревья не гнулись, то первый же шторм смел бы с лица земли все леса и др.*).

Верификация языковых единиц, обнаруженных в текстах

В системе «Интегрум» для каждого анализируемого слова и словосочетания был задан исходный диапазон дат, о котором говорилось выше. Далее отслеживалось, в какой мере та или иная языковая единица относится именно к Эстонии. После этого определялось время первого фиксирования слова или составной номинации в «Интегруме». Затем отмечалось количество документов с интересующими нас единицами.

Поиск осуществлялся по всем возможным словоформам, то есть не ставился ограничитель «!т».

Мы не станем перечислять все полученные единицы, так как с ними можно ознакомиться и в ряде публикаций различных исследователей (см. список литературы).

Работа с поисковыми электронными системами показала, что не всегда можно быть полностью уверенным в том, что та или иная, выделенная на основании языкового опыта единица, действительно свойственна только Эстонии.

В центре нашего внимания находятся только регулярно встречающиеся языковые единицы. Это означает, что факты неудачного перевода, единичные случаи рассматриваться не будут. Не будет уделяться внимание фактам разговорной речи типа *кофик* (кафе), *кроники* (кроны) и др.

Для удобства анализа отдельные лексемы сначала группируются по частям речи, затем приводятся составные номинации.

1. Глаголы

Считается, что функционирование глаголов *акцентировать*, *кандидировать*, *корригировать* связано с воздействием звукового облика эстонских глаголов *aktsepteerima*, *kandideerima*, *korrigeerima*. В норме по-русски должно быть *акцентовать*; *баллотироваться*, *выдвигать кандидатуру*; *корректировать*. Система «Интегрум» показала, что это не так. В России также можно встретить употребление этих глаголов.

АКЦЕНТИРОВАТЬ

Этот глагол встречается в системе с 1991 года. Было обнаружено 1044 документа. В их числе достаточно примеров из российских источников. Приведем один из них:

*Это говорит о том, что провинциалы знают звезд своего времени, а новые еще не **акцентированы** этим зрителем (Московский комсомолец, 08.07.2003, Табаков против Табакова?).*

КАНДИДИРОВАТЬ

Встречается с 1999 года. Было обнаружено 36 документов, в том числе и в российском контексте:

*Сергей Степашин, премьер-министр правительства РФ: «Меня **кандидировал** Борис Николаевич, он и решит, как меня **раскандидировать**». Сшит колпак не по колпаковски, надо его переколпаковать (Восточно-Сибирская правда, 02.06.1999, Сильно сказано!).*

Рассматриваемый глагол употреблен здесь в каузативном значении, что не характерно для Эстонии.

Другой пример:

*Проблем так много, что «**кандидировать**» премьера (это выражение одной иностранной журналистки) по три раза в Госдуму, как это было с Кириенко, просто некогда (Парламентская газета (Москва), 19.05.1999, Триумф с горьким привкусом: и. о. премьера понравился сенаторам. Надолго ли?).*

Эти примеры показывают, что употребление рассматриваемого глагола выглядит для России несколько экзотично, по-

скольку сопровождается либо экспрессивной оценкой, либо указанием на «нерусскость» данного глагола.

Кроме того, в поисковых системах Интернета можно обнаружить употребление данного глагола в текстах на русском языке и в других странах: в Германии (ср. нем. *kandidieren*), Латвии и др.

КОРРИГИРОВАТЬ

Встречается с 1993 года. Было обнаружено 1862 документа. Большинство употреблений глагола *корректировать* в России относится к медицинской сфере. Приведем один из таких примеров:

*Получили ортопедический комплекс БОС, назначение которого в том, чтобы **корректировать** нарушения в состоянии здоровья без операционных вмешательств, в форме игры, используя внутренние резервы организма. Мы очень рады!* (Корабел (Архангельская обл. г. Северодвинск), 29.10.2002, На уровне мировых стандартов).

В значении «исправлять», то есть в другом, не медицинском значении, этот глагол употребляется не только в Эстонии, но, например, и в Латвии:

*Но у партии есть одна серьезная проблема: «народники» всегда больше работают на себя, чем на государство. Они всегда видят себя в развитии этого государства. И это **корректирует** их решения по отношению к развитию государства* (Телеграф, ежедневная газета Латвии, 07.01.2008, Позарез нужно производство!).

Глаголы *пропагировать* и *курамировать* не встретились в «Интегруме». Ср. эстонские слова: *propageerima*, *kurameerita* и их нормативные русские соответствия: *пропагандировать*, *проповедовать*; *флиртовать*, *ухаживать*.

2. Существительные

О лексеме *инфочас* и других словах с композитом *инфо-* было написано в [Адамсон 2009]. Отмечалось, что *инфочас*, *инфодень*, *инфозал*, *инфолисток*, *инфотелефон* встречаются только в контексте Эстонии, согласно данным системы «Интегрум».

В данном исследовании хотелось бы сделать некоторые уточнения.

Дополнительная проверка данных показала, что к «эстонским» из перечисленных можно отнести только *инфочас*, а существительное *инфотелефон* можно назвать прибалтийским, так как его нередко можно встретить и в латвийских источниках. Ниже приводятся некоторые примеры.

ИНФОЧАС

Встречается с 1996 г. Было обнаружено 400 документов. Первый же контекст относился именно к Эстонии.

В российских СМИ лексема *инфочас* встречается с 2002 года, однако частотность ее невысока: встречаются лишь единичные случаи употребления.

Приведем один из примеров:

*Что я успеваю сделать с таким количеством народа? В лучшем случае проведу в каждой роте по одному **инфочасу**, если куда не отвлекут* (Красная звезда, 21.02.2002, Их компас — надежда...).

ИНФОТЕЛЕФОН

Существительное встречается с 1998 года. Было обнаружено 148 документов.

Некоторые примеры:

*Департамент защиты потребителя переехал с улицы Харью, 11 на улицу Кирику, 4 (Тоомпеа). Новый **инфотелефон** департамента...* (Молодежь Эстонии, 28.04.1998, Осторожно: BIG!)

Другой пример:

*Причем в Службе госдоходов напоминают, что интересующие вопросы можно задать не только по **инфотелефону**, но и при-
слать обычным или электронным письмом* (БИЗНЕС И БАЛТИЯ (Рига), 01.02.2008, Новости компаний).

Из 148 обнаруженных с этим словом документов 3 были связаны с Башкортостаном (Уфа).

ИДЕНТИТЕТ

Это существительное встречается в «Интегруме» с 1991 года. Было обнаружено 472 документа с этой лексемой.

Довольно неоднозначно интерпретируется функционирование существительного *идентитет*. В статье [Щаднева 2009: 237] указывается, что данная лексема встречается в текстах на русском языке, написанных под американским влиянием. Но проникновение слов под иноязычным влиянием — обычная ситуация, поэтому можно допустить его включение в словарный состав современного русского языка, хотя и не в основной, нормативный его корпус.

Если в тексте на эстонском языке встречается слово *identiteet*, то при переводе его на русский язык, оно может передаваться и как *идентитет*, и как *идентичность*. Рассмотрим толкование последнего слова: «Идентичность [<ср.-лат. *Identiscus* тождественный, одинаковый>] тождественность, одинаковость, совпадение ч.-л. с ч.-л.» [Новейший 2002: 321]. Получается, если заменить слово *идентитет* синонимом *одинаковый*, то в сумме должно получиться значение «национальная одинаковость».

Примечательно, что в «Эстонско-русском словаре» слово *identiteet* передается на русский язык так: «идентитет, самоидентификация <...> идентичность»; далее приводится пример словосочетания: «*rahvuslik identiteet* ~ национальный идентитет, национальное самосознание» [Eesti-vene I, 1999–2009: 748].

Из всего этого следует, что лексема *идентитет* имеет привязку не к собственно «одинаковости» или «уподоблению», хотя это также входит в его семантику, но также и к значению, обозначаемому словами «самосознание» и «самобытность». То есть это не собственно «одинаковость» или «тождество», но более широкое понятие, связанное с ментальной деятельностью, с «осознанием самобытности». Очевидно, поэтому оно проникло и в российские тексты.

Ср. пример из НКРЯ:

*Оттуда открывался вид на море, и там, на ветру, он решился уточнить «мой **идентитет**»* [Андрей Битов. Восьмой немец (1994)].

Система «Интегрум» также отображает функционирование слова *идентитет* в СМИ России. При этом чаще всего оно употребляется именно в словосочетании «национальный идентитет». Также встречается «культурный» и «территориальный» *идентитет*. Некоторые примеры:

*Но стремление сохранить империю любой ценой, надрываясь, приведет к гибели собственного народа, утрате им национального самосознания, культурного **идентитета*** (Независимая газета (Москва), 26.02.1991, Гиперболоид инженера Алксниса. Может ли у нас появиться свой пиночет?)

Другой пример:

*Родной язык — бесценное духовное сокровище, передающееся из поколения в поколение, первое условие сохранения национального **идентитета**. Нет языка — нет народа* (Удмуртская правда (Ижевск), 12.02.2002, Стихи «светлые и бесхитростные»).

В следующем примере можно увидеть не только акцент на «национальном», но больше на самобытности, уникальности определенной территории:

*Огромное значение для формирования **идентитета** Архангельской области имеют регулярно проводимые в ряде районов области фестивали и праздники* (Волна, 24.09.2004, Постановление тридцать второй сессии Архангельского областного Собрания депутатов третьего созыва).

СЕРОПАСПОРТНИК

Отмечается в [Кюльмоя 2009: 22]. Это существительное обозначает «лиц без гражданства / лиц, не определившихся с гражданством», владельцев так называемого «паспорта иностранца», обложка которого — серого цвета. Встречается с 1996 года. Было обнаружено 172 документа. Кроме эстонских, встречается и в российских СМИ, но в отношении к реалиям Эстонии.

Один из примеров:

Тем не менее, если «иностранцам», или, как их еще называют, «серопаспортникам» удалось получить вид на жительство и на работу, то они могут спокойно прожить в Эстонии от трех до пяти лет, и только затем, если они лояльно относились к властям и не нарушали законов, им могут выдать новый паспорт (Независимая газета, 29.11.1996, Суть бархатной депортации).

Итак, из перечисленных глаголов и существительных эстонскими регионализмами можно считать: *курамировать, пропагировать, серопаспортник, инфочас.*

3. Составные номинации

Остановимся на конструкциях, которые широко распространены в текстах на русском языке в Эстонии.

Не будут рассматриваться случаи подстрочного или ошибочного перевода (*дворовая свеча, основа для торта, корм для кошек с рыбой* и др.) или некоторые другие единичные случаи, поскольку для нас важны именно регулярно встречающиеся словосочетания (примеры из [Костанди 2009] и [Паликова 2009]). Также оставим пока в стороне ряд обозначений из общественной сферы, которые также заслуживают внимания, но не будут рассмотрены из-за ограниченного объема статьи.

3.1. Русские составные наименования, обнаруженные только в контексте Эстонии

Системы Google, Yandex и «Интегрум» показали, что для русского языка Эстонии характерно употребление следующих составных наименований: *дигитальная подпись, дигитальный рецепт, вынужденные квартиросъемщики*. В НКРЯ эти словосочетания не встречаются. Рассмотрим их подробнее.

Дигитальная подпись (эст. digitaalalkiri). Обозначает подпись, поставленную при помощи идентификационной карточки, так называемой ID-карты, и специального устройства. «Интегрум» показал, что данное составное наименование

встречается с 2000 года. Было обнаружено 89 документов. Первый же встретившийся фрагмент относится к Эстонии.

С этого же года словосочетание встречается и в Латвии:

*Вся информация о владельце будет закодирована в электронном чипе. Считывать ее смогут только специальные машины компьютеры. Там же будет помещена и зашифрованная **дигитальная подпись** владельца ID-карты («Час» (Латвия), 16.12.2000, ID-карты вытесняют паспорта).*

Это — единственный пример, встретившийся в неэстонском контексте.

Вынужденные квартиросъемщики (эст. sundüürnik). Номинация обозначает лиц, на квартиры которых нашлись наследники владельцев до 1940 года, поэтому жильцы таких квартир должны платить им (то есть наследникам) арендную плату.

Словосочетание встречается с 1998 года. Было найдено 435 документов. Все они содержали тексты, касающиеся только Эстонии.

Интересным оказался пример из латвийских СМИ, где встретилось данное словосочетание. В нем четко прослеживается отнесенность именно к Эстонии:

*— Раз Латвия — демократическое государство, то должно соблюдать все международные нормы, в том числе права человека на жилье, — считает Дмитрий Тимме. — В Эстонии, например, есть категория — **«вынужденный квартиросъемщик»**. А недавно местное самоуправление Таллина приняло проект строительства 5 тысяч квартир (Вести сегодня (Латвия), 11.06.2002, Мы начинаем бомбить Конституционный суд).*

В одном из российских источников находим заглавие: «Тяжела ты, доля сундюрников» (Российская газета, 01.06.2000, Письма в Российскую газету). Из текста публикации следует, что «сундюрниками» в Эстонии называют «вынужденных квартиросъемщиков», поэтому российский читатель не остается в неведении.

Дигитальный рецепт (эст. digitaalne retsept). Обозначает электронную форму рецепта. «Интегрум» обнаруживает эту номи-

нацию с 2003 года. Было обнаружено 18 документов. Один из первых примеров:

*...В течение трех-пяти последующих лет Эстония должна полностью перейти на **дигитальные рецепты** и дигитальные больничные листы* (Молодежь Эстонии, 13.10.2003, Прейскурант БК).

3.2. Русские составные наименования, преимущественно употребляющиеся в Эстонии, но встречающиеся и в контекстах других стран

Прожиточное пособие (эст. elatisabi). Данная номинация обозначает «Выплачиваемое государством прожиточное пособие, предназначенное для кратковременной выплаты ребенку, родитель которого не выполняет обязанностей по его содержанию» (<http://www.sm.ee/rus/dlja-tebja/semi/prozhitocnoe-posobie.html>). При дословной передаче на русский язык словосочетание должно выглядеть как «помощь на пропитание». Согласно системе «Интегрум», встречается с 1997 года. Было обнаружено 392 документа. Из них в контексте Латвии встретилось 3 фрагмента; США — 1 фрагмент. Только 10 фрагментов текстов встречались не в контексте Эстонии, что составляет 2,5% от общего числа встретившихся источников.

Первое же употребление было в контексте Эстонии.

Целевое учреждение (эст. sihtasutus). Первый раз встречается в «Интегруме» с 1997 года. Было найдено 1575 документов. В первом же источнике данное словосочетание употребляется в контексте Эстонии (но не в эстонском источнике!): *целевое учреждение «Финно-угрия» (Таллинн)* (Марийская правда (Йошкар-Ола), 14.03.1997). Только в контексте Эстонии данное словосочетание встречается до начала 2000-х годов. «Интегрум» показал, что словосочетание *целевое учреждение* с этого года стало употребляться в России, Дагестане, Армении и др. странах.

Больничная касса (эст. haigekassa). Организация, гарантирующая застрахованным лицам компенсацию за лечение. Было обнаружено 6197 документов.

Данное словосочетание рассматривается потому, что неоднократно задавался вопрос о том, есть ли вне Эстонии такое же или подобное значение: «организация, занимающаяся компенсацией затрат на лечение», или же употребляется как перефразированное «касса больницы»?

Есть один пример в НКРЯ:

*Лет восемь назад **больничная касса** в Будапеште заявила, что будет платить врачам за каждое посещение ими больного по сорок крейцеров (около 25 коп.)* [В. В. Вересаев. Записки врача (1895–1900)].

В «Интегруме» был также обнаружен пример, из которого следует, что страховые организации под названием «больничная касса» были в России еще в начале XX века:

*На Руси воровали всегда, это факт. Вот история, датированная 1914 годом, когда ревизоры, проверяя страховые **больничные кассы** России, обнаружили, что на лечение, выдачу пособий и пенсий из собранных страховых взносов было израсходовано 625 тыс. рублей, а на содержание чинуш — 530 тыс. рублей* (Аргументы недели, 04.10.2007, Зурабов ушел. Проблемы в медицине остались).

«Интегрум» показал, что как название учреждения, организации данная номинация встречается и в современной России.

Например:

*ЗАО «Страховая медицинская организация “**Больничная касса Сибири**” (г. Новокузнецк, Кемеровская область)»* («Газета» (Москва), 06.07.2006, Таблица к страховщикам).

Таким образом, составная номинация *больничная касса* в значении «страховая организация» относится не только к реалиям Эстонии.

Концертный дом (эст. kontserdimaja). Синоним номинаций «концертный зал» или «филармония». Раньше в Эстонии также использовалась номинация «Концертный зал “Эстония”». Но с течением времени, очевидно, под влиянием Скандинавии и других стран Западной Европы, «зал» заменили на «дом».

В «Интегруме» номинация *концертный дом* впервые встречается с 1995 года. Было обнаружено 311 документов. Отно-

сится не только к Эстонии, но и к Швеции, Норвегии, Австрии и др. странам Западной Европы.

Необходимо отметить, что, конечно же, эстонская номинация не первична, поскольку она заимствована, по всей вероятности, из немецкого языка: *das Konzerthaus*.

Примечательно, что в России также можно встретить номинацию *концертный дом*, но в составе конструкции, обозначающей полифункциональную организацию, предназначенную для профессионального музицирования:

Российский национальный оркестр получил новое здание — репетиционно-концертный дом «Оркестрион» (Российская газета, 02.09.1999, Российским национальным оркестром дирижируют «Виртуозы Москвы»).

Выводы

Работа с электронными поисковыми системами оказывается весьма эффективной при верификации воздействия иноязычного окружения. Эти системы помогают найти ответ на вопрос: действительно ли некоторые слова и составные номинации функционируют на территории, находящейся за пределами России.

В ряде случаев сугубо «эстонский» характер некоторых единиц не подтвердился, поскольку подобные единицы можно встретить и в контексте других стран. Собственно «эстонских» лексем и составных номинаций оказалось, согласно электронным поисковым системам, меньше, чем предполагалось вначале.

Проведенный мониторинг показал также, что для верификации необходимо использовать более чем 1–2 электронные поисковые системы. Например, если пользоваться только НКРЯ, то его данные могут ввести в заблуждение, так как во многих случаях корпус не указывал на наличие ряда искомых единиц, тогда как профессиональная система «Интегрум» давала достаточно данных, для наблюдения фактов, не отображенных в НКРЯ. Этот момент был отмечен В. Плунгяном, который писал: «Оба корпуса (То есть НКРЯ и «Интегрум». — И. А.) в каком-то смысле дополняют друг друга. Для многих

специальных лингвистических (особенно грамматических) исследований русского языка НКРЯ приспособлен лучше, благодаря развитой системе разметки и сбалансированности входящих текстов. С другой стороны, для фронтальных исследований в области “истории слов” конца XX века собрание “Интегрум” вне конкуренции» [Плунгян 2006: 84].

Использованный в статье способ исследования представляется эффективным и перспективным.

ИСТОЧНИКИ

Интегрум — Поисковая система «Интегрум».

URL: www.integrumworld.ru

НКРЯ — Национальный корпус русского языка.

URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Новейший 2002 — *Новейший словарь иностранных слов и выражений*. Москва—Минск.

Eesti-vene 1999–2009 — *Eesti-vene sõnaraamat. Эстонско-русский словарь*. К. 1–5. Tallinn.

Google — Поисковая система «Google». URL: www.google.ru

Yandex — Поисковая система «Yandex». URL: www.yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

Адамсон И. В. 2009 — Динамические процессы в лексике таллиннских газет на русском языке (на примере двуязычных изданий). *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии*. Тарту. С. 29–44.

Дуличенко А. Д. 2002 — Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры*. Тарту. С. 68–81.

Евстратова С. Б. 2002 — Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры*. Тарту. С. 82–90.

Костанди Е. И. 2009 — Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры. *Humaniora: Lingua Russica*.

- Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии.* Тарту. С. 65–81.
- Кюльмоя И. П. 2000 — Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы.* Тарту. С. 217–233.
- Кюльмоя И. П. 2009 — Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии.* Тарту. С. 11–28.
- Никипорец-Такигава Г. 2006 (Ред.) — *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* Москва.
- Никипорец-Такигава Г. 2008 — Неологизмы: метод поиска неологизмов при помощи маркеров новизны («как сейчас говорят») и пределы компьютерных возможностей. *Slavica Helsingiensia 34. Инструментарий русистики: корпусные подходы.* Хельсинки. С. 276–291.
- Паликова О. Н. 2009 — Русский язык в рекламных каталогах Эстонии. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии.* Тарту. С. 143–168.
- Плунгян В. А. 2006 — «Интегрум» и Национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях. *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* Москва. С. 76–84.
- Романенко Ф., Гершензон Л. 2006 — ИПС «Интегрум». История создания, описание, использование. *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* Москва. С. 19–49.
- Щаднева В. П. 2009 — О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии.* Тарту. С. 224–242.
- Verschik A. 2006 — Convergence in Estonian's Russian: Directional vs. Static vs. Separative Verb. *International Journal of Bilingualism.* Vol. 10. № 4. P. 383–404.

VENE KEELE ERIPÄRA EESTIS
INTERNETI OTSINGUSÜSTEEMIDE PÕHJAL*Inna Adamson*

Viimasel ajal kasutatakse keeleühikute analüüsimisel tihti arvutivõimalusi, nimelt Interneti otsingusüsteemide tulemusi.

Elektrooniliste otsingusüsteemide abil saab välja selgitada näiteks fakte vene keele eripäradest Eestis, mida on raske tuvastada põhinedes pelgalt keelekogemusele ja intuiitvisele hinnangule või leksikograafilistes allikates leiduvat informatsiooni kõrvutades.

Antud uurimistöö põhineb populaarsetel otsingusüsteemidel Google, Yandex ning andmebaasidel Integrum ja vene keele rahvuskorpus.

Uurimistöö tegemiseks on kasutatud kahte ainese otsimis- ja verifikatsiooni meetodit. Esimene oli tehtud spetsiaalse markeri abil: "*kak govorjat v Estonii*" ehk "kuidas räägitakse Eestis". Teine meetod põhines tekstidest leitud keeleühikute verifikatsioonil otsingusüsteemide abil. Sel juhul oli põhitöövahendiks süsteem Integrum.

Niisugune otsing on efektiivne mõningate stereotüüpide ning subjektiivsete hinnangute tuvastamisel.

Teine otsimismeetod lubas kindlaks teha, milliseid lekseeme ja sõnaühendeid kasutatakse just Eesti vene keeles. Need olid järgmised: *инфо-час, курамирывать, пропагировать, серопаспортники, дигитальная подпись, вынужденные квартиросъемщики, дигитальный рецепт*. Sai kindlaks teha ka seda, millised lekseemid ja sõnaühendid, mida peetakse vaid Eesti vene keelele omasteks, on tegelikult levinud ka teistes riikides. Need on järgmised: *акцентировать, корригировать, кандидировать*, ning sõnaühendid *больничная касса, целевое учреждение, концертный дом* jt.

Tähelepanu pööratakse ka lekseemi *идентитет* (*identiteet*) staatusele tänapäeva vene keeles.

Seega Eesti vene keelele omaseid lekseeme ja sõnaühendeid oli tegelikult vähem, kui eeldati uurimistöö alguses.

О СОСТОЯНИИ И РАЗВИТИИ II МОРФОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Н. БОГДАНОВА, О. Н. БУРДАКОВА

В нашей статье, опубликованной в предыдущем сборнике серии «*Humaniora: Lingua Russica*», был поставлен вопрос о необходимости исследования современного состояния и развития системы русского глагольного словоизменения на основе объективной оценки отдельных звеньев этой системы (морфологических классов и групп) по целому ряду количественных показателей, важнейшими из которых являются объем, интенсивность и продуктивность в новейшее время; даны научные определения таких понятий, как «относительная текущая продуктивность класса» и «интенсивность класса», и предложен возможный подход к измерению этих величин.

Продолжая движение в заданном направлении, в настоящей статье мы хотели бы остановиться на одном из характеризующих классы показателей, позволяющем представить взятый изолированно от других, морфологический класс глаголов в динамике — на интенсивности, или скорости роста класса. На примере самого малочисленного из всех традиционно считающихся продуктивными — II морфологического класса глаголов современного русского языка (с соотношением основ *e/ej*) — показать возможности применения выработанного подхода к оценке этой величины на практике.

Исследование проводилось на основе созданной нами электронной базы глагольной лексики современного русского языка

ка с детальной многоаспектной лингвистической разметкой, насчитывающей свыше 18 000 единиц. База была создана в результате сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (СПб., 1998). Выбранный для анализа в данной статье класс включает, согласно нашей базе, 599 глагольных лексем.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу II продуктивного класса глаголов, нужно сделать ряд важных замечаний теоретического и методического характера.

О трудностях оценки интенсивности

В первую очередь необходимо отметить, что мы вкладываем разное содержание в широко употребительный в различных разделах языкознания термин **продуктивность**¹ и, кажется, не используемый в лингвистике термин **интенсивность**, или **скорость роста класса**. «Под интенсивностью (*I*) мы понимаем отношение количества единиц, пришедших в данный класс за определенный исторический период, к начальному на момент измерения количеству единиц данного класса <...>. Иными словами, интенсивность — это объем класса в динамике» [Богданова, Бурдакова 2009: 250]. Подробнее о проблеме и возможных подходах к оценке интенсивности морфологических классов глаголов см. [Богданова, Бурдакова 2009].

Во-вторых, приходится признать, что вытекающая из этого определения методика расчета интенсивности морфологических классов глаголов на настоящем этапе развития лексикографии не может быть применена в полном объеме, поскольку невозможно однозначно определить состояние глагольной системы русского языка на два момента времени в силу отсутствия двух сопоставимых по принципам отбора лексики и построению словарей различных временных срезов или истори-

¹ Относительной текущей продуктивностью класса мы называем «отношение количества единиц, пришедших в данный класс за определенный исторический период к общему количеству единиц классификации, пришедших в язык за этот же период времени» [Богданова, Бурдакова 2009: 249].

ческого (в понимании Л. В. Щербы¹) словаря. Выход из этого «тупика»: сделать синхронный срез глагольного класса и восстановить историю его формирования (установив для каждого глагола выборки время и место первой лексикографической фиксации), подобно тому, как изучающий строение многовековых отложений геолог по пластам восстанавливает историю формирования осадочных бассейнов. Конечно, при таком подходе мы не сможем проследить в деталях историю изменения и развития состава класса, увидеть то, что «жило» в языке какое-то время и бесследно исчезло или, продолжая аналогию, подверглось «выветриванию», но при правильном выборе источника сбора исходных данных мы должны получить близкую к реальности картину, во всяком случае для языка XX века.

Хронологическая разметка базы проводилась с опорой на исторические справки из словарных статей БАС 1950–1965, БАС 2004–2010. Для отсутствующих в словниках указанных словарей глаголов были предприняты самостоятельные поиски источников первой лексикографической фиксации.

История формирования современного состава II продуктивного класса глаголов (по данным лексикографии)

Проведенный анализ истории формирования современного состава II продуктивного класса показывает, что 16,86% глаголов класса — слова «старые», появившиеся в языке более трех столетий назад, впервые отмечены в так называемых исторических (в общепринятом понимании) словарях: в «Материалах для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам» XI–XIV вв. и частично XV–XVI вв. И. И. Срезневского (СПб., 1893–1912) и «Дополнениях» (СПб., 1912) к ним или в неоконченном еще «Словаре русского языка XI–

¹ То есть такого словаря, который «давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» [Щерба 1940: 117].

XVII вв.» (М., 1975–2008). Например, *беднѣть*¹, *белѣть*, книжн. *благоговѣть*, *блѣднѣть*, *богатѣть*, нар.-разг. *вдовѣть*, *владѣть*, книжн. *вождедѣть*, *говѣть*, *дернѣть*, *дешевѣть*, устар. книжн. / разг. *довлѣть*, *дряхлѣть*, разг. *дурѣть*, *жалѣть*, *желтѣть*, *зеленѣть*, *имѣть*, *коснѣть*, *мелѣть*, *молодѣть*, *мудрѣть*, trad.-поэт. *напечатлѣть*, *плѣсневѣть*, *свирепѣть*, *синѣть*, *скудѣть*, *слабѣть*, *сметѣ*, *сырѣть*, *тлѣть*, *умѣть*, *худѣть* и мн. др. (см. рис. 1).

Значительная часть (38,56%) глаголов анализируемого класса впервые регистрируется уже в XVIII в. важнейшими для этого периода истории и развития русской лексикографии лингвистическими словарями: дву- и трехязычными лексиконами Ф. П. Поликарпова-Орлова (М., 1704), Э. Вейсмана (СПб., 1731), И. Ф. Литхена (СПб., 1762), лексиконом Ф. Гельтергофа (М., 1771) (более известным как «Российский целлариус»), по сути многоязычным (русско-немецко-французским) словарем И. Нордстета (СПб., 1780–1782) и, наконец, венчающим столетие, представляющим собой наивысшее достижение лексикографии того времени и одновременно открывающим новый этап в теории и практике составления словарей — первым академическим толковым словарем русского национального языка — «Словарем Академии Российской» (СПб., 1789–1794). Вот лишь некоторые примеры современных глаголов II класса, которые, согласно названным источникам, бытуют в языке уже более двухсот лет: *алѣть*, *багровѣть*, *берѣменѣть*, *бурѣть*, разг. *волосатѣть*, разг. *вишнѣть*, разг.-сниж. *глазѣть*, *глупѣть*, *грубѣть*, *густѣть*, *деревенѣть*, *дурнѣть*, *жирѣть*, разг. *заветрѣть*, разг. *здоровѣть*, *индеветь* и *индеветь*, *каменѣть*, разг. *костѣть*, *костенѣть*, *коченѣть*, *краснѣть*, разг. *круглѣть*, разг. *крупнѣть*, *леденѣть*, *лысѣть*, нар.-разг. *лютѣть*, разг. *матерѣть*, разг. *мерзѣть*, *мертвѣть*, *мрачнѣть*, разг. *наторѣть*, *немѣть*, разг. *обезножитъ*, *обезлюдетъ*, разг. *оторопѣть*, разг.

¹ Здесь и далее глаголы приводятся в соответствующей современной графике и орфографии форме. Акцентологическая и стилистическая характеристики воспроизводятся по БТС 1998. На момент первой лексикографической фиксации рассматриваемые слова могли иметь иное графическое и акцентологическое оформление.

паришѣть, плешѣть, плотнѣть, полнѣть, потѣть, преть, пустѣть, пьянѣть, устар. радѣть, редѣть, книжн. рдѣть, ржаветь и ржавѣть, робѣть, рыжѣть, рыхлѣть, рябѣть, свежѣть, светлѣть, седѣть, серѣть, разг. сивѣть, сиротѣть, разг. смиРНѣть, смуглѣть, разг. соловѣть, спѣть₂ ('созрѣвать'), старѣть, стекленѣть, разг. стервенѣть, суровѣть, твердѣть, темнѣть, теплѣть, толстѣть, трезвѣть, тупѣть, тускнѣть, тучнѣть, тяжелѣть, разг. угрюмѣть, разг. хилѣть, trad.-поэт. хладѣть, хмелѣть, холодѣть, хорошѣть, разг. хромѣть, цепенѣть, червивѣть, шершавѣть, нар.-разг. ядренѣть и т. д. (распределение по третям в столетии см. на рис. 1).

Около 30% (28,21%) современных глаголов с соотношением основ *e/ej* впервые отмечены в словарях XIX в.: в вышедшем из печати на рубеже веков, весьма популярном (выдержал не одно издание) учебном переводном словаре И. Гейма (М., 1799–1802), во втором переработанном, исправленном и (что существенно для нас) дополненном издании САР — «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (СПб., 1806–1822), в двух словарях церковнославянского и русского языков, составленных П. Соколовым (СПб., 1834) и Вторым отделением АН (СПб., 1847), в изданном в середине века — в период становления русской диалектной лексикографии — первом опыте академического областного словаря (СПб., 1852) и весьма объемном дополнении (СПб., 1858) к нему и, наконец, в первом (М., 1863–1866) и втором (М., СПб., 1880–1882; исправленном и дополненном В. И. Далем, но увидевшем свет уже после смерти автора) изданиях знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка». Приведем примеры слов, зафиксированных впервые в названных источниках: книжн. *багрянѣть, веселѣть, голубѣть*, разг. *грузнѣть*, разг. *грустнѣть*, разг. *жаднѣть, лиловѣть*, разг. *лубенѣть, мутнѣть, наглѣть, обезводѣть*, разг. *обездомѣть, обезлѣсѣть*, разг. *обезлошадѣть*, разг. *обезрыбѣть, обесплодѣть*, разг.-сниж. *ополоумѣть*, нар.-разг. *опостылѣть*, разг. *пошлѣть*, разг. *простѣть, роговѣть, розовѣть*, разг. *сатанѣть*, разг. *сизѣть, смелѣть*, разг. *советѣть, столбенѣть*, разг. *трухляветь*, груб. *хамѣть*,

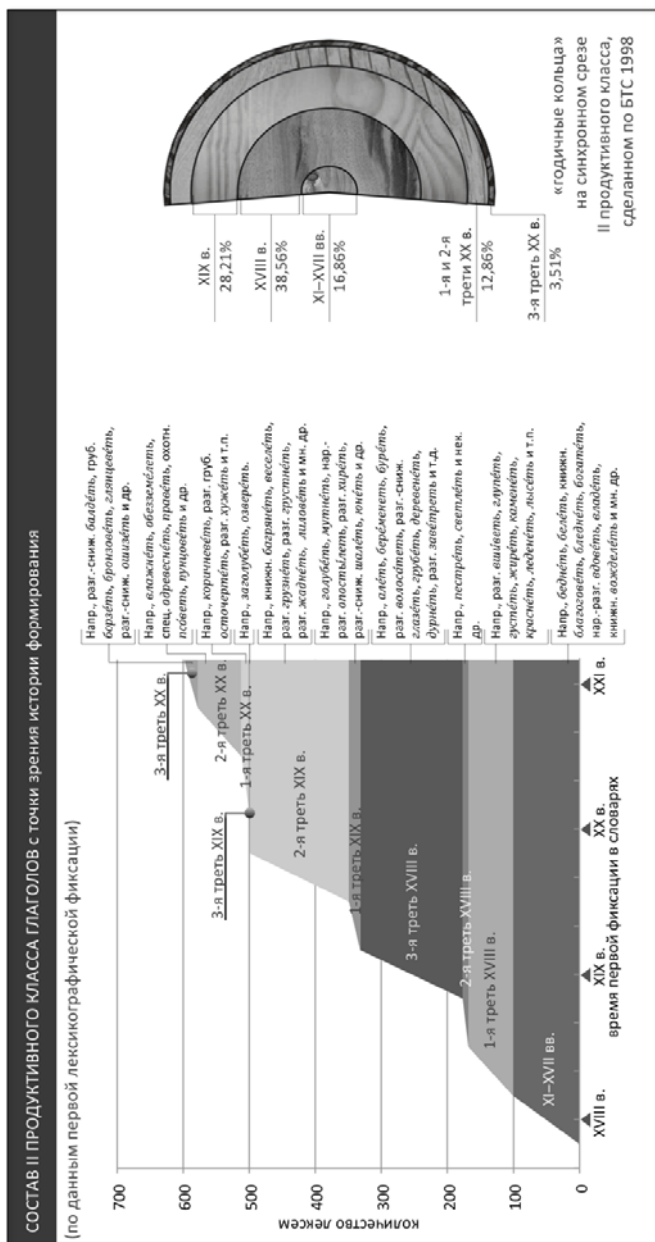


Рис. 1.

разг. *хирѣть*, разг. *холоднѣть*, разг. *храбрѣть*, разг.-сниж. *чуметь*, разг.-сниж. *шалѣть*, *юнеть*, с.-х. *яловеть* и т. п.

Таким образом, «возраст» подавляющего большинства глаголов класса превышает сотню лет (см. рис. 1).

12,86% глаголов впервые встречается в словарях двух первых третей прошлого века: в вышедших в XX в. (в досоветский и советский период) томах сменившего за время своего издания множество редакторов неоконченного академического словаря русского языка, более известного как словарь «Грота – Шахматова» (СПб., 1891–1916; Л., 1930–1936), в третьем и последнем исправленном, существенно пополненном редактором (И. А. Бодуэном де Куртенэ) издании словаря В. И. Даля (СПб., 1903–1909), в четырех (различных по объему, принципам формирования словника и построения) важнейших словарях советской эпохи, представляющих собой (по С. И. Ожегову, см. [Ожегов 1952]) три типа толковых словарей современного русского языка — большой, средний и краткий. В хронологической последовательности это: нормативный (или «образцовый» по определению составителей [От редакции 1935: IX–X]) четырехтомный толковый словарь современного русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1935–1940), «массовый» по замыслу автора (см. [Ожегов 1952: 91]), а теперь уже можно сказать и по факту однотомный словарь С. И. Ожегова (М., 1949), монументальный семнадцатитомный «толково-исторический» и «нормативный» (по характеристике создателей [От редакции 1950: III]) большой академический словарь современного русского литературного языка в исторической перспективе (М.–Л., 1950–1965) и, наконец, нормативный малый академический словарь в четырех томах под редакцией А. П. Евгеньевой (М., 1957–1961). Несколько примеров: *влажнѣть*, разг. *зверѣть*, *коричневѣть*, *кровенѣть*, *обвѣтреть*, разг. *обезголо́сеть*, *обезземѣлеть*, спец. *облиствѣть*, спец. *одревеснѣть*, разг. груб. *осточертеть*, разг.-сниж. *очертенѣть*, разг.-сниж. *очертѣть*, разг. *подлѣть*, *правѣть*, охотн. *псовать*, *пунцоветь*, нар.-разг. *скуднѣть*, разг. *скучнѣть*, *умнѣть*, разг. *хужеть* и проч.

Необходимо отметить, что представленная картина формирования современного состава II продуктивного класса, как и границы между «пластами», в значительной степени условна. Очевидно, что вышедшие в начале столетий или их первых третей словари фиксируют состояние языка предшествующего, а не текущего периода (века или его трети). Так, упомянутый выше «Лексикон трехязычный...» Ф. П. Поликарпова-Орлова 1704 г. издания отражает состояние лексического состава языка на конец XVII в., опубликованный в период с 1799 по 1802 гг. еще один многоязычный словарь — «Новый российско-французско-немецкий словарь» И. Гейма — представляет лексическую систему, сложившуюся к последней трети XVIII в., а увидевший свет в 1935–1940 гг. толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова фиксирует изменения в словарном составе языка, разумеется, первой, а не второй трети XX вв. и т. д.

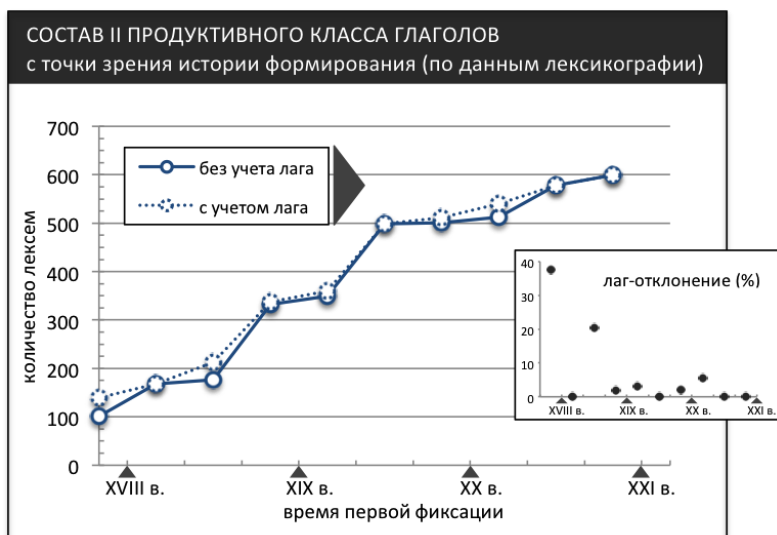


Рис. 2.

Общеизвестно, что синхронные толковые словари по вполне объективным экстралингвистическим причинам опаздывают с регистрацией новых слов и значений, неминуемо отражают

прошлое, а не настоящее. Даже в наши дни при наличии электронных словарных картотек на подготовку и издание словаря уходит не один год. Иными словами, существует разрыв во времени между появлением слова в языке и его первой лексикографической фиксацией, который можно обозначить принятым в экономике, информатике и некоторых других областях знания термином «лаг» и попытаться учесть при построении модели формирования современного состава II продуктивного класса. Будем считать, что лексический фонд языка первой трети столетия представляют словарные источники, опубликованные в период с 11-го по 44-й гг., второй и третьей — соответственно словари, вышедшие из печати в периоды с 45-го по 77-й гг. и с 78-го по 10-й гг. следующего столетия. Анализ современного состава II продуктивного класса, с точки зрения истории его формирования с принятыми допущениями о естественном отставании словарей от языковой действительности, представлен на рис. 2. Несмотря на то, что появление словарей дискретно во времени, при условии регулярности их создания они отражают непрерывное изменение языка. Из графика видно, что существуют незначительные расхождения в моделях без учета и с учетом лага, при этом с ростом количества глаголов и развитием лексикографии, увеличением частоты появления и полноты словарей влияние лага уменьшается и в XX в. не превышает 5% (см. врезку на рис. 2).

Скептики и на это могут возразить: отдельные слова и целые группы могли не попасть своевременно в словари соответствующих эпох ввиду отсутствия авторской установки на исчерпывающую полноту, в силу сознательного ограничения словника (например, книжной и церковно-славянской лексики), языкового вкуса, консервативных взглядов и пуристических убеждений составителей (борьбы за чистоту языка, воинствующего отношения к заимствованиям) или по каким-либо иным причинам. С этим трудно спорить. Сказанное, однако, в идеале не должно относиться (а на практике относится в меньшей степени) к словарям академического (по Л. В. Щербе [Щерба 1940]) типа. Достоверность картины решительно возрастает с развитием русской лексикографии, которая, пола-

гаем, к концу второй трети XX в. (с выходом БАС 1950–1965) достигла уровня, позволяющего с некоторыми оговорками определять новизну слова по его наличию / отсутствию в изданных ранее словарях (заметим, что сходных взглядов придерживаются и составители регулярно издаваемых с 70-х гг. XX в. словарей новых слов и значений¹).

Для того чтобы определить интенсивность (или скорость роста) II продуктивного класса в языке новейшего времени, необходимо вычленить в составе класса на фоне давно находящихся в обиходе слов «свежий», недавно образованный, «верхний» слой, равно как для расчета относительной текущей продуктивности класса необходимо выделить в системе всей глагольной лексики русского языка того или иного периода новый, недавно появившийся слой (подробнее об этом см. [Богданова, Бурдакова 2009: 249]).

Предположительно новые глаголы II продуктивного класса (по данным лексикографии и НКРЯ)

В анализируемой выборке глаголов II класса представлено всего 3,51% предположительно новых, впервые фиксируемых словарями последней трети XX в. (с учетом и без учета лага) глаголов: разг.-сниж. *балдѐть* и приставочные производные от него разг. *забалдѐть*, разг. *побалдѐть*, разг.-сниж. *прибалдѐть*, грубое разг.-сниж. *борзѐть* и образованное от него разг.-сниж. *оборзѐть*, также разг.-сниж. *опупѐть*, разг.-сниж. *офигѐть*,

¹ Так, авторы сборников словарных материалов «Новое в русской лексике» фактически выделяют новые слова по нулевой лексикографической представленности (отсутствию в лингвистических и энциклопедических словарях) и соответственно не включают в словарь «не только слова, имеющиеся в толковых словарях, но и слова, зарегистрированные в Большой Советской Энциклопедии, Словаре Даля, Политехническом словаре, специальных лингвистических словарях, например, в Орфографическом словаре, Словаре сокращений, “Слитно или раздельно?”, или в материалах словарных картотек Института» [Котелова 2008: 8].

разг.-сниж. *офонареть*, разг.-сниж. *ошизить*, разг. *поплохеть*, разг. *запрыщаветь*, разг. *прояснеться*, разг. *скромнеть*. В кругу стилистически нейтральной лексики: *бронзоветь*, *глянцеветь*, *заголубеться*, *застеклеться*, *полиловеть*, *серьёзнеть*, *сизоветь* (см. рис. 1). Приведенные лексемы впервые зарегистрированы в следующих лексикографических источниках: во вторых исправленных и дополненных изданиях МАС (М., 1981–1984) и БАС (М., 1991–1994¹), отдельных выпусках словарных материалов «Новое в русской лексике» (М., 1984; М., 1989) и избранном нами в качестве источника исходных данных для формирования электронной базы глагольной лексики современного русского языка новом большом толковом словаре под ред. С. И. Кузнецова (СПб., 1998).

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть немногочисленных внутри II продуктивного класса инноваций — жаргонизмы² по происхождению; некоторые из них — эвфемизмы по своей природе (что является яркой иллюстрацией отмеченных Л. П. Крысиным двух «противонаправленных» тенденций в русской речи 1985–1995 гг. — «к огрубению речи и к ее эвфемизации» [Крысин 2000: 384]). Употребление этих лексем в литературе и публицистике начинается в середине 1990-х и является следствием, «обратной стороной» политических и социальных потрясений, которые пережила страна в это время: криминализации общества, падения не только идеологической, но всякой цензуры, снятия строгих запретов и последовавшей речевой свободы, приведшей к «либерализации», по выражению В. Г. Костомарова, русского литературного языка вообще [Костомаров 1999: 5].

Перекрестная проверка и анализ функционирования отсутствующих в изданных до 1966 г. лексикографических источниках (а также опубликованных после указанной даты словарях языка предшествующих эпох) глаголов II продуктивного класса по Национальному корпусу русского языка (далее —

¹ Работа над словарем оставлена незавершенной.

² Почти половина (10 из 21) глаголов отмечена в словнике словаря [Елистратов 2000].

НКРЯ) в целом подтверждает их относительную в масштабах истории новизну. Перечисленные слова не встречаются в широко представленных в корпусе текстах середины XVIII–XIX столетия (исключение составляет глагол *балдѣть*, впервые отмеченный в рассказе А. П. Чехова «Леший» 1888 г., массовое употребление которого, однако, по данным корпуса, начинается во второй половине или даже последней трети XX в.).

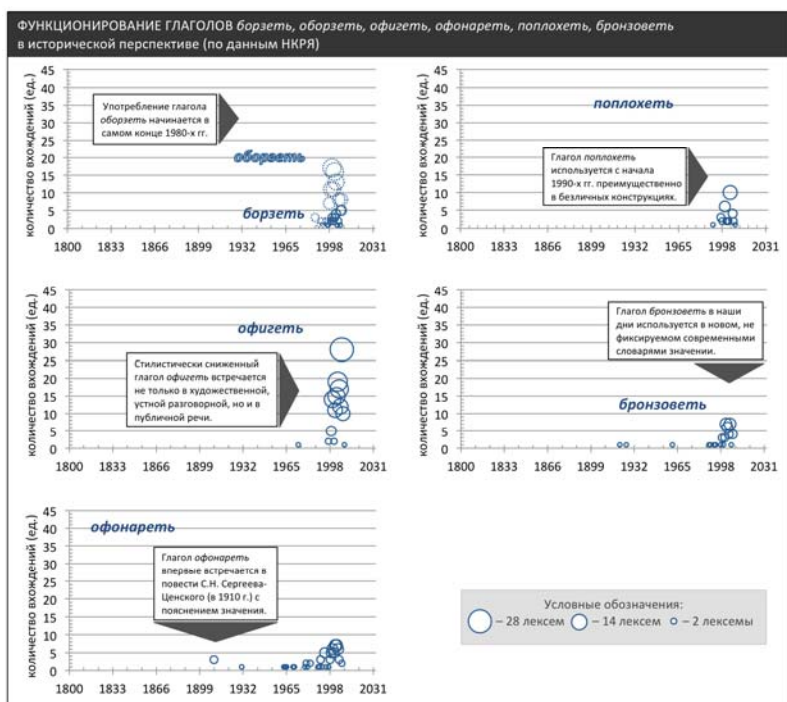


Рис. 3.

Самые ранние примеры употребления целого ряда глаголов из этого списка приходятся на 1970-е (*забалдѣть*, *офигѣть*, *побалдѣть*), 1980-е (*оборзѣть*), 1990-е (*борзѣть*, *ошизѣть*, *поплохѣть*, *прибалдѣть*), см. рис. 3. Редкие лексемы спорадически встречаются в текстах отдельных авторов первой половины XX в. (например, *бронзовѣть*, *опупѣть*, *офонарѣть*), иногда в несвойственном им в современном языке значении. Не-

которые глаголы (*заголубѣться*, *проя́снеться*) не представлены в материалах НКРЯ или представлены настолько скупое — от одного до четырех вхождений: *запрыщаветь* (2001 г.), *скромнѣть* (1930 г.), *сизовѣть* (1981 г.), *серьѣзнеть* (1993, 1996 и 2000 гг.), *глянцевѣть* (1914, 1930, 1977 и 1993 гг.) — что нет возможности предметно обсуждать историю их употребления. Особняком стоят лексемы *застекленѣть* и *полиловать*, которые, по данным корпуса, используются авторами в художественном стиле речи для описания внешности, природы и т. п. начиная с 20-х гг. равномерно на протяжении всего XX в.

В целом можно сказать, что материалы НКРЯ безоговорочно подтверждают новизну в языке и речи трех последних десятилетий XX в. лишь десяти из перечисленных выше предполагаемых неологизмов. Восемь не попавших в словари до указанной даты единиц точно, спорадически или более или менее равномерно встречались в речи на протяжении двух первых третей XX в. Когда они стали достоянием языка — вопрос, на который мы вряд ли сможем дать обоснованный ответ. Вопросы остаются и в отношении трех приставочных и постфиксальных производных (*запрыщаветь*; *заголубѣться*, *прояснѣться*) от зарегистрированных ранее лексем, которые по сложившейся в лексикографической практике традиции долгое время могли оставаться за рамками словарей ввиду их малой употребительности и смысловой прозрачности¹. Поскольку разговор идет о единицах с невысокой частотой встречаемости в речи, то НКРЯ не способен помочь в решении вопроса о времени появления этих слов. Степень их новизны может быть установлена условно через отношение ко времени появления/фиксации производящих, которые, по данным лексикографии, уже давно бытуют в языке (*прыщаветь* впервые зафиксирован в [Гельтергоф 1771], *заголубѣть* — в [САР 1891–1936 (в томе 1899 г.)], *прояснѣть* — в [СЦРЯ 1847]).

¹ Ср.: «приставочные образования малоупотребительные, значение которых вполне совпадает со значением составляющих их частей, в Словаре не помещаются <...>» [Введение 1950: VII].

Проведенный анализ позволяет **рассчитать интенсивность, или скорость роста II продуктивного класса** в языке новейшего времени. По показаниям первой лексикографической фиксации (как даты «прописки» слова в языке) она составляет $0,036^1$, а с поправкой на данные НКРЯ (с учетом возможных «нелегалов») — $0,017$. Иными словами, за последнюю треть XX в. класс прирос на 3,6% или 1,7%. Много это или мало? Для научного ответа на этот вопрос **необходимо построить шкалу интенсивности**, установив эмпирически (путем накопления сведений о скоростях роста различных классов или одного того же класса в равные интервалы времени) ее крайние значения, выраженные в виде чисел и оценочных характеристик.

Ограниченный объем настоящей статьи не позволяет остановиться на еще одной важной проблеме — причинах существующей (низкой или высокой — вопрос открытый) скорости роста II продуктивного класса. Выявленные на основе анализа словообразовательной структуры «старых» и «новых» глаголов класса формальные, семантические и т. п. факторы, препятствующие образованию отдельных глаголов с соотношением основ *e/ej* и ограничивающие в итоге рост данного класса в современном русском языке, а также возможные пути дальнейшего развития (пополнения) класса рассмотрены в находящейся в печати статье [Богданова, Бурдакова 2011].

ИСТОЧНИКИ

БАС 1950–1965 — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. I–XVII. Москва–Ленинград.

БАС 1991–1994 — *Словарь современного русского литературного языка*. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1 (А–Б) – Т. 5–6 (Е–З). Москва.

¹ Рассчитана по приведенной в статье [Богданова, Бурдакова 2009] формуле:

$$I^i = \frac{\Delta V^i}{V_{t_1}^i} \quad \text{и} \quad \Delta V = V_{t_2} - V_{t_1} \quad \begin{array}{l} \text{где } t_1, t_2 \text{ — момент времени,} \\ V \text{ — количество глаголов,} \\ i \text{ — номер морфологического класса.} \end{array}$$

- БАС 2004–2010 — *Большой академический словарь русского языка*. Т. I (А–Бишь) – Т. XIV (Опора–Открыть). Москва–Санкт-Петербург.
- БТС 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург.
- Вейсманн Э. 1731 — *Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русскаго языка к общей пользе при имп. Академии наук печатию издан*. Санкт-Петербург.
- Гейм И. 1799–1802 — *Новый российско-французско-немецкий словарь*. Ч. I.–Ч. III. Москва.
- Гельтергоф Ф. 1771 — *Российский Целлариус, или этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российскою этимологиєю, изданный М.[агистром] Франиском Гелтергофом*. Москва.
- Даль В. И. 1863–1866 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Ч. I–IV. Москва.
- Даль В. И. 1880–1882 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. Т. I–IV. Санкт-Петербург–Москва.
- Даль В. И. 1903–1909 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. 3-е изд. Под ред. проф. И. А. Будуэна-де-Куртенэ. Т. I–IV. Доп. к Опыту обл. слов. Акад. 1858 — *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*. Изд. Второго отд. Акад. наук. Санкт-Петербург.
- Елистратов В. С. 2000 — *Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.* Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. Москва.
- Литхен И. Ф. 1762 — *Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавита*. Ч. 1–2. Санкт-Петербург.
- МАС 1957–1961 — *Словарь русского языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. Москва.
- МАС 1981–1984 — *Словарь русского языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 2-е изд., испр. и доп. Москва.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*.
URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
- Нордстет И. 1780–1782 — *Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный Надворным Советником Иваном Нордстетом*. Ч. I–II. Санкт-Петербург.
- Ожегов С. И. 1949 — *Словарь русского языка*. Под ред. С. П. Обнорского. Москва.

- Опыт обл. слов. Акад. 1852 — *Опыт областного великорусского словаря*, изд. Вторым отд. Акад наук. Санкт-Петербург.
- Поликарпов-Орлов Ф. П. 1704 — *Лексикон трезязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. Из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположенное*. Москва.
- САР 1789–1794 — *Словарь Академии Российской*. Ч. I–VI. Санкт-Петербург.
- САР 1806–1822 — *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. Ч. I–VI. Санкт-Петербург.
- САР 1891–1936 — *Словарь русского языка, составленный Вторым отд. Акад. наук*. Т. I–V и в выпусках. Санкт-Петербург (Ленинград).
- Слов. XI–XVII 1975–2008 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1 (А–Б) – Вып. 28 (Старичекъ–Сулебный). Москва.
- Слов. нов. сл. 1984 — *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*. Под ред. Н. З. Котеловой. Москва.
- Слов. нов. сл. 1989 — *Новое в русской лексике. Словарные материалы–84*. Под ред. Н. З. Котеловой. Москва.
- Соколов П. С. 1834 — *Общий церковно-славяно-российкий словарь и собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых*. Ч. 1–2. Санкт-Петербург.
- Срезневский, Срезневский (доп.) 1893–1912 — *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского*. Т. I–III и дополнения. Санкт-Петербург.
- СЦРЯ 1847 — *Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии наук*. Т. 1–4. Санкт-Петербург.
- Ушаков Д. Н. 1935–1940 — *Толковый словарь русского языка*. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова Н. Н., Бурдакова О. Н. 2009 — К вопросу об оценке продуктивности морфологических классов глаголов современного русского языка. *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 245–259.

- Богданова Н. Н., Бурдакова О. Н. 2011 — К вопросу об оценке объема и скорости роста морфологических классов глаголов в современном русском языке (на примере II продуктивного класса). *Материалы XI Международной филологической конференции. Секция «Грамматика (Русско-славянский цикл)». 14–19 марта 2011 г. Санкт-Петербург.* Санкт-Петербург. (В печати.)
- Введение 1950 — От редакции. *Словарь современного русского литературного языка.* Т. I. Москва–Ленинград. С. V–XVII.
- Костомаров В. Г. 1999 — *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа.* Изд. 3-е, испр. и доп. Санкт-Петербург.
- Котелова Н. З. 2008 — Из предисловий к выпускам серии «Новое в русской лексике». *Новое в русской лексике. Словарные материалы–93.* Под ред. Т. Н. Буцевой. Санкт-Петербург. С. 7–9.
- Крысин Л. П. 2000 — Эвфемизмы в современной русской речи. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995).* Изд. 2-е. Москва. С. 384–408.
- Ожегов С. И. 1952 — О трех типах толковых словарей современного русского языка. *Вопросы языкознания.* № 2. Москва. С. 85–103.
- От редакции 1935 — От редакции. *Толковый словарь русского языка.* Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I. Москва. С. V–XII.
- От редакции 1950 — От редакции. *Словарь современного русского литературного языка.* Т. I. Москва–Ленинград. С. III–IV.
- Щерба Л. В. 1940 — Опыт общей теории лексикографии. *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* № 3. Москва. С. 89–117.

VERBIDE II MORFOLOOGILISE KLASSI SEISUNDIST JA ARENGUST TÄNAPÄEVA VENE KEELES

Natalja Bogdanova, Olga Burdakova

Artikkel jätkab “Humaniora: Lingua Russica” eelmises kogumikus alustatud publikatsioonide sarja vene keele verbide sõnamuutesüsteemi hetke-seisust ja arengust selle süsteemi eri osade (morfoloogiliste klasside ja rühmade) objektiivse hinnangu alusel. Hinnang kujuneb terve rea näitajate põhjal, millest olulisimad on **maht**, **intensiivsus** ja **produktiivsus** kaasajal. Demonstreeritakse verbi ühe produktiivse morfoloogilise klassi (*e/ej*-tüvemuutusega, *иметь*-tüüp) intensiivsuse ehk kasvukiiruse analüüsi võimalusi 20. sajandi viimase kolmandiku keele materjalil, seejuu-

res arvestatakse verbi esimest leksikograafilist fikseerimist ja funktsioneerimise ajalugu (leksikograafia ja Vene keele rahvuskorpuse andmetel).

Uurimistöö tulemusena on kindlaks tehtud, et II produktiivse verbi-klassi maht ("Vene keele suure seletava sõnaraamatu" (toim. Kuznetsov, Sankt-Peterburg 1998) täieliku valimi andmetel) 20. sajandi lõpuks oli 599 ühikut, kusjuures enamik neist olid üle saja aasta vanad. Kui võtta arvesse sõna esimest leksikograafilist fikseerimist, on klass 20. sajandi viimase kolmandiku jooksul (alates 1967. aastast) kasvanud 3,6% võrra, Vene keele rahvuskorpuse andmetel (võimalikke "illegaale" arvestades) 1,7% võrra. Põhiliselt on juurdekasv toimunud selliste madalkeelsete ja slängisõnade arvel nagu *борзеть*, *оборзеть*, *офизеть*, *ошизеть* jne. Ühe verbiklassi kasvutempo kohta saadud esimesed empiirilised andmed on edaspidi vene keele verbide morfoloogiliste klasside intensiivsuse ehk kasvutempo skaala koostamise aluseks.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОМПЬЮТЕРНОЙ АВТОНОМИНАЦИИ (на материале виртуальных пространств России и Эстонии¹)

Е. В. БУСУРИНА, Н. В. ЧУЙКИНА

Введение

Присутствие игрового начала стало характерной особенностью современной коммуникации, языковая игра проявляется в самых разных аспектах и уровнях русского языка: язык СМИ (в особенности формулировка заголовков), язык рекламы (продуцирование слоганов), разговорная речь, ономастика (производство эргонимов) и т. д. Такое пристрастие языкового коллектива к лингвистическому творчеству принято связывать с влиянием постмодернистской культуры.

Языковая игра — «это осознанное нарушение языковой нормы с определенным эстетическим заданием» [Земская и др. 1983: 172]. Уточняя это определение, говоря о том, что языковая игра — это «некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [Санников 1999: 23], В. З. Санников подчеркивает многофункциональность языковой игры. В качестве основной функции приема он называет игру на снижение, языкотворчество, «стрем-

¹ Исследование виртуального пространства Эстонии проводилось в рамках проекта целевого финансирования «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре».

ление развлечь себя и собеседника, а также стремление к самоутверждению» [Санников 1999: 26–27].

Бурно растущая и развивающаяся сфера виртуальной коммуникации стала благодатной почвой для применения игровых лингвистических приемов, прежде всего потому, что виртуальное общение дает коммуникантам бóльшую свободу и раскрепощенность: человек может выступать инкогнито, надеть любую «маску», получать доступ к самой широкой аудитории.

Превалирование письменной формы коммуникации в виртуальной реальности добавляет к языковой игре графическую — используются цифровые и графические символы. Языковая и графическая игра регулярно присутствуют в компьютерном именотворчестве, причем приблизительно в равных долях.

Говоря о существовании в обществе в разные времена излюбленных приемов языковой игры, Е. А. Земская подчеркивает, что «описание и характеристика наиболее типических приемов языковой игры и выявление тех или иных языковых средств, которые служат для них материалом, позволяют вскрыть механизм речевого комизма, его национальное своеобразие, а также его специфику в те или иные периоды развития языка» [Земская и др. 1983: 175–176]. А в силу того, что виртуальная коммуникация в современный период существования русского языка играет весьма значительную роль, стоит обратить внимание на закономерности возникновения игровых приемов в компьютерной автономии.

Специфика компьютерного имени

Технологический скачок новейшего времени и связанное с ним появление принципиально новых способов коммуникации значительно повлияли на современный корпус антропонимов. Речь идет прежде всего о компьютерных именах пользователей сети Интернет, или никах (от англ. *nick-name*), являющихся обязательным атрибутом (а точнее — именем) пользователей. Ники принадлежат периферийной зоне системы личных имен, не решен вопрос об их автономной либо подчиненной позиции

в антропонимической системе. Как отмечает М. В. Голомидова, ники похожи на псевдонимы (вспомогательные, условные именные обозначения, действующие в определенной коммуникативной ситуации), однако от традиционных псевдонимов их отличает соотнесенность не с общественно значимой институализированной деятельностью, а со сферой межличностного взаимодействия, происходящего в виртуальной реальности и сопровождающегося формированием особой субкультуры [Голомидова 2005: 21]. Пользуясь метафорическим определением, данным М. В. Голомидовой компьютерным именованиям, можно говорить о новых именных «гомункулусах», чей бурный рост и вариативность стимулируют их более пристальное изучение. Интересно ознакомиться с «анатомией» таких гомункулусов, обусловленной причиной их появления и особенностями функционирования.

Собственно, причина возникновения ников одна: императивная идентификация участников виртуальной коммуникации. При желании быть не только читателем, но и «писателем» в виртуальном мире, человек сталкивается с необходимостью зарегистрироваться на определенном виртуальном ресурсе, а первым и обязательным шагом такой регистрации является заполнение поля имени пользователя. Аналогичная схема работает при регистрации на электронных почтовых серверах: выбирая адрес индивидуального «почтового ящика», пользователь обыкновенно ориентируется на установку «кому» и, соответственно, электронный адрес можно рассматривать как компьютерное имя.

Массовая императивная искусственная автономинация — явление принципиально новое как по форме, так и по содержанию. В таком номинативном акте номинатор одновременно является номинатом, что подразумевает самоидентификацию и / или самопрезентацию. Под самоидентификацией здесь понимается рефлексия «кто я», а под самопрезентацией — «какой я». При самоидентификации ник выполняет главную функцию именного знака — выступает средством выделения одного из многих — и оказывается в большинстве случаев денотативно соотнесен с реальным именем собственным номинатора.

Самоидентификация характерна для электронных почтовых адресов, особенно если адрес используется для делового общения. Однако при создании ников, как и псевдонимов, главенствующую позицию занимает другая функциональная задача имени собственного — быть средством индивидуализации, вербальным знаком уникальности конкретного индивида. Таким образом, большинство ников является результатом индивидуальной самопрезентации. В ряде случаев процессы самоидентификации и самопрезентации оказываются тесно связанными (примеры, лежащие на поверхности — объединение в компьютерных именах имени собственного и определяющего слова, например, *nata harisma* или уменьшительно-ласкательные варианты реального имени, например, *tanushka*).

Исследование современного корпуса компьютерных именований решает множество задач, основными из которых видятся изучение портрета языковой личности (здесь в том числе интересно сравнить гендерные, возрастные, профессиональные и др. особенности), аксиологической картины мира, отслеживание механизмов искусственного ономастиологического процесса. Однако, изучая компьютерные имена, необходимо учитывать их виртуальную природу и условия функционирования.

Письменная форма существования ника делает несущественным соответствие фонетическим возможностям языка, предоставляет в распоряжение номинатора цифровые знаки и целый набор графических символов. Можно сказать, что виртуальная реальность дает авторам практически полную свободу воли в ономастическом творчестве (см.: [Матвеев 2008: 130]), ограниченную лишь техническими параметрами: количество символов ника, возможность использования латинского и кириллического регистров, ограниченный набор возможных графических символов. Свобода номинатора поддерживается еще и тем, что он же является номинатом, а значит, «сам себе и своему имени хозяином». Однако представляется, что при искусственной компьютерной автономии номинатор ориентируется на адресата, акт номинации совпадает с актом самопрезентации, и это предопределяет некоторые закономерности выбора компьютерного имени.

На основе анализа корпуса компьютерных имен оказалось возможным выявить особенности стратегии самопрезентации языковой личности в виртуальной реальности. Более пристальное рассмотрение функций компьютерного имени в качестве основной выявило аттрактивную функцию, осуществляемую при помощи конкретных приемов, а именно:

- каузация позитивного восприятия адресатом (красивая внешняя форма ника, использование языковых единиц, наделенных положительной оценкой, уменьшительно-ласкательных форм существительных: *magic_princess*, *angelforadream*, *marymasterpiece*);
- романтизация имени (в том числе используется, хотя и в незначительной степени, романтика злого начала: *ropewalker*, *shaman*, *diamond_wolf*);
- необычность / неожиданность внешней и / или внутренней формы имени, **языковая игра**.

Графическая игра

Как отмечалось выше, письменная форма виртуальной коммуникации дает большой простор для включения в творческий процесс небуквенных символов, и, следовательно, на материале цифровых и графических знаков осуществляются многочисленные игровые приемы.

В современном языкознании существует узкий и широкий подход к термину графической игры. Первый предполагает манипулирование такими средствами графики, как буквы и знаки препинания, а также относит к ней «различные приемы сокращения слов, использование пробелов между словами, прописных букв, отступов, возможных подчеркиваний...» [РЯЭ 1997: 102]. Исследователи, подходящие к этому явлению широко, дополняют в список шрифтовые выделения, надстрочные и подстрочные знаки, отточия, математические знаки [Дзякович 2001: 121].

О моде на графические игры в современной публицистике и рекламе писал В. И. Максимов [Максимов 2003: 66]. Однако не менее популярно применение графической игры и в сети Ин-

тернет, особенно ярко ее проявление в компьютерной автономинации. Охарактеризуем наиболее распространенные приемы.

Графическая игра может обеспечивать исключительно внешнюю красоту компьютерного имени, как правило, основанную на симметрии (*__nina__*, *l_penguin_l*, *a_n_t_id_o_t_e*, *8kanat8*, *9996999*, *o0katenka0o*), а также представлять собой «зеркальное» отражение (*legnangel*, *oxilixio*, *69__96*).

Один из самых распространенных способов графической игры осуществляется за счет использования цифровых символов вместо буквенных, при этом «обыгрывается» либо внешняя схожесть цифры и буквы (*byratino*, *ra1nbow_wolf*, *aluna*, *g0bb1in*, *saran4a*), либо звуковая форма цифрового знака заменяет один или несколько буквенных: *sk8ter* (*скЭЙТэр*), *mi3ch* (*миТРИч*), *da6ik* (*даШик*), *pro100_petrov* (*проСТО петров*), *never3d0m* (*неверФРИдОм*). Используются как русские, так и английские варианты «звучания» цифровых знаков: 4 = ч, 6 = ш или б, w = ш, 0 = о, 1 = i и др. Надо заметить, что графическая игра прогнозируема и легко «читаема», так как варианты замены знаков стандартны. Некоторые приемы были заимствованы из англоязычной коммуникации (1 = i, 4 = for), а некоторые стали оригинальным продуктом русскоязычного компьютерного сообщества (4 = ч, 6 = б или ш). К этой же группе примеров можно отнести и те, где вместо буквенных символов применяются графические, — в этом случае замена основывается на сходстве внешней формы: *E::;ka*, (*онце*).

Кроме того, распространенным оказывается и прием поликодификации¹, а именно, смешение латинского и кириллического регистров (*DREAMушка*, *no_смокинг*, *Таня_kisa*, *soul*нышко*), при этом частотны варианты использования латинских букв вместо кириллических на основе совпадения или сходства формы буквенных знаков (*npocto_kpacota*, *ezhik_cycanin*, *tohas79*, *_paradokc_*, *na_beregy*, *pycaky*, *fiwqa* «фишка», *wilo* «шило»).

¹ Терминология Т. В. Поповой: «**поликодификация**, или **графогибридикация** — оформление новообразований с помощью графических средств разных языков» [Попова 2007: 231].

Примеры слияния¹ также довольно частотны. Этот прием наглядно представляет склонность номинаторов к выбору «традиционного» имени — имени, состоящего из одного слова. Тем не менее, при разложении подобных ников прочитываются не только словосочетания, а целые высказывания: *isleepinmetro* (*I sleep in metro*), *aprostohoroshu* (*a просто хорошо*), *beagle* (*be eagle*), *takibudurada* (*маки буду рада*), *pospine-lopatoi* (*по спине лопатой*), *itemnemenee* (*и тем не менее*).

Среди приемов графической игры отмечаются многочисленные случаи повторов разных уровней — множественное написание букв², дублирование слов, ритмические повторы или рифмовка: *izzumm*, *dyuyx*, *hhoodd*, *strrrangerrr*; *lislislis*, *bigi bigi*, *batjabatja*, *jankajanka*; *loba boba*, *hatte matte*. Представляется, что прием буквенных повторов используется как с целью достижения внешней красоты имени (*hhoodd*), так и для передачи игры со звуком (*dyuyx*, *strrrangerrr*).

Использование только согласных букв: *rblshka* (*rublishka*), *prncss_Leja* (*princess Leja*), *zltrv* (*zolotorev*) — своеобразная языковая компрессия, позволяющая, однако, легко читать «зашифрованные» слова, включая имена собственные.

Анализ приемов графической игры позволяет сделать вывод о том, что ее цель заключается в разрушении устойчивых языковых связей и создании новых слов. Таким образом проявляется творческое начало графической игры, ее креативность. «Понятие креативности относится к процессу, в результате которого человек или группа людей создает что-то, не существовавшее прежде» [Ильсова, Амири 2009: 36]. Тем не менее, применительно к компьютерному имени понятие креативности расширяется за счет включения аттрактивной функции имени. Очевидно, сказанное свойственно и видам языковой игры, перечисленным ниже.

¹ Там же: «слияние, или голофразис, или интеграция — написание сочетания слов целого предложения без пробелов».

² Там же: «грамма-редупликация — повтор буквы».

Графико-языковая игра

Графическая игра может быть объединена с собственно языковой игрой в пределах одного компьютерного имени. Подобный случай можно обозначить как графико-языковую игру. При более подробном рассмотрении выяснилось, что для нее характерны примеры нетрадиционного деления слова на части, расшифровка которых может превратиться в увлекательную игру:

4udo_vise — в целом звучит как «чудовище», но при разложении на две части актуализуется значение «чудо» и таким способом достигается эффект «положительного прочтения» слова со стандартно отрицательной внутренней формой;

ko_alla — образует «коала», но включает в себя реальное имя Алла;

et_nika — имя номинатора Ника является частью слова «этника»;

harju_mus — в эстонском языке это слово *harjumus* «привычка», при делении на части актуализируется географический объект, а именно уезд Харью, на территории которого расположен Таллинн.

Механизм слоовообразования, представленный перечисленными примерами, еще в конце XX века успевает получить в лингвистике следующие определения: «шутливое, с установкой на языковую игру членение и псевдочленение слова, приводящее к актуализации его внутренней формы» [Земская 1992: 164]; «переосмысление словообразовательной структуры существующих слов» [Санников 1999: 146]. Как видно, сетевое пространство активно включает элементы псевдомотивации в круг компьютерных имен в сочетании с графическим членением. Контекст применения механизма псевдочленения определяется личными ассоциациями номинатора-номинанта и основан на коннотивных и ситуативных пресуппозициях.

Собственно языковая игра

При собственно языковой игре в компьютерных именах используются как русский, так и иностранные языки (преимущественно английский): языковая игра может осуществляться полностью на иноязычном материале (*jawkonda*, *big_muck*, *fireoglyph*, *all_most_angel*, *goodsmith*, *lollihop*), а может представлять собой контаминацию русского и иностранного языка (*suneach*=*Саныч*, *cherrishenka*, *kalinatree*, *za_etc*, *soul*нышко*). Оба варианта широко представлены в корпусе компьютерных имен русскоязычных пользователей сети Интернет.

Можно отметить самые разные механизмы, применяемые для воздействия на адресата и представляющие собой примеры собственно языковой игры. Условно их можно разделить на несколько групп.

Согласно статистическим подсчетам в проведенном ранее исследовании [Бусурина Е. В., Чуйкина Н. В. 2011], 25% компьютерных именований денотативно ориентированы на реальное имя владельца. Наиболее частый вариант — реальное имя в сочетании с определительными словами (*nicky_the_cat*, *yana-yarkaya* (*Яна яркая*), *alicefox*, *old_andrew71*, *olga_aka_cindi*), причем само имя представлено преимущественно в сокращенной, фамильярной или уменьшительно-ласкательной формах (*anatol13*, *mityan*, *aleny4* (*Аленыч*), *tinochka*, *anytka*, *eljaru*); короткий фамильярный вариант имени отражает неформальный стиль общения в компьютерном дискурсе, а уменьшительно-ласкательная форма помимо «сокращения дистанции» между коммуникантами обеспечивает позитивное восприятие компьютерного имени и, соответственно, его владельца.

Реальное имя номинатора оказывается часто задействованным и в языковой игре на материале компьютерного имени, при этом происходит образное обыгрывание реального имени: *ir_biss* (*Ира*), *_ina_ya* (*Инна*), *newsya* (*Нюся*), *edzotic* (*Эдуард*). В таких именах, как *sijanje_sveta* (*сиянье Света*), *svetochsveta* (*светоч Света*), *lanasvett* (*Лана свет*), обыгрывается не только сокращенная форма имени Светлана, но и его внутренняя форма, этимологическое значение, связанное со *светом*,

светлым. Заметим, что прием языковой игры с привлечением реального имени номинатора тесно переплетается с двумя другими приемами, обеспечивающими аттрактивную функцию ника в рамках стратегии самопрезентации, а именно с романтизацией и каузацией позитивного восприятия адресатом.

Ряд компьютерных имен образуется за счет присоединения суффикса русского происхождения к иноязычной основе: *DREAMушка*, *cherrishenka*, *nokiamotorolych*, *kilpkonnashka* (от эст. *kilpkonn* «черепашка»). Подобное «освоение» иностранного слова выдвигает на первый план экспрессивную, оценочную функцию компьютерного имени.

Встречаются случаи изменения родовой принадлежности слова, в том числе и за счет прибавления окончания женского рода к английским словам: *lemurka*, *pushistyj_koshk*, *bolshaja_medved*, *oduvanka*, *wolanda*, *the_chiffa*, *little_bossa*. По-видимому, все эти варианты эксплицируют склонность пользователей к самоиронии, а также демонстрируют процесс творческого освоения иноязычных заимствований.

Ники представляют собой также несуществующие сложные слова, образованные по продуктивным моделям (словообразование происходит как на материале русского, так и иностранных языков): *neosheherezade*, *pedsovetchik*, *revenger*, *fatessa*, *hramodvornik*. Помимо самоиронии и экспрессии в подобного рода примерах проявляется стремление самоутвердиться.

Стилизация под иноязычное слово также характерна для самоименований в сети Интернет: *oligario* демонстрирует слово *олигарх* в итальянской «интерпретации», то же можно сказать и о *huliganos*, *huligano*; *oumnique* или «умник» маскируется под французское слово.

В арсенал ников активно включаются прецедентные имена, причем некоторые из них апеллируют сразу к нескольким текстам: *ezhik_cysanin* напоминает и о «Ежике в тумане» и об «Иване Сусанине» с общим компонентом «заблудиться», *mark-savreliy* смешивает две исторические личности, *frekken_gelya* отсылает к персонажу из известного произведения А. Линдгрен, *just_maria* к нашумевшей в свое время мыльной опере.

Замечены случаи семантической трансформации слов и сочетаний, как правило представленные единицами английского языка: *big_muck* (*big mac*), *goodsmith* (*goldsmith*), *lollihop* (*lollipop*), *fireoglyph* (*hieroglyph*). Фонетически производное почти совпадает с производящим, однако семантические изменения оказываются значительными. При восприятии ника *big_muck*, где *muck* означает «навоз, грязь, мерзость», реципиент не только получает характеристику номинанта, опирающуюся на прием романтизации негативных характеристик, злого начала, но и воспринимает аллюзию на популярный гамбургер сети Макдоналдс (намек на известный продукт подкреплен еще и тем фактом, что русскоязычный фонетический вариант его названия полностью совпадает со звучанием рассматриваемого компьютерного имени). Изменение одной буквы в написании слова *goldsmith* не меняет его фонетический облик кардинальным образом, но обычный ювелир становится «хороших дел мастером» в самоименовании *goodsmith*. Игривость усматривается в трансформации леденца (*lollipop*) в конфетку-попрыгунью (*lollihop*), а добавление огня (*fire*) к иероглифу превращает знак восточного языка в мистические огненные письмена.

Есть случаи изощренной языковой игры, требующей внимательного «прочтения» компьютерного имени для ее распознавания, условно такие примеры можно назвать именами-шарадами: *olelookoyeah* включает в себя три возгласа: *Оле! Смотри! О, да!*, а в сумме представляет собой имя известного сказочного персонажа Г.-Х. Андерсена Оле-Лукойе; *lupustheologian* объединяет латинское слово *волк* и английское *теолог*; разгадывание несуществующего слова *knowbility* приведет реципиента к английским *know* (глагол *знать*) и *nobility* (*благородство* либо *благородное происхождение, дворянство, родовая знать*), указывая на знания и благородство номинанта, и / или же обнаруживая замысловатое обыгрывание русских омонимов на материале английского языка; *suneach* при слиянии английских *sun* «солнце» и *each* «каждый» дает привычное для русского *Саньч*; *jawkonda* — где *jaw* в переводе на русский «челюсть», а в целом звучит как *Джоконда*; *newtochka* — «новый» и *точка*, в результате получается ласковое *Ню-*

точка; тот же механизм используется в *nicetya*, где *nice* — «красивый, милый», а скрыто под ником имя *Настя*. В *soul*нышко* присутствует и графическая игра, связанная с приемом поликодификации, и шарада (*soul* — «душа»), а графический символ *, который принято называть «звездочка», обозначает здесь самую яркую звезду системы — Солнце. Компьютерное имя *za_etc* представляет собой некое ироническое отношение к словарному для русского языка слову, так как с одной стороны этот ник представляет собой письменное описание ребуса (за *etc* — *et cetera*), а с другой — актуализует часто допускаемую орфографическую ошибку в слове «заяц».

Очевидно, компьютерные имена, построенные на семантической трансформации, и имена-шарады представляют собой случаи языковой игры, в которых аттрактивная функция выражена наиболее ярко. Реципиенту требуются определенные усилия, чтобы распознать намерения номинатора, а результат «расшифровки» воспринимается как хорошая шутка или даже острота.

Сравнивая компьютерные самоименования русскоязычных пользователей сети Интернет на территории Российской Федерации и Эстонии, можно отметить, что в целом в процессе наименования наблюдаются сходные явления, в некоторых случаях отличается лишь их процентное соотношение. В эстонском виртуальном пространстве исключительно внешнее украшение ника встречается реже. Также в эстонских вариантах совсем не встречаются имена, состоящие только из цифровых символов. Естественным и ожидаемым является то, что для иноязычных компонентов ника эстонские номинаторы используют средства государственного языка Эстонской Республики.

Особенности языковой игры в компьютерных именах

Виртуальная коммуникация стимулирует ее участников на лингвистическое творчество: с одной стороны, общение является неформальным, непосредственным, а с другой стороны, неличным и протекающим исключительно в письменной форме, то есть такие важные элементы коммуникативного акта, как интонация, мимика, жесты и др. отсутствуют. В таких условиях единственным способом привлечения внимания стано-

вятся манипуляции с языковым материалом, дополненные возможностью использования графических средств и иногда некоторых изображений (акронимов). Игра является ярким средством самовыражения личности и в ситуации письменного общения представляет собой языковую и графическую игру. Широкому использованию последних в виртуальной коммуникации во многом способствовало как раз стремление пользователей Интернета к самовыражению, характерному для ситуаций живого общения, при крайне ограниченных возможностях, предоставляемых письменной формой.

Компьютерное имя оказалось благодатной почвой для проявления потенциала в языковом творчестве: наличие ника является необходимым условием для участия в виртуальной коммуникации; можно сказать, что номинатор-номинант абсолютно свободен в выборе (создании) ника («сам своему имени хозяин»); наконец, ник можно сравнить с «маской», которую надевает коммуникант, стараясь сделать ее максимально интересной и привлекательной, и которая является его визитной карточкой, воспринимаемой другими коммуникантами.

Необходимо подчеркнуть обилие примеров графической игры в компьютерных именовании, а также активное использование материала английского языка (во многих случаях была отмечена языковая игра, осуществляющаяся исключительно на англоязычном материале). Это объясняется условиями существования ника — компьютерное письменное общение, позволяющее широко применять графические символы и традиционно связанное с английским языком.

Языковая игра складывается из двух стихий: балагурства и острословия [Земская и др. 1983: 175]. Балагурство не связано с содержанием речи, направлено на ее форму и уходит корнями в явления народной смеховой культуры. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму [Лихачев и др. 1984: 21]. Острословие же связано с более глубоким выражением мысли и с более образной, экспрессивной передачей содержания. Большое количество примеров языковой игры в компьютерных именах относятся к стихии балагурства, чему, безусловно, не в последнюю очередь способствует широкое

применение графических знаков, меняющих внешнюю форму ника (то есть графическая игра). Однако стихия острологии также представлена каламбурами и даже остротами, доступными для понимания после расшифровки имен-шарад и имен с семантической трансформацией. Примеры языковой игры в компьютерных именах являются частью общей тенденции тяготения языкового коллектива к лингвистическому творчеству. Анализ этих примеров позволил раскрыть специфику речевого комизма в виртуальной коммуникации.

В качестве основных выделяют три функции языковой игры:

- комизм (особый род комического),
- экспрессивная функция (выразить отношение),
- средство смягчения речи (устранить серьезность тона) [Земская и др. 1983: 174].

Очевидно, две первые функции неотъемлемы для компьютерных имен, представляющих собой примеры языковой и / или графической игры. Номинатор стремится развлечь адресата, но и одновременно ставит перед собой задачу вызвать к себе определенное отношение адресата, а именно положительное восприятие. Устранение же серьезности тона видится нерелевантным в силу общей тенденции к фамильярности виртуальной коммуникации.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что в никах аттрактивная функция не просто преобладает, она, как это свойственно языковой игре в целом, тесно связана с экспрессией, оценкой, самоиронией, стремлением к тому, чтобы развлечь себя и собеседника, а также самоутвердиться. В любом случае, в создании компьютерных имен ярко представлена языкотворческая функция, которая опирается на знание (или чувство) закономерностей родного языка участников виртуальной коммуникации (а именно, русского), а также на знание иностранных языков — в первую очередь, английского (эстонского для русскоязычных коммуникантов компьютерных сообществ Эстонии). Именно это языковое знание и чутье позволяют участникам активно использовать в своих именах-никах такие явления смеховой культуры, как каламбур и балагурство. А псевдомотивация и знание преце-

дентных текстов расширяет возможности компьютерного имени в сфере многозначности передаваемого смысла.

ЛИТЕРАТУРА

- Бусурина Е. В., Чуйкина Н. В. 2011 — Стратегия самопрезентации языковой личности в условиях виртуальной коммуникации (на материале автономии в никах российских и эстонских компьютерных сообществ). *Русский язык во времени и пространстве. Материалы XII Конгресса МАПРЯЛ*. (В печати.)
- Голомидова М. В. 2005 — Русская антропонимическая система. *Вопросы ономастики*. № 2. Екатеринбург. С. 17–22.
- Дзякович Е. В. 2001 — Возможности пунктуации и параграфемии в современной печатной рекламе. *Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова*. Москва. С. 121–126.
- Земская Е. А. 1992 — *Словообразование как деятельность*. Москва.
- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. 1983 — Языковая игра. *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва. С. 172–214.
- Ильясова С. В., Амири Л. П. 2009 — *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. Москва.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. 1984 — *Смех в Древней Руси*. Ленинград.
- Максимов В. И. 2003 — Графические игры. *Русская речь*. № 5. С. 66–68.
- Матвеев А. К. 2008 — Эволюционные процессы в ономастике. *Вопросы ономастики*. № 6. Екатеринбург. С. 130–136.
- Попова Т. В. 2007 — Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы*. Москва. С. 230–231.
- РЯЭ 1997 — *Русский язык: Энциклопедия*. Москва.
- Санников В. З. 1999 — *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва.

KEELEMÄNG VIRTUAALSES AUTONOMINATSIOONIS
(Venemaa ja Eesti virtuaalruumide materjalil)*Jekaterina Busurina, Natalia Tšuikina*

Postmodernse kultuuri mõjuga on seotud keelekollektiivi kiindumus lingvistilisele loomingule ehk keelemängule erinevates keeležanrites. Lingvistilisi mänguvõtteid soodustavaks pinnaks on virtuaalse kommunikatsiooni ala: isik võib esineda võõra nime all, “maski” ette panna, laiema auditooriumi juurde ligi pääseda.

Kirjaliku vormi domineerimine virtuaalses reaalsuses lisab keelemängule graafilise mängu — kasutatakse arv- ja graafilisi sümboleid.

Virtuaalnimi e *nick* (ingl. *nick-name*) on virtuaalse kommunikatsiooni osaleja vajalik atribuut. Olles kunstliku autonominatsiooni akti tulemuseks, peegeldab ta isiku eneseesitluse strateegia eripärasusi virtuaalses reaalsuses ning saab seetõttu oluliseks kognitiivseks “sõlmeks”.

Keeleline ja graafiline mäng esineb virtuaalses nimeloomingus regulaarselt, kusjuures umbes sarnastes osades (kommunikatsiooni kirjalik vorm võimaldab kaasata loomingulisse protsessi ka teisi sümboleid peale kirjatähtede).

Autorid on uurinud Venemaa Euroopa osa ja Eesti virtuaalruumides esinevaid graafilisi ja keelemängu variante. Tähelepanu keskmes on vene ja teiste võõrkeelte kasutamise eripärasused ja mehhanismid virtuaalses enesenominatsioonis, mis on omased nimetatud regioonile; analüüsitakse virtuaalnime kasutamise funktsioone. Läbiviidud uuring annab võimaluse iseloomustada nii keelemängu võimalusi virtuaalreaalsuses, kui ka esile tuua sellele omaseid regionaalseid iseärasusi.

К ВОПРОСУ О ВАРЬИРОВАНИИ СВАДЕБНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЭСТОНСКОГО ПРИЧУДЬЯ

С. Б. ЕВСТРАТОВА, А. В. ШТЕЙНГОЛЬД

Свадьба является одним из наиболее сложно организованных в структурном отношении обрядов: в ней занято большое количество участников, выполняющих различные ритуальные функции, фигурируют особые ритуальные атрибуты и обрядовая пища, представлен богатый и разнообразный фольклор. Последовательные ритуальные действия объединяются в отдельные семантически цельные блоки и образуют синтагматическую структуру свадебного обряда: свадебный сговор, канун свадьбы, свадебная церемония, собственно свадьба, конец свадьбы. Сложной организации обряда отвечает детализованная многочисленная терминологическая система.

Нас заинтересовали варианты свадебного обряда в эстонском Причудье, соответствующая им терминология и ее истоки. Стоит сразу сказать, что западнопричудский свадебный канон во многом повторяет псковский и вместе с ним представляет собой ответвление севернорусской свадебной традиции. С другой стороны, особенно на уровне лексики, отмечаются оригинальные черты, отсутствующие в ближайших географических регионах и содержащие элементы архаики.

В настоящей статье будет сделан акцент на терминологическом варьировании, что будет подкрепляться фактами обрядового характера. Вопросы этимологии будут затронуты в значительно меньшей степени.

При работе над данной темой мы использовали печатные источники, обращались к архивным данным, а также к записям, полученным от наших респондентов во время экспедиций в деревни Причудья и на остров Пийриссаар. Поскольку традиционная свадебная обрядность в эстонском Причудье к настоящему моменту утрачена, а в памяти старожилов сохранились лишь ее слабые отголоски, при реконструкции целостной картины свадебного действия нам приходилось опираться на фольклорно-этнографические свидетельства. Разумеется, тексты этих письменных записей зачастую неполны, неточны, допускают разные интерпретации. Наиболее ранние записи относятся к 1936–1938 гг.

К этому историческому моменту свадебная традиция предстает перед нами еще в хорошо сохранившемся виде. Многие тексты свадебных песен удастся обнаружить дословно у П. В. Шейна и др. исследователей второй пол. XIX в. Правда, отдельные свадебные обряды и тогда уже не соблюдались или соблюдались с ограничениями, понимание назначения некоторых ритуалов утрачивалось, но ощущение их былой значимости до сих пор живет в сознании старожилов. Не всегда будучи в состоянии конкретно объяснить содержание того или иного термина (*дымничать, на запой, залога, под ковши, надельный хлеб, волки, клятники, окрута*), наши информанты тем не менее ассоциируют их со старинной свадьбой и укладом предков.

В настоящее время можно говорить о полном исчезновении традиционных черт народной свадьбы на западном побережье Чудского озера. Причем если значение слова *дымничать* наши респонденты с трудом, но объясняли, то о том, какую роль в свадебном обряде играли *волки*, не могли сказать ничего. Попытаемся ответить на эти и некоторые другие вопросы.

ВОЛКИ

Во время свадебного обряда, когда молодая пара вступала в дом жениха, их осыпали житом, чтобы жилось хорошо; переступая порог, невеста торопилась произнести слова: «Овцы мои, бойтесь меня, волк идет, съест вас» [Рихтер 1976: 210].

Значения этого выражения в настоящее время наши респонденты объяснить не могут, отвечая на наши вопросы, что таких слов «даже на слуху нет» (имеется в виду контекст свадебного обряда). В монографии Е. В. Рихтер указывается на то, что *волк* в данном случае означает здесь представителя другого рода, рода невесты [Рихтер 1976: 210]. В целом же с мнением Е. В. Рихтер, на монографию которой ссылается и современный исследователь А. Гура, трудно не согласиться, потому что, по мнению многих исследователей, определяющим в символике волка является признак «чужой», поэтому волк может соотноситься с «чужими», приходящими извне: с мертвым, предком и т. д. Волк связан с различными пограничными, переходными моментами или периодами: во время поездки к венчанию или от венчания свадьбу могут обратить волками [Гура, Левкиевская 1995: 411]. В севернорусских свадебных причитаниях *волками серыми* невеста называет братьев жениха, однако в свадебных песнях на Псковщине и в Белоруссии родня жениха называет невесту *волчицей* или *медведицей*.

В ПОС отмечается, что *волком* называется 1) лицо, приезжающее свататься ночью (*Ночью приходят сватацца, их волками и зовут*. Печ. Кулье), 2) лицо, перевозящее приданое невесты в дом жениха (*Увязут клетники — называют волки; волки — они и увязут маё дабро-та, там простыни да палатёны, да свадьбы иишо*. Гд. Быковщина) [ПОС 4: 111]. Таким образом, информант наряду с термином *волк* употребляет слово *клетник*, но это единичное высказывание и по нему трудно определить, насколько устойчив термин *клетник* в качестве названия лиц, перевозящих приданое. По мнению Н. Ю. Таратыновой, скорее *клетники* могли выполнять эпизодическую функцию перевозки приданого, и в этот момент их могли называть *волки*, но как устоявшийся специальный термин для обозначения лиц, перевозящих приданое невесты в дом жениха, лексема *клетники*, вероятно, не использовалась. Н. Ю. Таратынова в первую очередь связывает *волков* с подгруппами названий лиц, занимающихся сватовством и «приезжающих свататься ночью» [Таратынова 2007: 161]. Таким образом происходит сужение значения за счет введения до-

полнительной семы 'ночное время', информант мотивирует название *волк* временем сватовства.

По данным СРНГ, одно из значений слова *волк* — дружка на свадьбе (Гдов. Пск., 1898) [СРНГ 5: 40]. Поскольку брачная символика волка связана с символикой волка как «чужого», *волком* называют дружку, представителя жениха (Псков.). Употребление термина *волк* в данном значении, как синоним слова *клитники*, не зафиксировано ни в одном описании свадебного обряда в эстонском Причудье.

Таким образом, в славянской обрядности и в различных сферах традиционной культуры в большей степени прослеживается мужская символика волка, хотя образ волка мог соотноситься и с женским началом (в рамках свадебного обряда — с невестой и ее матерью). «Волками» называют и дружину жениха, и всю невестину родню на свадьбе у жениха. Возможно, это связано с двойственной символикой волка.

В изученных нами записях свадебного обряда, имеющихся в Литературном музее им. Ф.-Р. Крейцвальда в Тарту [ERA Vene 8, 12] не содержится ни одного упоминания о *волках*. Зато в соответствии с фольклорной записью, сделанной в 1936 г. В. Егоровым от Анны Яковлевой и Марии Груздовой в деревне Городище Печорского края, невестины гости называются *кашниками*, девицы поют *кашникам*: «Не черна сморо́душка, за той смородушкой гуляли де́вушки, не видали де́вушки, как го́сти нае́хали — чесные кашники. Мы давно́ госте́й ждали, давно́ дожида́ли». *Кашники*, гости невестины, по выходе из-за стола поют и тянут припевки [ERA Vene 8: 53–55]. Напомним, что каша была неизменным блюдом на свадьбе у славян, а одно из значений слова *кашник* — гости, приглашенные на каши к молодым, родичи невесты [Даль 1981–1982 I: 100]. В терминологии северного Причудья и Принаровья синонимом *кашников* являются *волки*. В свадебном же обряде русских в Эстонии функции *волков* выполняют родственники невесты, но при этом про мужчин со стороны невесты не говорится ничего. Можно предположить, что родственники невесты стали *волками* из-за того, что ниша приглашенных со

стороны жениха была занята клетниками¹, а сема 'чужой' / 'другой (другая сторона)' должна была актуализироваться в наименовании рода невесты. Здесь мы наблюдаем проявление противопоставленности, о которой А. В. Гура пишет следующее: «Для свадебного обряда особенно актуальна мужская и женская символика, символическое противопоставление своего и чужого, старого и нового, чета и нечета, плача и веселья, эротическая символика, символика красного цвета, девичества, деторождения, жизни и смерти, судьбы и доли, воли, любви, богатства и благополучия» [Гура 2009: 546].

Таким образом, свадебная обрядовая традиция повсеместно разрушается или забыта полностью, в связи с чем происходит затемнение семантики наименований, обозначающих свадебные чины. Некоторые термины развивают полисемичность, во многом под влиянием местной традиции.

ДЫМНИЧАНЬЕ

Срок между сватовством и свадьбой в эстонском Причудье редко превышал неделю. «Глядение» дома жениха (*дымничанье*) родней невесты (*дымниками*) зачастую опускалось, так как о состоянии хозяйства друг друга были все осведомлены. Смотреть хозяйство жениха ехали только в дальнюю деревню, причем так же, как и повсеместно на Псковщине, говорили, что едут *дымничать* [Рихтер 1976: 209]. Обязательно дымничали в Печорском, Гдовском, Стругокрасненском районах, в деревнях северного Причудья и Принаровья. В Гдовском и Стругокрасненском районах дымничанье отождествлялось с понятием *ездить на хлебник*, то есть угощаться, устраивать застолье. Видимо, с таким представлением о цели *дымничанья* связано название этого действия: по направлению дыма из печной трубы гадают о благополучии в доме, об урожае, здоровье, замужестве. «Термин *дымник* мотивирован словом *дым* в значении 'дом, хозяйство, двор': *А в дярэвни-та дваццать три дыма была раньшы*. Холм. [ПОС 10: 78]. Слово *хлебник*

¹ Данному термину посвящена отдельная публикация А. Штейнгольд [Штейнгольд 2010].

В. И. Даль с пометой *псковское* толкует как ‘хлебный настольный нож’ [Даль 1981–1982 IV: 553]¹. Употребление слова в составе обрядового термина *ездить на хлебник*, видимо, связано с тем, что родственников невесты, приезжавших осматривать хозяйство жениха, принято было угощать хлебным вином, водкой. Связь со словом *хлеб* бесспорна (*смотре́ть хлеб*): *хлеб* был основным источником достатка крестьянской семьи» [Таратынова 2007: 81].

Приведем ответ одной из наших собеседниц, жительницы Пийриссаара П. И. Тейман, на вопрос о том, что такое *дымничать* в свадебном обряде эстонского Причудья:

- *Вы сказали, что все-таки сватались. А Вы не помните, что такое дымничать?*
- *Нет, не помню. Дымничать — это как раньше говорили, до сватовства невесту пропивать. Как бы знакомиться. Бутылку обязательно нужно было проставлять.*

В Литературном музее г. Тарту [ERA Vene 12] содержится записка, сделанная студенткой О. Громовой от жителя Логозы (Лохусуу) Павла Калинкина — по словам Громовой, человека не совсем темного (Калинкин был каменотесом), а «хлебнувшего просвещения», поскольку брат его был священником: «Если жаних живет далеко и нявестины родители ня знают яво богатство и повядения, то ня дают раньше ответа, пока все ня узнают, — яны выговаривают сябе право “дымничества”. “Дымничество” — когда родственники нявесты отправляются в сяло жениха: узнают в соседях богат ли жаних, каво в няво характер и какова ён поведения. Наконец яны идут к жаниху, смотрят яво богатство. Если им все пондравится, дают ответ и назначают день сватовства» [ERA Vene 12: 616–617].

В Калласте *дымничать* означало «когда кто-нибудь из своих, брат или сестра, ездят в дом к невесте или от невесты в дом жениха и подглядывают, как себя ведет человек. Другой раз и не знают, для чего приехали, а он все подглядывает, примчистый ли человек, чистоплотный или грязный; мать уби-

¹ Без географии В. И. Даль приводит также значения ‘кто печет, продает хлеб’; ‘хлебное вино, водка’ [там же].

рает все или дочь. Другой раз сам жених едет. Придут, выпьют, поговорят» [Морозова, Новиков 2007: 147; RKM Vene: 368–433].

Таким образом, в географически смежных населенных пунктах синтагматика и парадигматика обряда уже несколько иная, *дымничать* можно было и у жениха, и у невесты. Здесь мы сталкиваемся с вариативностью термина, хотя семантическое его ядро не меняется, означая посещение дома одного из будущих новобрачных.

Наблюдаемое терминологическое варьирование свидетельствует, с одной стороны, об обрядовой вариативности, наблюдаемой в нашем регионе, с другой, — о различных культурно-исторических и лингвистических истоках местного населения.

Собранный нами материал является подтверждением того, что многие элементы свадебной обрядности в эстонском Причудье к настоящему времени утрачены, и тем важнее реконструировать этот обряд.

ОКРУТА

В западнопричудских говорах так повсеместно называли свадебную одежду невесты. Ср.: «На свадебную *окруту* жених даёт иногда сколько-нибудь денег — это на уваль (вуаль, фату), на платье и на белые туфли» [Морозова, Новиков 2007: 152]. Производный от той же основы глагол *окрути́ть* / *окруча́ть* также функционально ориентирован на образ невесты ('нарядить / наряжать'), но не всегда соотносится с ним напрямую; он может использоваться и по отношению к (*девье́й*) *красоте* — елочке, специально наряжаемой накануне свадьбы и являющейся символическим заместителем невесты: «Как невеста сосватается, придут девушки, поставя[т] посеред комнаты ёлку, *окрутя*[т] яну (нарядят её), и три-четыре дня гуляем, бывало, вокруг неё. И ето время шьём невесты бельё и всё, что ей нужно, а самы поём...» [там же: 174]. *Красота*, как и *алая лента* и *волюшка*, символизирует полноценное добрачное состояние девушки, достижение ею наивысшей степени физической зрелости (фертильности) и здоровья. По отношению к жениху или другим участникам свадебного действия,

равно как и в адрес других лиц (объектов) необрядовой действительности, данные выражения (*окрута*, *окрутить*) не употребляются.

Западнопричудские диалектные материалы демонстрируют очевидное родство с псковскими лексическими фактами, но степень формально-семантической вариативности последних значительно выше, а их лексические связи разнообразнее. Ср.: *окру́та* ‘свадебная одежда невесты; приданое’, ‘наряд девушки’, ‘одежда, обувь и другие вещи’, *справлять / ладить окруту* ‘шить одежду, наряжаться’ (*Направлено много окруты; Справила окруту себе, дроляху ждёт*), *покрута* ‘плата за невесту’, ‘одежда хорошая’ (собр.), *окрутина / округинка* ‘вещь, одежда’ (значение единичности), *окру́тюшка* ‘одежда, платье’, *окру́титься* ‘одеться, обзавестись одеждой’, *окру́тный* ‘имеющий много хороших вещей’, *окру́то* ‘(жить) в достатке’, *окру́ты* ‘кто кутается, тепло одевается’ [КПОС]¹. Несмотря на то, что далеко не все лексемы с корнем *крут-* имеют связь с традиционной обрядностью и ритуалом (ср. *окру́тный* ‘скорый, быстрый, проворный’, *покрута* ‘веревка, скрепляющая нижнюю часть сети’, *покрутить* ‘положить сена на воз’, ‘поспешить’(?)) [там же]), все-таки в большинстве случаев — и это очень хорошо демонстрируется присловными иллюстрациями — прослеживается закреплённость интересующих нас лексем за обрядовой стороной крестьянской жизни, денотативное тяготение к разным сферам женского (девичьего) быта (одежда и ее значимость, починка одежды, наряды, приготовления к встрече гостей, свадьба, приданое и т. д.: *Д’ет’е́ј ро́с’т’им / и окру́та оста́юцца / доч’к’и мо́ји нос’и́л’и; У мо́лод’и́цы всяко́й акру́ты мно́го; Тапе́рь я абду́маю, ка́кая у ме́ня акру́та бы́ла. Мно́га аде́ялов бы́ла; Справи́ла окру́ту себе, дро́ляху жде́т; Ч’и́н’и́т’ акру́ту / је́те ба́б’я́ д’е́ль*), и только вторичным образом отмечается расширение экстенсionalных границ лексем *окрута / покрута*, *окрутный*, *окрутиться* и др. за счет включения мужского «элемента» (обилие одежды

¹ Все толкования диалектных слов и иллюстрации к ним приводятся в оригинальном виде, в том числе графическом.

и вещей в целом, достаток: *Хыть трудно, но ани бы́ли акру́т-ные; Не то́ што акрутит'са / прѣкарм'ит'с'а грузнѣ //* [КПОС]). Сфера же употребления глаголов *окручать*, *покручать* в псковских говорах, по нашему мнению, остается обрядовой (ср. *покруча́ть* 'одевать, наряжать под венец' [там же]), что по понятным причинам не всегда попадает в толкование, но «поддерживается» иллюстративным материалом. Приведем несколько характерных примеров: ср. *окруча́ть* семантизируется как 'одевать' при наличии контекста: *Бо́жын'ку окруча́-л'и* («речь идет об иконе, которую обвешивали кружевами»), а также 'наряжать' — *Окруча́ли красу́ јају / јолку нър'ажал'и л'ентѣм / бусѣм //*.

СРНГ демонстрирует распространение лексемы *окрута* и формально ей близких слов преимущественно на территории первичного заселения России — в Псковской, Новгородской, Петербургской губ. и на Русском Севере, кроме того — в некоторых переселенческих говорах (пермские). При этом лексикографически выделяются следующие значения этого слова: 'одежда, платье', 'женское нарядное, праздничное платье', 'приданое невесты', 'женский головной убор', 'носильные вещи, постельное белье, скатерти и т. д.', «о человеке, который любит одеваться слишком тепло» [СРНГ 23: 168]. Образованная от той же основы путем суффиксации лексема *окру́тка* характеризуется сходным набором значений: 'свадебный обряд, при котором новобрачной расплетают косу на две и надевают головной убор замужней женщины', «о наделении невесты приданым», 'приготовление снаряжения в путь', 'платок, повязываемый концами назад' [там же]. Остальные однокоренные образования типа *окрутушка*, *окру́тье*, *окруча́нье*, *окру́тый*, *окру́тный*, *покру́ть*, *покру́та*, *покру́точка*, *покрутушка* и мн. др. так или иначе связаны с одеждой — прежде всего женской — и со (свадебным) обрядом. Однако сохранение в семантике обрядового подтекста характерно не только для лексем, демонстрирующих в связи с корнем *крут-* разные возможности диалектного словообразования, но и для безаффиксного диалектизма *кру́та* 'иконный оклад, оправа' (Север., Пск., Новг.), 'приданое невесты, женские украшения' (Арх.,

Север., Пск., Новг.); ср. также *крута церковная* ‘церковное облачение, ризы’ (Пск., Новг., Смол.).

Совершенно очевидна историческая производность всех указанных слов, начиная с *крута* (его древность подтверждается наличием др.-рус. *крута* ‘женские наряды, украшения’, ‘оклад и другие украшения на иконах’ [СлРЯ XI–XVII 8: 88]), от *крутой*, *крутить* ‘вращать, поворачивать’ < **krōt-*, что было доказано еще Э. Бернекером, М. Фасмером и О. Н. Трубачевым [Berneker 1908–1913: 627; Фасмер 1986–1987 II: 386; ЭССЯ 13: 28]. От себя добавим, что наличие сем поворота, вращения во внутренней форме наименований одежды представляется вполне объяснимым. Глаголы типа *крутить*, *вращать*, *вертеть* являются денотативно двуплановыми и отражают как особенности изготовления пошивочного материала (путем скручивания нити, прядения, вязания — ср., напр., моск. *крутиковый* ‘сделанный из понитка (ткани)’ [СРНГ 15: 326]), так и характер движений, осуществляемых человеком при одевании (поворот туловищем, плечами — ср. ряз., тамб. *крутик* ‘верхняя мужская одежда кафтанного покроя...’, ‘верхняя женская одежда’ [там же: 325]). Вспомним также, что первоначально одежда была запашного типа и скреплялась на бедрах и груди завязками и фибулами, что увеличивало количество круговых и маховых движений при одевании. Так возникли следующие названия старинной русской одежды: *опашень* ‘верхняя одежда свободного покроя и с рукавами на подкладке’ (ср. совр. *распашонка*) родственно глаг. *запахнуть*, *распахнуть*, *охабень* ‘широкая женская юбка; мужская верхняя одежда’ от *охабить* ‘охватить’, зап.-причуд. *разъятень* ‘широкая одежда’ от *разъять* и мн. др. [Жуковская 1991: 39–41; Фасмер 1986–1987 III: 143, 175; Евстратова, Штейнгольд 2009: 92].

Возвращаясь к основному вопросу, обсуждаемому в данном параграфе, реконструируем схему развития форм и значений для зап.-рус. *(о/по)крута*: *(о)крутить(ся)* ‘одеть(ся), в том числе с обрядовой целью; снарядить(ся)’ > *(о/по)крута* ‘одежда вообще, в том числе обрядовая’ > ‘приданое’, ‘свадебный наряд’ > ‘женская одежда’. На какой-то стадии возникшая об-

рядовая специализация данного термина претерпела консервацию в западнопричудских говорах. Закреплению и углублению сакрального значения могла способствовать и общая предрасположенность корня *крут-* к передаче смыслов ритуально-обрядового характера, на что впервые обратил внимание А. Н. Афанасьев [Афанасьев 1865–1867: 32, 41–42]. Исследуя воздействие внешней и внутренней формы слова на развитие мифологических представлений, и наоборот — продвигаясь в своих наблюдениях от обряда (мифа) к его словесному выражению, он подметил высокую мифогенность глаголов *вязать*, *крутить*, *замыкать*, *соединять* как связанных с понятием замкнутой линии, круга. Также он подчеркнул возможность развития амбивалентной символики у одних и тех же действий, объектов. В соответствии с его взглядами, действия кручения, поворота, так же как и обозначающие их слова, могут быть коннотированы для носителя культуры как положительно (оберег путем очерчивания, кругового опахивания, опоясывания), так и отрицательно (оборотничество, вредоносная магия) [там же: 32]. Свои наблюдения он подытоживает следующим утверждением: «Часто из одного названия, из одного метафорического выражения, как из зерна, возникает целый ряд примет, верований и обрядов, опутывающих жизнь человеческую тяжелыми цепями» [там же: 42].

В завершение перечислим те диалектные факты, которые не упоминались нами ранее, но которые также подтверждают продуктивность корня *крут-* в традиционно-мифологическом и обрядовом терминообразовании. Ср. *окручать* ‘женить, выдавать замуж’ (Перм., Волог.), *окручаться* ‘жениться, выходить замуж’ [СРНГ 23: 169], *окручать* ‘ображать покойника’ (Пск.) [там же], *окрутник* ‘ряженный’ (Смол., Новг., Твер., Волог., Олон., Арх. и др.) [там же: 168; СЦРЯ III: 62], «в дореволюционной России — праздничное время от Рождества до Крещения, святки» (Новг.) [там же], *окрутница* ‘наряжающаяся о святках для шутовства’ [СЦРЯ III: 62], *покрута* ‘одеяние, убранство покойника; траур’ [СРНГ 29: 13], *закрут* ‘болезнь овец, сопровождающаяся головокружением’, ‘умопомешатель-

ство', бранное выражение (ср. в заклитии *Закрут тебя возьми!*) (Смол.) [СРНГ 10: 167–168].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Н. 1865–1867 — Для археологии русского быта. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов. *Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. I. Москва. С. 17–43.
- Гура А. В. 2009 — Свадебный обряд. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого*. Т. IV. Москва. С. 544–547.
- Гура А. В., Левкиевская Е. Е. 1995 — Волк. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого*. Т. I. Москва. С. 411–420.
- Даль В. И. 1981–1982 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
- Евстратова С., Штейнгольд А. 2009 — Названия одежды в языке староверов Эстонии. *Vene põlisvähemus Eestis ja Euroopas (Копенное русское меньшинство в Эстонии и Европе). Konverentsi ettekanded (Доклады конференции)*. Tartu-Kolkja, 2.–3. X. 2008. Tallinn. С. 89–100.
- Жуковская З. В. 1991 — Об одной из семантических групп псковской лексики в историческом освещении. *Псковские говоры. Межвузовский сборник научных трудов*. Псков. С. 38–45.
- КПОС — *Картотека Псковского областного словаря с историческими данными, хранящаяся в межкафедральном словарном кабинете при кафедре русского языка Псковского государственного педагогического университета*.
- Морозова Н., Новиков Ю. 2007 — Чудное Причудье. *Фольклор староверов Эстонии*. Тарту.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ленинград, Санкт-Петербург, 1967 —.
- Рихтер Е. В., 1976 — *Русское население Западного Причудья*. Таллин.
- СлРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Москва, 1975—.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург, 1965—.
- СЦРЯ — *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*. Санкт-Петербург, 1847.

- Таратынова Н. Ю. 2007 — *Лексика свадебного обряда (по материалам псковских говоров)*. Дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Псков.
- Фасмер М. 1986–1987 — *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва.
- Штейнгольд А. В. 2010 — К проблеме этнолингвистического описания западнопричудских свадебных чино́в: *клятники – клятник*. *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra* 55 (2). Vilnius. С. 149–155.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974–.
- Berneker E. 1908–1913 — *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. (A–mor-). Heidelberg.
- ERA — *Архив эстонского фольклора (Eesti rahvaluule arhiiv) Эстонского литературного музея им. Ф.-Р. Крейцвальда*. Тарту.
- RKM — *Eesti TA Fr. R. Kreutzwaldi nim. (Riikliku) Kirjandusmuuseum (nüüd Eesti Kirjandusmuuseum) rahvaluule osakonna rahvaluule kogu*. Tartu.

EESTI PEIPSIMAA PULMATERMINOLOOGIA VARIEERUMISEST

Svetlana Jevstratova, Anželika Šteingold

Artiklis keskendutakse Eesti Peipsimaa pulmakombestiku terminoloogiale varieerumisele, mida kinnitavad rituaalse iseloomuga faktid. Vaadeldakse selliste terminite nagu *волки*, *дымничанье* ja *окрута* tähendust.

Slaavi kombestikust ja erinevates traditsioonilise kultuuri valdkondades võis *волк*'i kuju olla seotud nii meheliku, kui ka naiseliku algega. Eesti venelaste pulmakombestikust aga täidavad *волк*'ide funktsiooni pruudi sugulased, kuid sealjuures ei räägita sõnagi pruudipoolse suguvõsa meesterahvastest.

Rituaalse termini *дымничать* kasutamine on seotud sellega, et noorpaari sugulased tulid enne pulmi peigmehe majapidamist üle vaatama või sõltuvalt asustatud punktist, külastati nii peigmehe, kui pruudi kodu. Ka siinkohal puutume me kokku termini varieerumisega, kuigi selle semantiline tuum ei muutu ning sõna tähendab ühe tulevase abikaasa kodu külastamist.

Selgub, et sõnal *окрута* on läänevene ja põhja murrakutes peamiselt rituaalne tähendus, mis on seotud pulmadega ('pruudi rõivastus', 'veimevakk') või märgib riietust üldiselt. On ilmne kõigi analüüsitud samatüve-

liste sõnade (eelkõige *крукá*, mis on teada veel vanavene keelest) tulemine lekseemidest *крутой*, *крутить*. Antud termini rituaalne spetsialiseerumine, mis leidis aset mingil ajaetapil, konserveerus läänepeipsi murrakutes. Tüvi *крут*- eksisteerib ka teistes regionaalsetes mütoloogilistes ja rituaalsetes terminites: *окручать* 'surnut riietama', *окрутник* 'riie-tatud, maskeeritud', *покрута* 'surnu riietus, rõivastus; lein' jne.

Jälgitav terminoloogiline varieerumine tõendab ühest küljest kombes-tiku varieerumist vaadeldavas regioonis, teisest küljest aga kohaliku ela-nikkonna erinevate kultuurilis-ajalooliste ja lingvistiliste lätete olemasolu.

ВАРИАТИВНОСТЬ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ДУБЛЕТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

Л. В. ИГНАТКИНА

Не подлежит никакому сомнению, что вариативность является неизменным условием функционирования (существования) любой системы, в том числе и языковой. Более того, именно возможность возникновения вариантов, динамическая неустойчивость самой языковой системы обеспечивают ее функциональную стабильность. Об этом в своем наброске к докладу на тему «Очередные проблемы языковедения» писал еще Л. В. Щерба: «...на самом деле всегда и везде есть факторы, которые «грызут норму» и далее: «Вообще, я представляю себе язык находящимся все время в состоянии лишь более или менее устойчивого, а сплошь и рядом и вовсе неустойчивого равновесия, в результате действия целого ряда разнообразных факторов, зачастую друг другу противоречащих» [Щерба 1974: 50]. Описывая механизм эволюции языка, Л. А. Вербицкая замечает: «Языковая система не может изменяться, минуя вариантность, так как любому переходу от старого варианта к новому обязательно предшествует период их сосуществования» [Вербицкая 2001: 26]. Этот период может иметь разную продолжительность для того или иного слова.

Результаты изменчивости отдельных элементов системы можно наблюдать в диахронии и в синхронии на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом и синтаксическом. Остановимся на первом из них, а именно на функциони-

ровании такой фонетической супraseгментной единицы, как словесное ударение. Ему присущи определенные особенности:

1. ударение характеризует отдельно взятое слово в целом, и иностранцам приходится каждое слово запоминать вместе с ударением¹;

2. ударение в русском языке свободное (разноместное), то есть не прикреплено к определенному слогу от начала или от конца слова (как, например, к первому слогу в эстонском языке или к предпоследнему в польском языке) и может стоять в начале, середине и конце слов (*до́рого, доро́га, доро́га́, э́кзз-мены, скла́дывающийся, универси́тэ́т*). Оно может находиться на любом слоге словоформы и на разных морфемах — на приставке (*вы́писать, за́мысел*), на корне (*ко́тик, ры́ба, стро́йка*), на суффиксе (*столо́вая, лужо́к, гитары́ст*) и на окончании (*сто́лы, голо́ва, доро́гой*);

3. ударение может быть подвижным и неподвижным. Большинству слов русского языка, по мнению Л. В. Бондарко, свойственно неподвижное фиксированное ударение, которое «падает на один и тот же слог при любых изменениях слова. Например, в падежных формах слова *соба́ка*, в производных формах этого слова (*соба́чка, соба́чий, соба́чник, соба́читься* и т. д.) ударение сохраняет свое место» [Бондарко 1998: 216]. Многие частотные слова имеют подвижное ударение, когда при изменении форм слова ударение перемещается, выделяя разные слоги: *ру́ки, рука́ми; пишу́, пи́шем; смотре́ю, смóтрим*. Как справедливо замечает Л. Л. Буланин, «...свободным или связанным ударением характеризуется язык в целом; подвижным или неподвижным ударением характеризуется словоизменительная парадигма слова» [Буланин 1970: 164]. От пере-

¹ Обычно русские слова характеризуются одним ударением. Однако встречаются многоударные слова, сочетающие основное и побочное (слабое) ударение (*жёлто-зе́лёный, ра́диове́щание*), слабоударные слова (некоторые предлоги, наречия, местоимения: *около́ дома, скво́зь сон, попере́к доро́ги, она́ сказа́ла*) и слова, лишенные ударения, к которым относятся предлоги и частицы (*у́ дома, на́ столе, за́ окном, чере́з час, посмотре́-ка, я-то́ ви́жу, он-то́ зна́ет*).

носа места ударения может меняться смысл слова (*му́ка* – *мука́*, *за́пах* – *запах́*) или его форма (*ру́ки* – *руки́*, *тра́вы* – *травы́*).

Существуют различные точки зрения по поводу преобладающего места ударения. Весьма распространенным является мнение, что «в подавляющем большинстве слов русского языка (83%) ударение так или иначе затрагивает корень слова» [Богданова 2001: 97]. «Чаще всего ударением выделяется корень (59,01%), реже суффикс (29,03%), еще реже флексия (16,03%) и крайне редко префикс (1,53%) и постфикс (0,03%)» [Зубкова 1984: 81], при этом автор обращает внимание на различия в дистрибуции морфемного ударения в глаголах и именах. У глаголов частота корневого и суффиксального ударения почти не различается и равна соответственно 39,6% и 38,2% и «только для имен характерно резкое преобладание корневого ударения (у существительных — 78,4%, у прилагательных — 68,6%)» [там же].

Обсуждается в литературе и вопрос о месте ударения по отношению к началу, середине или концу слова. Так, например, Л. Р. Зиндер считает, что «...в современном русском языке наблюдается дублетное произношение многих слов, связанное с тенденцией переносить ударение на первый слог или во всяком случае ближе к началу слова» [Зиндер 1979: 26]. К его мнению присоединяются Р. Ф. Касаткина и К. С. Горбачевич. «В современной русской спонтанной речи наблюдается определенная тенденция к смещению словесного ударения к началу (или на начало) слова» [Касаткина 1996: 60]. «Основной тенденцией в развитии ударения (У существительных мужского рода. — Л. И.) служит историческое перемещение акцента ближе к началу слова... Это касается как исконно русских слов и старых заимствований..., так и иноязычной лексики, сравнительно недавно освоенной русским языком» [Горбачевич 1989: 85]. О тяготении ударения к центру слова говорят Н. В. Богданова [Богданова 2001: 97], Л. В. Бондарко: «Вообще же, ударение стремится как можно ближе к корню, с одной стороны, и как можно ближе к середине слова — с другой» [Бондарко 1998: 216], Л. Г. Зубкова: «...тяготение ударения к центру слова может быть связано главным об-

разом с двумя морфемами — корнем и суффиксом» [Зубкова 1985: 94], И. М. Логинова: «...в наиболее частотных ритмических моделях из 3–5 слогов ударение тяготеет к середине слова (а в многочисленных двусложных словах распределяется практически поровну на I или II слогах)» [Логинова 1992: 53]. А. И. Моисеев утверждает, что «преимущественное место словесного ударения в русском языке обусловлено двумя тенденциями: тяготением к центру слова и предпочтением второй половины слова» [Моисеев 1975: 84]. Зависимость места постановки ударения от части речи отмечает К. С. Горбачевич: «...для многих существительных женского рода характерно прогрессивное развитие ударения, т. е. историческое перемещение его ближе к концу слова» и далее «...основным направлением акцентологического развития полных прилагательных служит перемещение ударения ближе к концу слова, то есть на суффикс или даже на флексию» [Горбачевич 1989: 85, 98]. Из приведенных цитат очевидно, что с ударением в русском языке все не так просто и во многих случаях место его постановки (при возможности варьирования) обусловлено взаимоисключающими факторами. Приведем в подтверждение еще одну цитату: «...Основным направлением акцентологического развития у глаголов является историческое перемещение ударения на корень... Однако это мнение справедливо по отношению не ко всем глагольным формам. Стремлению ударения закрепиться на корне противоречат факты противоположного движения — с корня на суффикс» [там же: 102].

Вообще надо заметить, что капризность и прихотливость русского ударения приводит иностранцев, изучающих русский язык, в трепет, у носителей языка вызывает подчас недоумение, а у специалистов — стремление разобраться, что же происходит со словесным ударением, каков вектор его изменчивости и чем обусловлены колебания в ударении.

Исходя из поставленных вопросов, следует признать, что дублетные акцентологические формы (слова, имеющие в словаре два кодифицированных варианта произношения) являются лучшим материалом для исследования, так как дают возможность проследить ретроспективу возникновения вариант-

ности, оценить особенности ее существования в синхронном срезе, обозначить перспективу развития ударения, а также проверить существующие гипотезы.

Акцентных дублетов в общем словарном фонде русского языка немного¹, но их уникальность очевидна. Как пишет Л. А. Вербицкая, «неизбежная эволюция нормы проходит через стадию сосуществования двух признаваемых одинаково правильными реализаций одной единицы» [Вербицкая 2001: 27]. Однако при кодификации, которая в целом ряде случаев отстает от реальной произносительной нормы и рекомендует уже отживающий или отживший вариант, основанный на традиции или субъективных предпочтениях составителей нормативных словарей, нужно опираться на результаты экспериментальных исследований, на основании которых определяются варианты произношения, существующие в узусе и характеризующиеся устойчивостью и распространенностью. С этих позиций и было проведено настоящее исследование.

На примере пяти изданий Орфографических словарей для школьников [Ушаков, Крючков 1952–2002] посмотрим, изменилось ли (уменьшилось или увеличилось) количество акцентных дублетов за полувековой период. В курсовой работе, сделанной под моим руководством М. Вавилиной [Вавилина 2004], было убедительно доказано, что кодифицированная дублетность имеет волнообразный характер. Так, в Орфографическом словаре, изданном в 1952 году, насчитывается 48 акцент-

¹ В разных словарях содержится разное количество акцентологических дублетов. Например, в «Орфоэпическом словаре русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы» под редакцией Р. И. Аванесова (М., 2000) насчитывается 282 дублета, что составляет 0,43% от 65 000 слов, представленных в словаре. В словаре М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной «Словарь трудностей русского произношения» (М., 2006), включающем около 15 000 единиц, оказалось 64 акцентных дублета (0,4% от общего числа лексем). В словаре Т. Ф. Ивановой «Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы» (М., 2006) насчитывается 187 дублетных форм на 40 000 слов, что равно 0,5%.

ных дублетов, в словарях 1962, 1972 гг. их количество колеблется от 26 до 29 единиц, в 1992 г. зафиксировано 39 дублетов, а в 2002 г. — опять 30. Общий (совокупный) список слов с вариантным ударением составил 79 единиц. Остановимся подробнее на характеристике акцентных дублетов.

Типы вариантности ударения

Анализ дублетов, проводившийся с точки зрения возникновения, существования и исчезновения дублетности¹, показал, что в 13,9% случаев (10 слов) сохраняется вариантность ударения (по типу 2–2²), например, *металлур́гия*, *одновре́менный*, *на́голо́*, *и́на́че*, *тво́рог*; в 40,3% случаев (29 слов) два возможных ударения (тип 2–1) сменились одним: *а́гЕнт*³, *знАхárка*, *полигра́фИя*, *буржуа́зИя*, *э́кспЕрт*; одно ударение сменилось двумя (тип 1–2) в 18% случаев (13 слов): *деви́чий* – *де́ви́чий*, *дли́нноволно́вый* – *дли́нноволно́вый*, *при́горшня* – *приго́ршня*, *роже́ница* – *роже́ни́ца*, *те́фтели* – *те́фте́ли*; прошли через стадию варьирования ударения (тип 1–2–1) 12 слов, что составило 16,7%: *догово́р* – *до́гово́р* – *догово́р*, *лосо́сь* – *ло́сось* – *ло-*

¹ Только по этому критерию рассматривались 72 акцентных дублета. 7 слов (*базилика*, *йогурт*, *кулинария*, *фольга*, *магистерский*, *полуночный*, *рефери*) остались за рамками изучения в основном потому, что они не были представлены во всех изданиях словаря.

² Классификация типов дублетности ударения составлена на основе словарей для школьников (см. список литературы). Первая цифра в скобках показывает количество ударений в словах, представленных в словаре, изданном в 1952 году, последняя цифра соответствует числу ударений, утвержденных в словаре 2002 года. Если на протяжении полувека кодификация ударений менялась, то в скобках стоят три цифры, например, сочетание цифр (2–1–2) означает, что первоначально признавались правильными 2 варианта ударения, затем рекомендовалось только одно ударение, потом произошло возвращение к первоначальной норме: *ко́ллѐдж*, *коллѐдж*, *ко́ллѐдж*.

³ Прописными буквами обозначается победивший кодифицированный вариант произношения.

сось, мышлѣние – мѣшлѣние – мышлѣние; в 7 словах (9,7%) варьирование ударения осуществлялось по типу 2–1–2: *апар-та́мент – апарта́мент – апарта́мент*, *ко́ллѣдж – коллѣдж – ко́ллѣдж*, *каменно́уго́льный – каменноуго́льный – каменно-у́гольный*. Только в слове *дебарка́дер* становление ударения развивалось по типу 2–1–2–1: *дебарка́дер* (1952) – *дебарка-де́р* (1962) – *дебарка́дер* (1972–1992) – *дебарка́дер* (2002). У двух слов произошла смысловая дифференциация: *заброниро-вать* (1952) – *заброні́ровать* (1962), *заброні́ровать* (с 1972 — ‘закрепить’) и *забронировать* (с 1972 — ‘покрыть броней’) и *ха́ос* (1952–1962) – *ха́ос* (с 1972 — в мифологии) и *хаос* (с 1972 — ‘беспорядок’).

Таким образом, благодаря анализу акцентных дублетных форм, выявленных методом сплошной выборки из 5 изданий Орфографических словарей для школьников, были определены 6 разновидностей дублетности, которые можно разделить на 3 группы: а) исчезающая (типы 2–1, 1–2–1, 2–1–2–1), всего 58,4%; б) сохраняющаяся (типы 2–2, 2–1–2), всего 23,6%; в) возникающая (тип 1–2), всего 18%.

Следовательно, во-первых, мнение лингвистов, считающих, что дублетность является временным языковым явлением, переходным этапом реализации одной единицы двумя равноправными способами, является справедливым, но при этом необходимо принимать во внимание, что вариантность ударения может долгое время сохраняться (в словарях представлен языковой материал с 1952 по 2002 годы, это период жизни двух поколений)¹. Во-вторых, безусловно, прав К. С. Горбачевич, считающий, что «для русского литературного языка в целом характерно постепенное убывание вариативности на уровне слова» [Горбачевич 1978: 26]. Однако при этом важно помнить о волнообразности этого процесса и о возникновении новых случаев акцентных вариантов слов.

¹ На самом деле продолжительность существования дублетных форм может длиться столетиями. Например, произношение слова *твѣрог* наряду с *творѣг* отмечалось В. И. Далем еще в словаре 1880 года [Даль 1981: XXVIII].

Перенос ударения на начало, середину или конец слова

Прежде чем рассматривать случаи переноса ударения, остановимся на характеристике ритмической структуры акцентологических дублетов¹. Основным ее ядром являются 28 (35,9%) двусложных и 27 (34,6%) трехсложных слова, что в целом дает около 71% от всей совокупности исследуемого материала. Почти в два раза реже встречаются четырехсложные структуры — 13 слов (16,7%), еще реже — пятисложные: 9 слов (11,5%), и только одно слово *каменноугольный* имеет шестисложную структуру 1,3%².

Как уже указывалось в начале статьи, у лингвистов отсутствует единое мнение относительно места постановки ударения в русских словах. Н. В. Богданова считает, что в двусложных словах ударение чаще (в 59,76%) падает на первый слог [Богданова 2001: 98], А. И. Моисеев говорит о предпочтении второй половины слова [Моисеев 1975: 84], Л. В. Бондарко полагает, что распределение ударения в словах различной ритмической структуры зависит от вида речевой деятельности: в монологической речи в двусложных словах в 51% ударным бывает последний слог, в диалоге — первый слог (в 54%). В трехсложных словах во всех случаях ударением отмечается центральный слог, в четырехсложных словах чаще бывают ударными четвертый и третий слог (соответственно в монологе в 48% и 39%, в диалоге в 47% и 40%) [Бондарко 1998: 217].

При анализе акцентных дублетов рассматривались случаи кодификации одного варианта ударения вместо двух (тип 2–1) и двух вариантов вместо одного (тип 1–2). Второй (более

¹ Необходимо отметить, что слово *пурпурно-красный* было исключено из рассмотрения, так как представляется более целесообразным анализировать прилагательное *пурпурный*, но, к сожалению, оно отсутствует во всех изданиях словаря.

² Эти данные хорошо коррелируют с распределением частот ритмических типов в кодифицированном литературном языке (КЛЯ), в котором двусложных слов 30,9%, трехсложных 29,3%, четырехсложных 17,2%, пятисложных — 7%, шестисложных и более — 3% [Штерн 1988: 220].

поздний дублетный) вариант ударения в двусложных словах чаще возникал на последнем слоге (ракУрс, ржавЕть, тандЕм), в трехсложных словах на втором слоге (тефтЕли, пригОршня), в многосложных — на слогах ближе к концу (роженИца, длинноволнОвый). Утрата первичного дублетного варианта ударения и признание нормой одного варианта ударения в два раза чаще происходили на конечных слогах двусложных слов (агЕнт, сегмЕнт, экспЕрт), на центральных слогах трехсложных слов (агЕнтство, лоснИться, мизЕрный) и на слогах, расположенных ближе к концу слова, во всех других ритмических структурах: исподнИзу, буржуазИя, полиграфИя. Таким образом, на основе дублетных форм можно предположить, что чаще кодифицируется ударение на срединных слогах или расположенных ближе к концу.

Слоговой интервал

Нулевой слоговой интервал отмечается в 70 словах, то есть в 90% случаев, и только у 9 слов интервал составил один слог: *камбала, добела, докрасна, наголо* и др. Эти данные подтверждают наблюдения К. С. Горбачевича, который считал, что акцентным вариантам русского языка свойственно либо отсутствие интервала, либо интервал в один слог, интервал в два слога крайне редок: *вѣдомостей – ведомостѣй* [Горбачевич 1978: 15].

Морфемная структура

Рассмотрение вариативности ударения в 79 дублетах в зависимости от морфемной структуры слова показало, что распределение колебания ударения выглядит следующим образом: внутри корня ударение варьирует в 43 словах (54%): *и́наче, апарта́мент, мизе́рный, лосо́сь, ра́курс, твóрог, те́фтели, экспéрт*; между корнем и суффиксом в 16 словах (20%): *длинно-волно́вый, ржа́веть*; между корнем и приставкой или предлогом в 6 словах (8%): *до́сыта, испóднizu, пóд вéчер*; между корнем и окончанием в 4 словах (5%): *камба́ла, фольга́*; между приставкой и суффиксом в 6 словах (8%): *добе́ла, на́голо*,

на́злѡ; между суффиксами в 4 словах (5%): *забронíровáть*, *ро-жени́ца*. Очевидно, что ударение чаще колеблется внутри корневой морфемы (в основном это происходит у существительных, которые составляют 72% этой совокупности) и между корнем и суффиксом (около трети этой группы составляют глаголы). По мнению Г. М. Богомазова, корневая морфема бывает ударной в 70–80%, суффиксальная в 10–18% [Богомазов 2001: 64].

Частеречная принадлежность

Среди исследованных акцентных дублетов представлены слова, относящиеся к разным частям речи, но распределение их неравномерно: большинство составляют существительные — 44 лексемы, из них основная часть приходится на существительные мужского и женского рода (соответственно 24 и 16), затем по убывающей следуют наречия — 17, прилагательные — 9, глаголы — 7 и союзы — 2. Остановимся подробнее на существительных, чтобы проверить, можно ли распространить на акцентные дублеты утверждение К. С. Горбачевича о тенденции перемещения ударения у существительных мужского рода ближе к началу слова. К сожалению, случаи появления дублетности из-за малой выборки не дают оснований ни поддержать, ни опровергнуть эту гипотезу. В случаях же утраты дублетности, при кодификации одного варианта ударения вместо двух, чаще сохраняется ударение ближе к концу слова: *агЕнт*, *диалОг*, *договОр*, *револьвЕр*, *сегмЕнт*, *экспЕрт*, *лосОсь*, в два раза реже ударением отмечается гласный ближе к началу: *анАпест*, *диАгноз*, *сУффикс*.

Из всего изложенного очевидно, что словесное ударение представляет собой сложное явление, законы его функционирования и кодификации подчас противоречивы и запутанны. И, пожалуй, единственная возможность дать достоверные рекомендации по произношению слов, имеющих варианты, а также определить вектор развития произносительной нормы будущего кроется в изучении живой речи носителей русского языка.

В связи с этим утверждением было проведено небольшое экспериментальное исследование¹ на основе 72 акцентных дублетов, свойства которых были описаны выше. Слова с двумя кодифицированными вариантами произношения были предложены для чтения 20 студентам старших курсов. Из них 10 человек учились в Санкт-Петербургском университете путей сообщения (СПбГУПС) и 10 — на филологическом факультете Санкт-Петербургского госуниверситета. Каждая из групп включала 5 мужчин и 5 женщин. Таким образом, уже этап подбора участников эксперимента предполагал возможность сравнения реализации акцентных вариантов носителями языка, использующими его профессионально или только как средство коммуникации. Эксперимент состоял из двух этапов. Во-первых, каждый информант должен был прочитать без подготовки перед микрофоном список дублетов без проставленного ударения. Во-вторых, информанту предлагалось поставить ударение в напечатанном списке этих же слов. Такая методика позволяла ответить на следующие вопросы: 1) реализуется ли (и если да, то как) дублетность ударения в ситуации неподготовленного чтения и при постановке ударения от руки в списке слов, когда есть возможность подумать и проанализировать свое произношение, то есть в режиме отсутствия спонтанности; 2) существуют ли различия в определении места ударного гласного, обусловленные гендерным фактором и специализацией. Кроме того, привлечение в качестве испытуемых представителей социально перспективной группы населения (студентов) позволяет определить пути развития произносительной нормы и разработать для составителей лингвистических (в первую очередь орфоэпических словарей) аргументированные рекомендации по кодификации наиболее употребительного варианта произношения. Так как в большинстве случаев филологи и нефилологи независимо от половой принадлежности часто отдавали предпочтение одному и

¹ Исследование под моим руководством проводилось О. Беришевой в рамках курсовой работы «Реализация акцентных вариантов слов представителями разных профессий» (СПб., 2003).

тому же варианту произношения дублетов, данные по обоим группам испытуемых было решено объединить.

При рассмотрении частоты постановки ударения во всех режимах и всеми испытуемыми оказалось, что один вариант ударения реализуется в 100% в 17 словах (что составляет 23,6%), например: *агЕнт*, *агЕнтство*, *диАгноз*, *дОсыта*, *иНАче*, *йОгурт*, *кОлледж*, *мИзерный*, *нектАр*, *под вЕчер*, *сАжень*, *сУфффикс*, *тандЕм*, *трАпеза*, *хАос*. Все без исключения информанты произнесли и письменно зафиксировали в этих словах именно это ударение, что указывает на отсутствие акцентной дублетности в настоящем, а возможно, и в будущем времени. Один вариант ударения зафиксирован от 99% до 70% в 43 словах, например: *буржуазИя*, *лоснИться*, *мышлЕние*, *назлО*, *наперегонкИ*, *прИгоршня*, *рАкурс*, *револьвЕр*, *ржавЕть*, *сегмЕнт*, *экспЕрт*, *анАпест*, *апартамЕнт*, *вперегонкИ*, *диалОг*, *договОр*, *лосОсь*, *нАбело*, *нАчерно*, *одновременнО*, *фольгА*, *забронИровать*, *тефтЕли*, *нАголо*, *рЕфери*, *без прОсыпу*, *кАмбала*, *кулинарИя*, *дискАнт*, *добелА*, *металлургИя*, *полиграфИя*, *длинновОлновый*, *несказАнно*. Значительная вариантность (от 69 до 50%) отмечалась в 12 словах, например: *дОкрасна*, *знАхарка*, *испóднИзу*, *рожЕни́ца*, *дебаркАдёр*, *дévИчий*, *чАрдáш*, *каменноУгóльный*, *твóрОг*, *сы́грОвка*, *сИдм́я* (*сидеть*), *базíлИка*. Именно эти 12 слов и можно считать истинными акцентными дублетами. Как показало экспериментальное исследование, реализация зачастую не совпадает с рекомендациями словаря, более того, в ряде случаев она им противоречит. Особое внимание надо обратить на слово *рожени́ца*¹, так как в нем оказалось возможным появление трех вариантов произношения, причем ударение на первом слоге (не кодифицированное в словарях) было более частым, чем на предпоследнем, ударение на котором считается нормативным.

¹ Еще более убедительные результаты были получены в нескольких студенческих работах, в которых в слове *рожени́ца* самым частотным вариантом произношения (65%) оказался вариант *ро́жени́ца*, отсутствующий в словарях, менее частотным вариант *рожени́ца* (30%) и самым редким *рожени́ца*.

Кажется, об образовании акцентологических триплетов упоминания в научной литературе отсутствуют.

Подводя итог проделанной работе, можно сделать следующие выводы.

1. Акцентологические дублеты были, есть и будут, так как они являются переходным этапом от старой произносительной нормы к новой. Количество слов с двумя кодифицированными вариантами произношения в разных нормативных словарях может существенно отличаться и пересекается лишь частично. Общей закономерностью следует считать уменьшение вариантности, что не исключает наличия слов с устойчивой дублетностью и появления новых кодифицированных дублетов.

2. Дублеты (79 слов), обнаруженные в пяти изданиях Словаря для школьников (с 1952 по 2002 гг.), принадлежат к разным частям речи. Среди них есть существительные — 55,7%, наречия — 21,5%, прилагательные — 11,4%, глаголы — 8,9% и союзы — 2,5%.

По слоговой структуре дублеты делятся на двусложные (35,9%), трехсложные (34,6%), четырехсложные (16,7%), пятисложные (11,5%) и шестисложные (1,3%). У 90% дублетных форм отсутствует слоговой интервал, в 10% случаев он составляет один слог, то есть конкурирующими слогами, несущими ударение, оказываются соседние слоги. Ударение чаще колеблется в пределах корня или между корнем и суффиксом.

3. Выявлено шесть типов дублетности и представлена продуктивность каждого из типов:

- кодифицированная вариантность ударения сохраняется в 13,9% слов на протяжении полувека (тип 2–2);
- два варианта ударения сменились одним в 40,3% слов (тип 2–1);
- одно ударение сменилось двумя у 18% слов (тип 1–2);
- одно ударение сменилось двумя, а затем произошел возврат к одному ударению у 16,7% слов (тип 1–2–1);
- вариантность ударения исчезла, а потом снова возникла у 9,7% слов (тип 2–1–2);

- ударение в слове *дебаркадер* развивалось по типу 2–1–2–1 с переносом одиночного ударения: *дебаркАдЕр* – *дебаркадЕр* – *дебаркАдЕр* – *дебаркАдер* (1,4%).

4. При утрате дублетности ударение в два раза чаще сохраняется на следующем из двух рядом находящихся гласных, то есть, используя термин К. С. Горбачевича, по прогрессивному типу: *экспЕрт* – *экспЕрт*, *полигра́фия* – *полиграфИя*. При возникновении дублетности никаких закономерностей (даже на уровне тенденции) выявить не удалось.

5. Дублетность ударения возникла у 27,7% слов, исчезла у 41,7% слов, дублетность возникла и исчезла у 16,7% слов, дублетность исчезла, появилась вновь и опять пропала в 1,4% случаев. Эти результаты позволяют утверждать, что динамика дублетности по данным словарей носит волнообразный характер с тенденцией к уменьшению акцентных вариантов.

И в заключение хочется привести слова Л. В. Щербы: «Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора» [Щерба 1974: 277].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Беришева О. Н. 2006 — *Реализация акцентных вариантов слов представителями разных профессий*. Санкт-Петербург. Курс. раб. (машинопись).
- Богданова Н. В. 2001 — *Живые фонетические процессы русской речи*. Санкт-Петербург.
- Богомазов Г. М. 2001 — *Современный русский литературный язык. Фонетика*. Москва.
- Бондарко Л. В. 1998 — *Фонетика современного русского языка*. Санкт-Петербург.
- Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. 2000 — *Орфоэтический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы*. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва.
- Буланин Л. Л. 1970 — *Фонетика современного русского языка*. Москва.

- Вавилина М. А. 2004 — *Тенденция развития акцентных вариантов в современном русском языке (на материале Орфографических словарей для школьников)*. Санкт-Петербург. Курс. раб. (машинопись).
- Вербицкая Л. А. 2001 — *Давайте говорить правильно*. Москва.
- Горбачевич К. С. 1978 — *Вариантность слова и языковая норма*. Ленинград.
- Горбачевич К. С. 1989 — *Нормы современного русского литературного языка*. Москва.
- Даль В. И. 1981 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. Москва.
- Зубкова Л. Г. 1984 — Морфемно-слоговая корреляция в акцентной структуре имени и глагола в русском языке. *Экспериментально-фонетический анализ речи*. Выпуск 1. Отв. ред. Л. В. Бондарко. Ленинград. С. 74–92.
- Иванова Т. Ф. 2006 — *Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы*. Москва.
- Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. 2006 — *Словарь трудностей русского произношения*. Москва.
- Касаткина Р. Ф. 1996 — Тенденция к смещению словесного ударения к началу слова. *Просодический строй русской речи*. Отв. ред. Т. М. Николаева. Москва. С. 60–69.
- Логинова И. М. 1992 — *Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение)*. Москва.
- Моисеев А. И. 1975 — *Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография*. Москва.
- Ушаков Д. Н., Крючков С. Е. 1952–2002 — *Орфографический словарь*. 8-е изд., 1952; 18-е изд., 1962; 27-е изд., 1972; 43-е изд., 1992; 45-е изд., 2002. Москва.
- Штерн А. С. 1988 — Некоторые статистические характеристики русской спонтанной речи. *Фонетика спонтанной речи*. Под ред. Н. Д. Светозаровой. Ленинград. С. 196–224.
- Щерба Л. В. 1974 — Опыт общей теории лексикографии. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград. С. 265–304.
- Щерба Л. В. 1974 — Очередные проблемы языковедения. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград. С. 39–59.

RÕHULISTE DUBLETTIDE VARIATIIVSUS VENE KEELES
DIAKROONSELT JA SÜNKROONSELT*Lidia Ignatkina*

Variatiivsus on iga keele eksisteerimise, arenemise ja funktsioneerimise kohustuslik tingimus. Variatiivsus on esindatud kõikidel keele tasanditel, sealhulgas ka foneetikas, aktsentuatsioonis. Rõhu variatiivsust soodustab selle vaba olemus ja liikuvus. Tavaliselt on vene keele sõnas vaid üks rõhk, kuid mõnikord kodifitseerivad kaks võrdväärset varianti. Rõhuliste dublettide näitel on võimalik jälgida sõnarõhu arengu retrospektiivi, hetkeseisukorda ja perspektiivi. See on oluline sõnaraamatute koostamisel, need soovivad sageli kasutada iganenud ja keelest kaduvat hääldusvarianti.

Seitsmekümne kahe rõhulise dubleti (pärinevad koolilastele mõeldud ortograafiasõnaraamatutest) analüüs näitas, et 50 aasta jooksul (1952–2002) on dublettide hulk vähenenud ja see kõigub 48–26 ühiku vahel. Rõhuvariantidel on kuut tüüpi dublette: 2–2 (säilimine: *одновре́менный*), 2–1 (kaotamine: *аге́нт*), 1–2 (tekkimine: *при́горшня* – *при́горшня*), 1–2–1 (*догово́р* – *до́говор* – *догово́р*), 2–1–2 (*ко́ллédж* – *ко́ллédж* – *ко́ллédж*) ja 2–1–2–1 (*деба́ркадёр*). Kõik tüübid on võimalik ühendada kolme gruppi: 58,4% kaduvad dubletid (2–1, 1–2–1, 2–1–2–1), 23,6% – säilivad dubletid (2–2, 2–1–2), 18% – tekkivad dubletid (1–2).

Nimisõnu on dublettide hulgas 55,7%, määrsõnu – 21,5%, omadussõnu – 11,4%, tegusõnu 8,9%, sidesõnu 2,5%. 54%-l (sagedamini nimi-sõnad) varieerub rõhk tüvesiseselt, 20%-l (sagedamini tegusõnad) – tüve ja järelliite vahel, 8%-l – tüve ja eesliite vahel, 5%-l – sõnalõpu ja tüve vahel, 8%-l – ees- ja järelliite vahel, 5%-l – järelliidete vahel. Suurem osa sõnu koosneb 2–3 silbist (vastavalt 35,9% ja 34,6%). Tavaliselt konkureerivad rõhuvariantid naabersilpides, harvemini mitte kõrvuti asuvates silpides. Rõhu dublettide kadumine toimub sagedamini progressiivse tüübi järgi: *экспе́рт* – *экспе́рт*.

Selleks, et mõista, kas kodifikatsioon vastab tegelikule hääldusele, lindistati 72 dubleti hääldamist ja paluti 10 humanitaarkallakuga ning 10 mitte-humanitaarkallakuga üliõpilasel panna nendele sõnadele rõhud. Selgus, et rõhu variatiivsus säilib vaid kaheteistkümne sõna puhul: *до́красна́, зна́харка, испо́днизу, ро́жéница, деба́ркадёр, де́вичий, ча́рдаи, каменно-у́гольный, твóрог, сы́гровка, си́дмá, бази́лика*. Sõnas *рожéница* on võimalik kolm rõhuvarianti, kõige sagedasem on mittekodifitseeritud rõhk esimesel silbil, kõige haruldasem – kolmandal silbil. Niisiis võib rääkida mitte ainult rõhulistest dublettidest, vaid isegi triplettidest.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД¹ В ЭСТОНИИ: ПРОБЛЕМЫ, ВАРИАТИВНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

К. КАРУ

И сказал Господь: вот, один народ,
и один у всех язык; <...>
сойдем же и смешаем там язык их, так
чтобы один не понимал речи другого.

Быт. 11: 6–7

Перевод — древнейший вид человеческой деятельности, истоки которого уходят в глубь веков. Устный перевод является формой языкового посредничества между представителями разных этнических групп. В таком виде (устный) перевод су-

¹ Термин *социальный перевод* нельзя считать общепринятым и устоявшимся. Не вдаваясь с проблемы терминологии, о которых см. статью Р. Э. Романчика в данном сборнике, мы будем понимать под *социальным переводом* вид перевода, который в англоязычной литературе принято называть *community interpreting*: «Community interpreting enables people who are not fluent speakers of the official language(s) of the country to communicate with the providers of public services so as to facilitate full and equal access to legal, health, education, government, and social services» [Carr et al. 1997]. Социальный перевод дает возможность людям, не владеющим официальным(и) языком / языками государства, общаться с представителями государственных служб и получать полный и равный доступ к правовым, медицинским, образовательным, социальным и государственным услугам (Перевод мой. — К. К.).

ществовал в течение тысячелетий. Переводчики играли важную роль и в военных походах, и в посредничестве торговых контактов, и в походах первооткрывателей. Как правило, подобное языковое посредничество осуществлялось либо вообще без оплаты, либо за очень скромное вознаграждение. Таким образом, можно сказать, что перевод издревле являлся само собой разумеющейся, даже тривиальной деятельностью в дву- или многоязычных сообществах. Во многом такая ситуация сохраняется и по сей день. Именно комбинация повседневной языковой деятельности и неоплачиваемого языкового посредничества, которая воспринимается членами данного сообщества как само собой разумеющаяся, и затрудняет становление профессии социального переводчика и выделение социального перевода в качестве самостоятельного подвида переводческой деятельности.

Вместе с тем глобальные миграционные процессы, будь то трудовая миграция, наплыв беженцев, вынужденных переселенцев или др., увеличили в современном мире необходимость в социальном переводе, затронув и те страны, в которых традиционно иммигрантам языковая помощь не предоставлялась.

Социальный перевод — это институциональный вид перевода, выполняющийся в условиях различных социальных институтов, например, в здравоохранительных, образовательных или юридических учреждениях и обеспечивающий лицам, не владеющим языком данного сообщества, доступ к различным видам социального обслуживания через переводчика. Такое определение социального перевода было принято на первой всемирной конференции, посвященной социальному переводу, проходившей в 1995 г. в Канаде [Carr et al. 1997]. Социальный перевод выполняется для нуждающегося в нем человека бесплатно, в этом заключается его отличие от коммерческих переводческих услуг. Финансирование осуществляется, как правило, из государственного бюджета или из средств местного самоуправления — в разных странах этот вопрос решается по-разному.

Объем услуг социального перевода в разных странах может варьироваться в значительной степени. Так, он тесно связан,

с одной стороны, с востребованностью такого вида услуг, с другой, — с наличием соответствующей законодательной базы и — как следствие — с наличием или отсутствием переводчиков, специализирующихся в сфере социального перевода. Иными словами: если в государстве существуют законы, гарантирующие «языковой доступ» (термин Ю. В. Сметаниной-Болдвин) к социальным услугам всех членов сообщества без исключения, то можно говорить о существовании социального перевода как (относительно) самостоятельного вида переводческой деятельности, если же соответствующих законов нет, то и услуги социального перевода не предоставляются, даже если в государстве временно или постоянно проживают лица в нем нуждающиеся.

В настоящее время в связи с активизацией миграционных процессов и глобализацией мирового сообщества расширяется национальный состав государств. Существуют различные международные конвенции, гарантирующие лицам, не владеющим языком большинства какого-либо государства, доступ к социальным услугам. К таким документам относятся, в частности, «Международная конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей», «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», «Европейская социальная хартия» и некоторые другие. Большинство современных государств соблюдает основные права человека, в числе которых можно отметить также равный доступ к социальным услугам в обществе — образованию, здравоохранению и правовой защите — вне зависимости от легального статуса лиц или владения / невладения государственным языком. Соответственно повышается и необходимость в социальном переводе и профессиональных социальных переводчиках.

В Эстонии существует практика социального перевода, однако нет ни системы подготовки, ни системы аттестации, ни профессионального объединения социальных переводчиков. Такая ситуация не уникальна. Данные литературы демонстрируют, что государства можно разделить в зависимости от предоставления или непредоставления в них услуг социального перевода. С этой точки зрения можно выделить страны, отри-

цающие существование социального перевода и проблем, связанных с этой областью, страны, предоставляющие услуги перевода *ad hoc*, ограничивающиеся общей языковой политикой, и страны, в которых существует налаженная система подготовки и аккредитации социальных переводчиков [Ozolins 2000: 21]. На этой шкале Эстония занимает среднюю позицию, так как, с одной стороны, например, в правовой сфере (в полиции, в суде) социальный перевод предоставляется лицам в нем нуждающимся регулярно, с другой стороны, в сфере медицины, которая тоже является одной из традиционных областей существования социального перевода, он либо не предоставляется вовсе, либо выполняется непрофессионалами. Если у медицинских учреждений возникает необходимость в переводчике, они обходятся собственными силами, находя человека, владеющего языком, среди собственного персонала, ограничиваясь, таким образом, неоплачиваемым переводом *ad hoc*. Более того, исходя из данных, представленных в работе [Remme 2010], можно сделать вывод, что многие государственные учреждения Эстонии не считают предоставление перевода лицу в нем нуждающемуся своей обязанностью. Этому способствует, во-первых, государственная интеграционная и языковая политика, во-вторых, сложившаяся традиция, в-третьих, законодательная база, в-четвертых, недостаток средств для оплаты услуг переводчика и, наконец, недостаток самих переводчиков.

Еще одной проблемой, связанной с предоставлением услуг социального переводчика, на которую также неоднократно обращалось внимание в литературе, является невозможность предсказать, какие языки будут востребованы в то или иное время в том или ином государстве. Это связано с тем, что наплыв беженцев бывает связан либо с политической нестабильностью, либо с природными катастрофами, в результате которых люди покидают свои дома и переселяются в другие регионы. Таким образом, становится очевидным, что любое государство, какими бы развитыми в нем ни были услуги социального перевода, может реагировать лишь на последствия политических и природных катаклизмов, а не превентивно. Тем не менее, в разных странах существует также более или

менее стабильный рынок услуг социального перевода. В мировом масштабе социальный перевод наиболее развит, в частности, в Швеции, Голландии, Австралии, Канаде, Великобритании и США.

При оценке обеспечения услуги социального перевода в каком-либо государстве следует учитывать, с одной стороны, международные конвенции, о которых было сказано выше, с другой стороны, — законодательную базу принимающего государства. К числу эстонских законов, регулирующих в числе прочего языковую поддержку, относятся следующие: «Закон о языке», «Уголовно-процессуальный кодекс», «Административно-процессуальный кодекс», «Гражданский процессуальный кодекс», «Закон о предоставлении международной защиты иностранцам» и «Закон о беженцах». В «Законе об иностранцах», регулирующем прибытие, нахождение на территории Эстонии, право на проживание и работу иностранных граждан, предоставление языковой поддержки отдельно не оговаривается, даются ссылки на перечисленные выше правовые акты.

Как следствие услуги социального перевода регулярно обеспечиваются лишь в правовой сфере. Так, в частности, в судах и в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии работают штатные переводчики, в число обязанностей которых входит обеспечение как устного, так и письменного перевода для лиц в нем нуждающихся. В сфере образования и здравоохранения этот вид социальных услуг в Эстонии не оказывается.

Согласно определению социальный перевод — это вид устного перевода. Поскольку в обязанности переводчиков, работающих в государственных учреждениях Эстонии, входит также выполнение письменных переводов, то можно сказать, что в Эстонии нет сформировавшейся профессии социального переводчика в классическом понимании. Таким образом, применительно к Эстонии можно говорить о специфической ситуации: круг обязанностей социального переводчика оказывается шире, чем в других странах мира, где подобный вид переводческих услуг предоставляется регулярно.

По данным исследования, проведенного среди переводчиков Департамента полиции и погранохраны Эстонии, 60% респондентов ответили, что в повседневной работе доля выполняемых ими устных и письменных переводов примерно равна, 34,3% выполняет преимущественно письменные переводы и лишь 5,7% ответили, что занимаются преимущественно устным переводом [Karu 2010].

Для того, чтобы профессия социального переводчика могла развиваться, необходимо соблюсти ряд условий. В числе прочего чрезвычайно важную роль играет осознание самими социальными переводчиками особенностей своей профессии. Многочисленные исследования, посвященные социальному переводу в разных странах мира, указывают на необходимость единогласия практиков в отношении своей роли переводчика и ее функций (см. об этом, например, [Mikkelson 1996]). Единогласие в отношении функций социального переводчика является, с моей точки зрения, чрезвычайно важным фактором, позволяющим создать правила поведения социальных переводчиков, действующих в разных сферах. Единые правила, которые можно было бы охарактеризовать как «надлежащую переводческую практику»¹, позволяли бы решить вопрос об адекватности и точности перевода, а следовательно, и вопрос о пределах вариативности выбираемых переводчиком языковых средств при передаче тех или иных смыслов.

Вопросы адекватности и точности перевода освещались в литературе по теории перевода и переводоведению многократно, и здесь я не буду останавливаться на тех или иных точках зрения на эти проблемы. В данном случае для нас важным оказывается то, как решение вопроса о **роли** социального

¹ В Швеции, например, где создана двухступенчатая система аккредитации социальных переводчиков, существует документ под названием *God tolksed*, представляющий собой свод правил, которыми социальный переводчик обязан руководствоваться в своей работе. Этот документ не имеет статуса закона, скорее это и есть надлежащая переводческая практика, зафиксированная письменно и имеющая общественное признание.

переводчика влияет на решение вопросов об адекватности и точности перевода.

В научной литературе по социальному переводу неоднократно обращалось внимание на то, что социальный переводчик нередко видится «адвокатом», «советником» или «культурным брокером» [Roberts 1994; Niska 2002; 2004], что принципиально отличается от более нейтральной роли конференц-переводчика. В литературе также часто отмечается, что требование точности и адекватности, предъявляемое к социальному переводу, выше аналогичного требования, предъявляемого к конференц-переводу (см., напр., [Hale 2007]). Так, например, Х. Ниска пишет, что в обязанности социального переводчика входит «ничего не утаивать, ничего не добавлять, ничего не менять» [Niska 2004: 24], в то время как конференц-переводчик имеет, например, право перефразировать или несколько сокращать исходный текст, сохраняя при этом все фрагменты информации.

В свете сказанного становится ясным, что от того, какие функции и роли переводчик берет на себя, зависит и оценка адекватности и точности перевода. В качестве иллюстрации приведем пример: на допросе полицейский следователь употребляет специфическую терминологию. Переводчик понимает, что допрашиваемый нуждается в пояснениях, чтобы коммуникация была успешна. Если он берет на себя роль, выходящую за рамки роли нейтрального «транслятора», он может разъяснить значение терминов. В таком случае как адекватный можно оценить перевод, в котором термины переведены не терминами, а разъяснено их значение; если же переводчик не выходит за рамки роли нейтрального «транслятора», то и выбор языковых средств будет другим. В данном примере оба способа перевода, как с использованием терминов, так и без, можно расценивать как адекватные, принимая во внимание роль переводчика в акте коммуникации. С другой стороны, очевидно, что если нет **общепринятых** (и зафиксированных) правил поведения переводчика, то каждый из них может расценивать свои функции по-разному, а это, в свою очередь, может вести к возникновению непонимания и даже конфликтов между уча-

стниками коммуникативной ситуации, в которой участвует переводчик. Поэтому выработка общих правил поведения социальных переводчиков была бы целесообразна и для Эстонии, тем более что в мире такой опыт уже накоплен.

Вместе с тем, если в стране услуги социального перевода предоставляются, то есть основания полагать, что сложилась и определенная, пусть даже неосознанная, традиция поведения переводчика в ситуации перевода и определенные представления о том, какие роли переводчики на себя берут. Кроме того, если говорить об Эстонии, то в нашей стране в ряде правовых актов закреплены обязанности переводчика. Так, например, в статье 161 ч. 6 Уголовно-процессуального кодекса Эстонии сказано, что «переводчик обязан переводить все касающееся производства полностью и точно» [KrMS]. Кроме того, у полицейских переводчиков существует инструкция, в которой оговариваются их права и обязанности, а также требования, предъявляемые собственно к переводу. По имеющимся у меня сведениям, для судебных переводчиков подобный документ не составлялся. Существование подобного документа должно было бы способствовать, с одной стороны, унифицированным стандартам перевода, с другой, — защищенности самих переводчиков. Однако каким бы курьезным это ни казалось, полицейские, работающие с переводчиками, в большинстве своем не знают о существовании этого документа. По данным исследования [Kagu 2010] лишь 5% полицейских знает о существовании письменно сформулированных правил, которыми должны в своей работе руководствоваться полицейские переводчики, 84% не знает, существует такой документ или нет, 11% уверены, что таких правил не существует.

Возможно, что роли и функции переводчика могут несколько варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, однако ясно, что положение, когда каждый переводчик решает самостоятельно, как ему вести себя в ситуации социального перевода, недопустима, поскольку в таком случае от каждого конкретного решения будет зависеть то, **что и как** переводчик будет переводить, и, соответственно, по-разному будет решаться вопрос о точности и адекватности перевода. Это,

в свою очередь, затрудняет оценку качества перевода из-за отсутствия четких критериев. Такая ситуация вредит не только лицам, нуждающимся в переводе, но и самим переводчикам, поскольку их права и обязанности оказываются определенными недостаточно четко.

В конце 2010 г. мною было проведено исследование среди переводчиков Департамента полиции и погранохраны и полицейских, работающих с переводчиком. Использовался метод анкетирования. Вопросники были размещены в Интернете и содержали, кроме вводной и заключительной частей, направленных на получение фоновой информации, основную часть, направленную на выяснение ролей переводчиков в рабочей ситуации. Таким образом, была получена картина того, как, с одной стороны, видят свои роли и функции полицейские переводчики, с другой — как представляют роль переводчика работающие с ними полицейские.

К сожалению, в данной статье нет возможности подробно останавливаться на описании этого исследования. Отмечу лишь, что предварительный анализ результатов показывает необходимость повышения информированности, в первую очередь, полицейских, а также и самих переводчиков о специфике социального перевода, ведущей к его успешности.

В данный момент в Центре перевода Тартуского университета ведется работа по разработке программы дополнительного обучения для практикующих социальных переводчиков. Существует также договоренность с Академией внутренней обороны Эстонии относительно сотрудничества с Тартуским университетом, в рамках которого предполагается создать курс для будущих полицейских, обучающий их работе с переводчиком. Проведенное в Департаменте полиции и погранохраны исследование является подготовительным этапом в разработке этих курсов. Автор статьи надеется приступить к реализации этих планов в следующем учебном году.

В будущем было бы целесообразно создать профессиональные стандарты и этический кодекс социальных переводчиков, информировать общественность и соответствующие государственные структуры о роли и обязанностях социаль-

ных переводчиков, а также добиваться того, чтобы эти услуги оказывали профессионалы, прошедшие соответствующую подготовку. Тартуский университет — единственный вуз Эстонии, где на специальности устного перевода есть курс социального перевода, знакомящий студентов с теорией и практикой этой области. Поэтому можно надеяться, что осознание важности социального перевода — дело времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Сметанина-Болдвин Ю. В. 2008 — Социальный перевод как зарождающееся направление в коммуникативной лингвистике — проблемы и опыт. *Мир перевода*. № 2 (20). С. 37–40.
- Carr et al. 1997 — Carr S., Roberts R., Dufour A., Steyn D. *The critical link: Interpreters in the community*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- God tolksed 2010 — *God tolksed*. Stockholm: Kammarkollegiet.
http://www.kammarkollegiet.se/files/tolkar_oversattare/god_tolksed.pdf (01.12.2010).
- Hale S. 2007 — *Community interpretnig*. Basingstoke: Palgrave Macmillian.
- Karu K. 2010 — Politseis töötavate tõlkide koolitusvajaduste uuring. Неопубликованные материалы исследования.
- KrMS — Kriminaalmeneltuse seadustik.
<https://www.riigiteataja.ee/akt/782861> (01.12.2010).
- Mikkelson H. 1996 — *The professionalization of community interpreting*.
<http://www.acebo.com/papers/profslzn.htm> (01.12.2010).
- Niska H. 2002 — Community interpreter training: Past, present, future. *Interpreting in 21st Century*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing. P. 133–144.
- Niska H. 2004 — *Community Interpreting in Sweden*. <http://www.fit-ift.org/cbi/download/sweden.pdf> (01.12.2010).
- Ozolins U. 2000 — Communication needs and interpreting in multilingual settings: the international spectrum of response. *The critical link 2: Interpreters in the community*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing. P. 21–33.
- Remme P. 2010 — *Kontakttõlke ja kontakttõlkide koolitamise vajadusest Eestis. Uurimus Eesti ametiasutustes aastal 2010*. Неопубликованная магистерская работа. Tartu.

Roberts R. 1994 — Community Interpreting Today and Tomorrow. *Proceedings of the 35th Annual Conference of the American Translators Association*. Medford, NJ: Learned Information. P. 127–138.

KONTAKTTÕLGE EESTIS:
PROBLEEMID, VARIATIIVSUS, ARENGUPRESPEKTIIVID

Katrin Karu

Kontakttõlge (i. k. *community interpreting*) on suulise tõlke liik, mis toimub ametiasutustes ning mille eesmärgiks on hõlbustada suhtlust ametniku ja asutuses viibija vahel, kes ei valda riigi ametlikku keelt, tagamaks viimasele juurdepääs õigus-, tervishoiu-, haridus-, sotsiaal- ja riiklikele teenustele. Artiklis vaadeldakse kontakttõlke olukorda Eestis, tuues võrdluseks teiste riikide vastavaid süsteeme. Eesti kontekstis toimub kontakttõlge peaaesjalikult õigustõlke kontekstis: tõlget tagatakse regulaarselt Politsei ja Piirivalveameti ja kohtute poolt. Teine üldtunnustatud kontakttõlke valdkond, tõlge meditsiinisfääris, on Eestis praktiliselt katmata. Kui nt haiglates tekib vajadus tõlke järele, otsitakse enamasti keegi personali hulgast, kes võtab enda kanda tõlgi kohustused. Selline olukord ei ole sugugi unikaalne, kuid vajaks sellegipoolest korrastamist. Vaadeldud on ka seda, kuidas tõlgi roll mõjutab tema tõlkeotsuseid. Artikli autor on läbi viinud uuringu PPA tõlkide ja tõlgiga töötavate menetlejate seas, mida võib pidada ettevalmistavaks etapiks ühest küljest hea tõlketava, teisest küljest Sisekaitseakadeemia üliõpilaste ja juba töötavate tõlkide koolituse ja täienduskoolituse väljatöötamiseks.

ВАРИАНТНАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛАТГАЛИИ

Е. Е. КОРОЛЁВА

В связи с задачами лексикографического описания диалектной лексики перед диалектологами всегда вставала проблема тождества и подобия слова, разрешалась она, как правило, эмпирически. Импульсом теоретических поисков, предпринятых диалектологами в этом направлении, послужила дискуссия о тождестве и подобии слова, начатая А. И. Смирницким на материале английского языка и вовлекшая в свою орбиту всех российских языковедов того времени [Смирницкий 1952: 182–203; Смирницкий 1954: 3–49]. На современном этапе развития диалектная вариантология стала шире проблем тождества слова. З. М. Богословская справедливо считает, что «изначально типологический и лексикографический аспекты были ведущими направлениями диалектной вариантологии русского языка» [Богословская 2009: 26], но на современном этапе развития диалектологии при изучении вариантов диалектного слова необходимо уже решение целого комплекса проблем, таких, например, как «варьирование слова как отражение истории языка, варьирование слова как социолингвистическая переменная, распределение и функционирование вариантов слова в диалектной речи, лексикографическая объективация вариантных единиц, конкурирующих в одном узусе, и др.» [там же]. Проблемы вариантности в диалектной фразеологии так же, как и в лексикологии, первоначально возникли в связи с лексикографической обработкой собранного в полевых ус-

ловиях материала. Не является исключением в этом отношении и мой материал. Я готовлю к изданию «Словарь русской фразеологии и устойчивых словосочетаний Латгалии» на основе собранного мною в Латгалии в полевых условиях в течение 30 лет диалектного материала, который постоянно пополняется. В результате в моем распоряжении оказался большой по объему материал, который позволяет продемонстрировать особенности диалектной вариантной фразеологии. Следует отметить, что все перечисленные З. М. Богословской проблемы варьирования диалектной лексики актуальны и для диалектных вариантов в сфере фразеологии. Известно, что ФЕ (фразеологические единицы) обладают воспроизводимостью, постоянством состава, непроницаемостью, устойчивостью грамматического строения, строго закрепленным порядком слов. Такие условия функционирования ФЕ в литературном языке исключают вопрос о варьировании фразеологизма в книжном языке. Понятие фразеологизма оказывается несовместимым с варьированием. Собранный мною в полевых условиях диалектный материал показывает, что в устной речи ФЕ могут подвергаться различным изменениям, возможным именно в связи с отсутствием в них строгой кодификации, связаны они и с повышенной экспрессивностью разговорной речи, и с установкой говорящего на языковую игру. В центре моего внимания оказываются как языковые, так и речевые фразеологические варианты. При этом ФЕ в одних случаях не перестают быть идиомами, а в других — отрываются от исходных протофразеологизмов. Принцип неизменности формы фразеологизма, релевантный для литературного языка, в диалектном языке явно не соблюдается в силу специфики устной коммуникации или носит совсем другой характер, впрочем, так же, судя по всему, как и в разговорной разновидности литературного языка. Свобода от всякого рода сдерживающих факторов со стороны нормы в устных формах коммуникации приводит к наличию огромного количества вариантов на всех языковых уровнях диалектной системы, в том числе и в сфере диалектной фразеологии. Это языковая универсалия устной речи, проявляющаяся особым образом и в сфере диалектной

фразеологии. Характер речевого варьирования диалектной фразеологии в одной системе является центром нашего внимания и изучения. В работе анализируются по преимуществу говоры старообрядческого населения Латгалии (юго-восточная часть Латвии), проживающего на этой территории с XVII века. Латгалия понимается в старых границах, то есть в работу включен материал, записанный мною в Пыталовском районе Псковской области [ДСОС 1–2: 2000]. Эта территория в период Первой Латвийской республики с 1918 по 1940 годы входила в состав Латвии и называлась Яунлатгале (Новая Латгалия).

Фразеологическими вариантами мы считаем такие ФЕ, которые обладают семантическим тождеством и структурным единством, но имеют различия в фонемном составе корневых морфем, грамматике, словообразовательных морфемах и лексическом составе при замене их лексическими дублетами и парафразами. Следует помнить, что все рассмотренные ФЕ являются репрезентантами одного инварианта. Таким протофразеологизмом диалектного ФО (фразеологического оборота) может являться ФЕ, принадлежащая системе русского литературного языка, если фразеологизм заимствован из литературного языка, а также ФЕ из общенационального языка, праславянский ФО, ФО латышского, латгальского, белорусского, польского, литовского языков, если ФЕ заимствована из соседних языков (наши говоры являются островными). В рамках данной статьи мы не рассматриваем этот материал. Кроме того, ФЕ может быть заимствована из различных социальных страт, ведь диалекты — это гетерогенная языковая система, открытая для взаимодействия. Таким образом, представленный материал демонстрирует характер языковой трансформации генетически прототипического фразеологизма в современном говоре или шире — региолекте. Вариативность может создаваться в результате трансформации, расширения и сужения состава ФЕ. Рассмотрим сначала фонетические, грамматические, словообразовательные и лексические трансформации разговорных фразеологизмов.

Фонетические трансформации

Брать на арапа / взять на рапа ‘действуя обманным путем, прибегая к различным уловкам, добиваться чего-л. от кого-л’. Заметим, кстати, что в говорах старообрядцев мячик для игры в лапту назывался *арап* или *рап*. Таким образом, утрата начального гласного [а] в этой лексеме является для говора закономерной. Однако получившийся в результате фонетической трансформации вариант является мотивированным только для носителя говора при наличии исходной ФЕ, в случае ее утраты мотивация будет затемнена, ФЕ «оторвется» от своего прототипа. Для людей, не связанных с данным говором, ФЕ является не мотивированной.

В беду ввести / в бету ввести ‘довести до беды’. В данном случае наблюдается фонологизация слабого варианта фонемы. Эта фонетическая закономерность широко распространена в современных говорах Латгалии. Как и в предыдущем случае, вариант не мотивирован для всех «посторонних» и мотивирован для носителей говора.

Гипокористики, входящие в состав ФЕ, также могут варьироваться. Впрочем, их следует отнести к словообразовательным вариантам, а точнее, здесь идет совмещение фонетического и словообразовательного варьирования. *Митькой звали / Минкой звали / И Минькой звали* ‘бесследно исчез’. *Митькой звали — след пропал!* (Млт.). *Все меня ищут, всем я нужна, а меня минкой звали!* (Пыт.) [ДСОС, 1: 121]. *А его и минькой звали, дожидай ты его!* (Пыт.). Вариант *Минкой звали*, по-видимому, следует считать результатом фонологизации слабой фонемы по линии твердости-мягкости. Все варианты являются немотивированными единицами, связь с исходным именем Дмитрий не проясняет значения ФЕ и не делает фразеологизм мотивированным.

Ухом не вести / вухом не вести ‘не обращать внимания на замечания, напоминания, нравоучения, просьбы’. В данном случае нас интересует протеза начального согласного [в] перед начальным лабиализированным гласным. Это архаическая диалектная особенность говоров старообрядцев Латгалии, спо-

радикально встречающаяся до сих пор в речи старшего поколения старообрядцев.

Борони Бог! / Брани Бог! / Брани Боже! / Бронь Боже! Межд. 'Упаси Бог!' В данном случае представлены рефлексy сочетаний гласных с плавными в русской огласовке, церковнославянской огласовке и западнославянской огласовке: *бронь Боже* может считаться полонизмом. Поскольку Латгалия входила в состав государства, называемого по-польски Инфлянты польские (1629–1772), то следов древнего польского влияния в современных говорах старообрядцев Латгалии наблюдается достаточно много.

Богородицкая травка / бугуродицкая травка 'лекарственное растение чабрец'. Звук [г] в церковнославянских корнях был фрикативным по способу образования, в русском литературном языке такое произношение лексемы *Бог* сохраняется до сих пор. В диалектном произношении *Бугуродица* фрикативное [г] появляется непосредственно под влиянием церковного произношения, а [у] в безударных слогах объясняется тем, что акальщики-старообрядцы так передают оказующее церковное произношение в бытовой речи. Возможно и другое объяснение появления такого произношения. Можно видеть в этом произношении отражение польского влияния, столь частое в говорах старообрядцев Латгалии. Поскольку в слове *Бог* и в слове *Богородица* в польском языке в корне произносится [у], то второе [у] может быть объяснено межслоговой прогрессивной ассимиляцией.

Если фразеологизм является двухкомпонентным, то варьироваться могут сразу оба компонента: *В землю / в зень биться, кланяться, молиться, поклон класть* 'о земных поклонах'. Первый компонент отражает историю фонетического преобразования этого корня в архаических русских говорах: *зень*, согласно Р. Ф. Брандту, сохраняет древнюю огласовку основы, это существительное относилось к склонению на согласный *n; кроме того, диалектное *зень, назень* могло возникнуть также в результате ассимиляции из *наземь* [Фасмер, 2: 93].

Всем миром / Всим миром 'все вместе, сообща'. В данном случае отражается рефлекс фонемы ять. Такое изменение ять

в изучаемых говорах представлено в некоторых грамматических формах, в частности, в парадигме множественного числа местоимения *весь*: *вси, всим, всих*.

Слини со́ рту / Слюни со́ рту ‘о еде, вид которой возбуждает сильный аппетит’. *Слина* отмечается в древнерусском языке [СРЯ, 25: 87], современное *слюна* — инновация, фиксируемая словарем с начала XVIII века [СРЯ, 25: 151].

Языком полахать / Языком поляхатъ ‘поболтать, поговорить’. Ну, приходите чащей в гости, полахаем языком, всё ж легче! (Чрв.). Поляхаешь языком, всё же легче (Згмн.). В «Словаре русского языка XI–XVII в.» отмечаются колебания в употреблении твердого и мягкого [л] в одних и тех же лексемах: *лядунка-ладунка, ляка-лака* [СРЯ, 8: 350].

Дрожь по костям / Дроць по костям ‘об ознобе, вызванном чувством страха’. Особая фонетическая субституция на какой-нибудь мотивационной или этимологической почве. В древнерусском языке зафиксирована форма *дрождь* в значении ‘озноб’ [СРЯ, 4: 359]. Вероятно, здесь сказывается влияние книжного языка на речь староверов.

Как видим, появление вариантов связано с фонетическими особенностями говоров, представляющих в совокупности систему систем, и с особым отражением исторического наследия.

Грамматические трансформации

Компоненты, входящие в состав ФЕ, могут отличаться грамматическими формами, связанными со словоизменением и формообразованием. Например, существительные в составе фразеологизма могут употребляться в единственном и во множественном числе. В форме множественного числа могут употребляться парные существительные. Форма множественного числа существительных может быть использована при обозначении двух субъектов или интерсубъектных действий, а также в случае выражения числовой формой обобщенного значения: *дурака валять / дураков валять* ‘бездельничать’ (о многих людях), *в охапку схватить / в охапки схватить* ‘обнять’ (взаимное действие), *в ухе звенит / в ушах звенит* ‘слы-

шаться, вспоминаться', *грибу надуть / грибы надуть* 'надуть губы, будучи рассерженным', *положить на себя руки / положить на себя руку* 'покончить жизнь самоубийством, наложить на себя руки' (парные органы), *завидка берёт / завидки берут* 'о чувстве зависти' (объектом зависти может являться одновременно множество факторов), *бобушкой склёванный / бобушкам склёванный* 'о человеке, лицо которого повреждено оспой' (идея множественности оспинок). *Он бобушкой склёванный* (Сбт.). *Не прививали бобушки, лицо всё было склёванное бобушкам, он носил бороду, борода такая красивая, скрывал эти бобушки* (Снж.). Как видим, использование форм множественного числа постоянно связывается с идеей реальной множественности.

С опорным существительным общего рода согласуемые формы могут употребляться в женском и мужском роде: *казанской сиротой / казанским сиротой* 'бедным, несчастным человеком'. *Казанской сиротой прикинулся* (Млт.). *Как можно быть таким патриотом, а потом обернуться казанским сиротой?* (Млт.). Эти варианты зафиксированы в речи одного носителя говора. Варианты могут быть вызваны колебаниями в родовой принадлежности слова в диалектах, что наиболее наглядно проявляется у существительных среднего рода. Как известно, в говорах существительные среднего рода обнаруживают неустойчивость и тенденцию к утрате. Существительные среднего рода в говорах латгальских староверов могут употребляться в женском или мужском роде: *кадило раздуть / кадилу раздуть* 'дать повод для сплетен'.

Вариантным может быть падежное окончание родительного падежа первого субстантивного склонения *-а* или *-у*: *с виру с болоту / с виру с болота* 'неизвестно откуда (о человеке)'. *Приехали с виру с болоту* (Дгв.). *С виру с болота тоже не хотелось брать кумовых* (Пыт.). *Край белого света / край белого свету* 'на край света, в дальние края'. Окончание именительного падежа множественного числа *-ы* или *-а*. В говорах старообрядцев распространено в этой форме окончание *-ы*: *в глаза говорить / в глаза говорить* 'говорить всё прямо, открыто, без обиняков'. *Своей смертью умереть / своей смертей уме-*

реть ‘умереть ненасильственной смертью, умереть от старости’. В данном случае представлено типичное для говоров влияние 1 продуктивного склонения на 3 непродуктивное.

Грамматическое варьирование может быть основано на возможности употребления одного и того же предлога с разными падежными формами. Например, предлог *за* употребляется в литературном языке и в говорах как с винительным, так и с творительным падежом: *за один помах / за одним помахом* ‘за один раз’. *Десять человек немцы расстреляли, и за один помах их!* (Млт.). *Надо всё делать за одним помахом* (Пыт.).

Варианты могут создаваться путем использования конструкций с предлогом и без предлога: *сами с собой / сами собой* ‘отдельно, сами по себе, самостоятельно’.

Грамматические варианты создаются и в результате использования в составе некоторых фразеологизмов как глаголов совершенного вида, так и глаголов несовершенного вида. При этом для выражения значения законченного действия могут быть использованы различные приставки: *в-, по-, про-*: *память терять / память втерять / память потерять* ‘совсем ничего не помнить’; *проповедь петь / проповедь пропеть* ‘сделать выговор’.

Грамматические варианты могут создаваться и за счет варьирования инфинитивных аффиксов: *с кожи вылезти / с кожи вылезть* ‘прикладывать неимоверные усилия, стараясь любой ценой достичь своей цели’.

Создаются грамматические варианты и за счет варьирования суффиксов *-ыва/-а; -ива/-е*: *с-за угла выглядывать / с-за угла выглядать* ‘шпионить, подглядывать’, *с лица высматривать / с лица высмотреть* ‘выглядеть’.

Некоторые ФЕ имеют отрицательные модификаты: *глазам моргать / глазам не моргать* ‘краснеть, испытывать чувство стыда’. *За этого, который мне по руке саданул, я пойду моргать глазами* (Дгв.). *Врёт в глаза и всё и вот не моргает глазам!* (Млт.).

Словообразовательная трансформация

Компоненты варьируемых ФЕ могут отличаться словообразовательными аффиксами. Варьирование конкурирующих словообразовательных аффиксов может происходить во всех частях речи.

Суффиксы прилагательных

Суффиксы *-ск, -й*: *бабское лето* / *бабье лето*.

Суффиксы *-ев, -яц, -яч*: *Шей да пори — не будет гулевой поры* / *Шей да пори — не будет гулящей поры* / *Шей да пори — не будет гулячей поры*.

Суффиксы *-н, -уц, -лив*: *глазы завидные* / *глазы завидущие* / *глазы завистливые* ‘о завистливом человеке’.

Суффиксы *-к, -юч*: *дед колкий* / *дед колючий* ‘чертополох’.

Суффиксы существительных

Суффикс *-ин*: *в дым напиться* / *в дымину напиться* ‘дойти до состояния сильного алкогольного опьянения’.

Суффикс *-к*: *охотку согнать* / *охоту согнать* ‘поесть с аппетитом, удовлетворить желание, перестать хотеть есть’.

Суффиксы *-к, -ий, -н*: *завидка берёт* / *завистия берёт* / *зависть берёт* / *завистня берёт* ‘возникает чувство зависти’.

В некоторых случаях вариативность отражает стремление к половой дифференциации лиц, по отношению к которым употребляется тот или иной фразеологизм, то есть наблюдается «давление действительности» (Н. Д. Арутюнова): *голый как сокол* / *голая как соколінка*.

Наречные суффиксы

Гульма гулять / *гульмы гулять* / *гульму гулять* ‘работать не в полную силу, быть освобожденным от работы, совсем ничего не делать’.

Глагольные суффиксы

Суффикс *-ся*: *с крові сойти* / *с крові сойтись*; / *с крові сходить* / *с крові сходитьсь*; *с крови стечь* / *с крови стечься* ‘потерять много крови’.

Глагольные приставки

Приставка *с-*: *с ума стронуться* / *с ума тронуться* ‘сойти с ума’. Особенностью глагольного управления является повторяемость предлога в приставке.

Приставки *за-*, *на-*: *бельмы залить* / *бельмы налить* ‘дойти до состояния сильного алкогольного опьянения’.

Приставка *за-* в начинательном значении: *с ума сходить* / *с ума засходить* ‘о сильном волнении, переживании, беспокойстве’.

Приставки *в-*, *вы-*, создающие обычно омонимичные глагольные формы, не приводят к изменению значения вариантов: *в трубу влететь* / *в трубу вылететь* ‘полностью разориться’.

Приставки *от-*, *с-*: *грехи отдавать* / *грехи сдавать* ‘исповедываться’.

Субстантивные приставки

Приставка *о-*: *все хулки сваливать* / *все охулки сваливать* ‘обвинять во всех смертных грехах’.

Лексические трансформации

Лексические компоненты ФЕ могут быть заменены один на другой. Лексические замены являются пределом варьирования ФЕ. Вариантными такие ФЕ могут быть признаны только в инвариантном смысле. Как правило, замены происходят внутри синонимических рядов, или варьируемые слова могут быть связаны между собой по ассоциации на основе метафорических и метонимических замен. Таким образом, варьируемые компоненты не выходят за пределы понятийного поля протолексемы и не нарушают присущей ей образности.

Вполне возможно, что по фонетическим причинам происходит подстановка существительного во фразеологизме *попала шлея под хвост*, имеющем в просторечии вариант *попала вожжа под хвост*, который, видимо, по фонетическим причинам в говоре трансформируется во *вша под хвост* ‘о капризном, взбалмошном поведении’: *Ну, если ему вша под хвост — всё* (Дгв.).

Бобушкам склёванный / бобушкам скóванный ‘о лице, поврежденном оспой’. В данном случае устная передача фразеологизма, а для разговорной речи «недослышки» обычное явление, приводит к изменению внутренней формы ФЕ.

В воду макать / в воду тискать / в воду пихать ‘крестить в староверческую веру, погружая крещаемого три раза с головой в купель с водой’. У староверов используется во время крещения исключительно погружательное крещение, поэтому, вероятно, глагольное управление не подвергается варьированию, оно как раз лучше всего и отражает особенность такого крещения, варьирующиеся глаголы демонстрируют весь спектр коннотаций, связанных с обрядом крещения.

Глазы навyleт залетели / глазы навьeкат залетели ‘о сильной степени удивления’. В данном случае наблюдается один принцип мотивации варьирующихся наречий, они принадлежат к одному словообразовательному типу.

Дрожь по костям / дрожь по телу / дрожь по шкуры ‘об ознобе, вызванном чувством страха’. В данном случае наблюдается противопоставление варьируемых лексем с соматическим значением по признаку ‘внутренний’ – ‘внешний’, ‘частный’ – ‘общий’ на основе метонимического переноса.

Носить дым коромыслом / носить дым вёдрами ‘о плохой тяге в печной трубе, когда дым идет в избу’. ФЕ наглядно демонстрирует тип народной образности, развитие семантики варьируемых существительных, связанных по смежности, идет по линии нарастания интенсивности.

Все капли сложены / все крошечки собрано ‘очень похож’. Варьируются одновременно и синонимы-существительные, и синонимы-причастия, при этом у причастий варьированию подвергается и грамматическая форма: наблюдается согласование во множественном числе в первом случае и использование несогласуемой формы среднего рода во втором.

Аршин с кепкой / аршин с шапкой / аршин с четвертью ‘о человеке маленького роста’. В данном случае *кепка и шапка* — слова одной тематической группы. Поскольку структура ФЕ использует синтаксему со значением ‘дополнительно с чем-н.’, *четверть* как обозначение небольшой меры длины

органично вписывается в синонимический ряд варьируемых во ФО синтаксем в форме творительного падежа.

Кол углов ходить / кругом углов ходить / позауго́лью ходить ‘бездельничать, бесцельно слоняться, ничего не делая’.

Ноги бить / лапти разбивать / сапоги разбивать ‘напрасно ходить куда-л.’ В данном случае происходит метонимическая замена существительных в составе фразеологических вариантов.

В некоторых случаях синонимические ряды отражают народную картину мира, так в ряды медиаторов, посредников между тем и этим светом, которые могут предсказывать будущее, попадают не только люди, занимающиеся ворожбой, но и церковнослужители. Староверы, проживающие на территории Латгалии, относятся к беспоповцам, то есть они не признают священства, поэтому поп принадлежит к категории чужих, и в этом смысле вполне естественно попадает в эту «компанию». Последний фразеологизм как бы подводит итог всем вариантам, представляя собой итог, обобщение, и может быть отнесен к фразеологизму только на фоне всех остальных вариантов.

К бабке не ходи / к бабушке не ходи / тут и к гада́лке не ходи́ / тут и к попу́ ходи́ть не на́до / и к попу́ не ходи́ / и к цыга́нке ходи́ть не на́до / никуда́ не ходи́ ‘и так всё ясно, понятно, гадать и предсказывать будущее у гадалки или цыганки нет необходимости’.

Может наблюдаться и стремление приспособить незнакомые реалии к своей местности: *разбираться, как свинья в апельсинах* зафиксировано в форме *разбираться, как свинья в яблоках*.

Синонимическая замена элементов в составе ФЕ может осуществляться и в идиостиле. *Как коло Христа небесного ходить / как коло Бога ходить* ‘особо почитать, любить, уважать, ухаживать, окружать заботой’. Ну, она коло его ходила, эта Наденька, уже как коло Христа небесного (Снж.). Как выпьет, тада уже ты ходи, как коло Бога какого: тебя же я приняла, накормила, спать уложила, зачем ты братьев моих поминаешь? (Снж.).

Расширение состава фразеологизма

ФЕ могут быть синтаксически трансформированы, в их состав могут быть или введены, или исключены какие-то компоненты. Введение определений, приводящее к приименной модификации, отмечается исследователями в газетно-публицистическом стиле русского языка, а также в немецком и английском языках [Дронов 2010]. Языковой универсалией является введение в состав идиом притяжательных, определительных и указательных местоимений [там же: 18–19]. Кроме того, в наших говорах встречается введение неопределенных местоимений. Притяжательные местоимения сосредотачивают внимание на субъектной сфере, связывают ФО с личной сферой говорящего: *волю взять / свою волю взять* ‘сделать по-своему’; *зажать язык / свой язык зажать* ‘молчать, не проговориться’; *палец всунуть / всунуть свой палец* ‘починить, устранить неисправность’; *языком намолоть / своим языком намолоть* ‘наболтать чепухи (о пустой болтовне)’; *карманы набить / свои карманы набить* ‘обогащаться за чужой счет’; *тянуть ляжку / свою ляжку тянуть* ‘исполнять свой долг, нести свой крест’; *на чьей-л. холке быть* ‘быть на чьем-л. иждивении’: *Мне эти иждивенцы всё помогали, на моей холке были* (Млт.). *Со всех сил стараться / со всех моих сил стараться* ‘стараться из всех сил’: *Буду стараться со всех моих сил* (Дгв.).

Определительные местоимения являются кванторами и служат дополнительным средством создания экспрессии: *земля вертится / вся земля вертится* ‘о головокружении’; указательные местоимения служат интенсификаторами: *попасть в просак / попасть в такой просак* ‘попасть в неудобное, неловкое положение’; *панику поднимать / такую панику поднимать* ‘заставлять паниковать напрасно’; *смех берёт / такой смех берёт*; *палка о двух концах / такая палка о двух концах*. В этой же роли может использоваться и местоименное наречие: *пороги обивши / столько обить порогов* ‘многократными визитами и неотступными просьбами добиться у начальства решения своей проблемы’. Введение неопределенных местоимений может придавать ФЕ негативный оттенок: *как выпьет*,

тада уже ты ходи, как коло Бога **какого** (Снж.); Надела как андарак какой, каб яну беси, с мальцам гулять пошла, а надела как андарак **какой** — *страмота!* (Прл.) [Синица 1977: 14–15].

В качестве средства создания экспрессии используется введение в состав ФЕ прилагательных-интенсификаторов: *от души* / *от **чистой** души* ‘от всего сердца, не жалея’, *свалить дурака* / *свалить дурака **большого***, *дать жару* / *дать жару **хорошего***, *сказать спасибо* / *спасиба **хорошего*** не сказать, *в копейку выйти* / *в **добрую** копейку вылететь*, как дурак / как **последний** дурак. Здесь используются «прилагательные с широким значением, способные интенсифицировать значение идиомы» [Дронов 2010: 8].

В некоторых случаях с целью повышения экспрессивности ФО отмечается введение компонентов, рифмующихся с конечным словом ФЕ, эта особенность характеризует также арго и жаргоны. Некоторые фразеологизмы значительно трансформируются, попадая из книжного литературного языка в диалектный язык. Это может быть вызвано непониманием значения каких-то слов и стремлением сделать немотивированные слова фразеологизмов мотивированными. Например, диалектный фразеологизм *ненавидеть всеми жабрами* в соответствии с литературным *ненавидеть всеми фибрами души* закрепился в диалектном языке староверов Латгалии именно в таком виде или в варианте, включающем в свой состав для усиления экспрессии рифму *ненавидеть всеми жабрами-вобрами*.

Указанное явление характерно для фразеологизмов, отличающихся высокой частотностью употребления, и объясняется, на наш взгляд, стремлением освежить фразеологизм со стершейся образностью введением дополнительных образов. Так, *труба* в значении ‘конец’, появившаяся на основе фразеологизма *вылететь в трубу*, приобретает вид стандартного фразеологизма *труба с дымом*, а *выголить глаза* ‘вытаращить глаза’ в расширенном варианте приобретает форму *выголить глаза колесом*; *наболтать* / *набрехать* / *намолоть мех и торбу* ‘много рассказать’ имеет расширенный вариант *наболтать мех и торбу и маленький мешечек*.

В результате аттракции на базе приведенного *мех и торбу наговорить* возникает фразеологизм *и в меху и в торбе пожить* ‘по-разному пожить на протяжении жизни: в достатке и в стесненных материальных обстоятельствах’. Собственно, это, по сути дела, прием языковой игры, столь характерный для разговорной речи. По принципу языковой аттракции на базе рассмотренного фразеологизма *наговорить мех и торбу* создается еще один фразеологизм с такой же семантикой: *набрехать и избу и байню*.

Другой пример действия аттракции: по аналогии с моделью *вылезти сухим из воды* построены фразеологизмы: *с грязі сухим вылезти / с грязі чистым вылезти* ‘выйти сухим из воды’, при этом адъектив *чистым* во ФЕ эксплицирует внутреннее содержание ФЕ, переводя конкретное содержание в сферу моральной чистоты.

На основе образа манны небесной по ассоциации с литературным *ждать как манны небесной* возникает целая серия фразеологизмов. Заметим, кстати, что библейская манна — «это пища, которую Бог каждое утро посылал евреям в пустыне, когда они шли в землю обетованную. Это семена какого-то растения, которые очень легки и переносятся на большие расстояния. Кочевники собирают эти семена, делают из них муку и пекут хлеб» [Фелицына, Мокиенко 2005: 191]. При переосмыслении манны небесной как манной крупы, в результате словообразовательного процесса универбации происходит трансформация словосочетания в однословное наименование *манночка*, при этом *манночка* может оказаться в пресуппозиции и утратиться: *с неба манночка навалится / с неба манночка повалится / с неба манночка посыпется / с неба сыпется*. Последний фразеологизм служит как бы заключительным аккордом всего ряда. Однако по этой модели уже в речи молодежи появляется инновация *гороховая каша с неба посыпалась* (Дгв.).

Как видим, в данной сфере варьирование ФО отражает прагматику говорящего и его стремление «самовыразиться», используя языковую игру.

Редукция лексических компонентов фразеологизмов

И последнее явление, приводящее к появлению вариантов, представляет собой действие противоположной тенденции, тенденции к сокращению ФЕ. Данное явление также находится в русле тех трансформаций, которые обусловлены устным характером диалектного высказывания, они являются отражением действия тенденции к экономии речевых усилий.

Фразеологизм *сарафанное радио* в наших говорах функционирует в виде *сарафанное бюро* или в результате утраты второго компонента принимает вид однословной единицы *сарафанное*, которую, несмотря на однословный характер, следует признать фразеологизмом, поскольку она сохраняет идиоматичность и нагруженность смыслами исходного варианта. Ср.: *всех под одну расчёску расчесать* / *всех под одну расчёску* 'ко всем подойти с одной меркой'; *все крошечки собрать* / *все крошки* 'о похожих на лицо родственниках'; *искры с глаз сыпались* / *искры с глаз* 'о сильной боли'.

Выводы

Представленные варианты являются таковыми только в инвариантном смысле. Как варианты лексикографически описываются только фонетические и грамматические трансформации, а также результаты адъективного расширения и редукции ФО.

Широкая вариативность, присущая фразеологизмам в говорах, отражает стремление к сохранению образности, поэтому в большей степени варьированию подлежат грамматические средства, а лексические сохраняются в том случае, если именно на них основывается образность, в случае субституции они заменяются синонимами и дублетами, не изменяющими характер присущей данной ФЕ образности. Существенно и то, что диалектный язык представляет собой пробное поле, где проявляются в полной мере творческие способности говорящей личности, ведь давно известно, что говорение — это непрерывное творчество.

Варьирование связано с приспособлением заимствования к диалектной среде, в которой оно получает распространение,

поэтому на характере варьирования диалектной фразеологии сказываются диалектные особенности говоров. Решающую роль играет при этом устная форма диалектной коммуникации, в которой действуют противоположные тенденции, связанные, с одной стороны, с расширением фразеологизма и, с другой стороны, с редукцией его лексического состава, а также разного рода трансформации, касающиеся преобразования фонемного состава корня, словообразовательных, формообразующих и словоизменительных морфем. Редукция ФЕ возможна в связи с опорой на конситуацию, на протофразеологизм, связана с наличием у говорящего и слушающего общих пресуппозиций и вызвана стремлением к экономии речевых усилий. Расширение фразеологизма обусловлено стремлением к экспрессивности или созданию отрицательной коннотации. Паронимическая аттракция используется в качестве приема языковой игры практически во всех сферах и отражает креативные способности говорящей личности и прагматику говорящего. Вместе с тем аттракция отражает, на мой взгляд, характер устного бытования ФЕ, стремящейся сохранить образность исходного варианта ФЕ, от которого происходит отталкивание. Таким образом, представленный материал, наглядно показывающий употребление ФЕ в устной речи, демонстрирует характер варьирования диалектных фразеологизмов, обусловленных историческим развитием языка, «давлением действительности», усвоением заимствованной фразеологии и ее адаптацией в говорах и идиолекте, устной формой существования диалектов, творческим отношением говорящей личности к своей речи.

МЕСТА ЗАПИСИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Даугавпилсский р-н: Даугавпилс (Дгв.); Суботе (Сбт.); Червонка (Чрв.); **Краславский р-н:** Зигманы (Згм.); **Прейльский р-н:** Прейли (Прл.), Санаужи (Снж.); **Резекненский р-н:** Малта (Млт.); **Псковская обл., Пыталовский р-н:** Пыталово (Птл.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Богословская З. М. 2009 — Диалектная вариантология русского языка: основные этапы и направления развития. *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009 г.* Москва. С. 25–26.
- Дронов П. С. 2010 — Ввод адъективного определения в структуру идиомы: о семантической обусловленности лексико-синтаксических модификаций идиом (на материале русского, английского и немецкого языков). АКД. Москва.
- ДСОС — Королёва Е. Е. *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Ч. 1–2. ДПУ. Даугавпилс, 2000.
- Синица А. И. 1977 — *Лексика русских говоров Латвийской ССР (к вопросу о лингвогеографическом изучении диалектной лексики)*. Даугавпилс.
- Смирницкий А. И. 1952 — К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). *Вопросы теории и истории языка*. Москва. С. 182–203.
- Смирницкий А. И. 1954 — К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»). *Труды института языкознания АН СССР*. Т. 4. Москва. С. 3–49.
- СРЯ — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва, Т. 4 — 1977; Т. 8 — 1981; Т. 25 — 2000.
- Фелицына В. П., Мокиенко В. М. 2005 — *Фразеологический словарь для школьников*. Санкт-Петербург.
- Фасмер М. 1986 — *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. Москва.

LATGALE MURDE FRASEOLOOGIA VARIATIIVSUSEST

Jelena Koroljova

Artiklis vaadeldakse suure hulga murdematerjali põhjal, mille autor on kogunud 30 aasta jooksul Latgales (Kagu-Läti ja Pihkva oblasti Põtalovo rajoon), fraseologismide varieerumise iseloomu ning variandi suhet geneetilise invariandiga. Fraseologismid on enamjaolt salvestatud vanaauslistelt. Artiklis vaadeldakse idioomide transformeerumist (foneetiline,

grammatiline, sõnamoodustuslik, leksikaalne muutumine), idioomide laiendamist adjektiivsete nimisõnaliste laiendite (omastavad, näitavad, umbmääraseid, määratlevad asesõnad ja omadussõnalised intensifikaatorid) lisamise teel, samuti riimuvate komponentide ja sünonüümide lisamise abil. Analüüsitakse ka idioomide leksikaalkomponentide redutseerimist.

Variantide tekke põhjusteks on kommunikatsiooni suuline vorm, kodifikatsiooni puudumine murdekeeles, suulise kõne ekspressiivsus, kõneleja orienteeritus sõnamängule, keele põlise seisundi ajalooliste eripärade säilitamine murretes, keelekontaktid, mitmete murrete koosseksisteerimine uuritava murdesüsteemi piirides.

РЕФЕРЕНЦИЯ И НОМИНАЦИИ — ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Е. И. КОСТАНДИ

В процессе порождения речи говорящий / пишущий постоянно осознанно или интуитивно выбирает из многочисленных потенциальных вариантов необходимые ему языковые единицы и средства, в частности — средства номинации и референции, функционально составляющие неразрывное единство. Референция может осуществляться с помощью разных номинаций, выбор конкретного средства обусловлен множеством факторов, приобретающих свою специфику в условиях диаспоры. Анализ речи диаспоры представляет интерес не только сам по себе, но и потому, что помогает взглянуть в особом ракурсе на общетеоретические лингвистические вопросы. За последние два десятилетия исследователи языка диаспоры в странах, образовавшихся в результате распада Советского Союза, в частности в Эстонии, прошли путь от отдельных наблюдений к их обобщению, далеко не завершенному, и рассмотрению в этом контексте общих вопросов взаимодействия языков, вариативности языка и речи, роли языковых и экстралингвистических факторов в формировании специфики речи в разных условиях и т. д. К более частным проблемам, требующим решения при анализе языка диаспоры, относятся, например, вопросы нормативности речи, формирования разных видов речевых практик, метаязыковой рефлексии в условиях сосуществования языков, номинации, референции и ряд других.

В исследованиях письменной и устной речи современной русской диаспоры Эстонии на материале языка СМИ, рекламы, разговорной речи, официально-деловых текстов и др. описаны наиболее яркие ее черты (см. об этом, например: [Труды 2000; Труды 2002; Humaniora 2009]). К таким особенностям относятся специфика функционирования русского языка в разных сферах, распространенность латиницы в письменной форме русского языка, эстонские и иные заимствования (варваризмы, кальки), местные неологизмы или переосмысление семантики (семантическая переориентация [Зеленин 2007: 197]) существующих слов, активность образования отдельных типов словосочетаний, особенности глагольного управления, употребления некоторых типов предложений, характер оценки в текстах отдельных видов. Постепенно становились более очевидными некоторые общие закономерности, характеризующие это многообразие. Как показывает обобщение материала, на появление местных особенностей русской речи, помимо частных причин, регулярно влияет характер языковых единиц, семантические и прагматические факторы. Разумеется, эти факторы образуют единый комплекс, вычленение отдельных аспектов которого неизбежно приводит к упрощению, необходимому, однако, для углубленного рассмотрения этих аспектов.

Настоящая статья представляет фрагмент более широкого исследования, посвященного анализу прагматических факторов, влияющих на формирование особенностей речи диаспоры [Костанди 2009а; Костанди 2009б]. Ранее на материале языка современной русской диаспоры Эстонии автором рассматривались относящиеся к области прагматики пространственно-временная локализация описываемого языкового события и участников коммуникации [Костанди 2005], специфика оценки [Костанди 2008], прагматические аспекты перевода [Костанди 2007], влияние характера референции на выбор говорящим языковых средств [Костанди 2011]. Последнее было в общих чертах рассмотрено в указанной работе на примере наиболее очевидных характеристик русской речи, более детально рассмотрению этого же вопроса посвящена настоя-

шая статья. Как показывает анализ материала, в иноязычном окружении говорящий / пишущий регулярно оказывается в ситуации выбора между «правильной» номинацией и «успешной» референцией, в идеальном варианте не противопоставленными, на практике же часто вступающими в конфликт. Анализ процесса выбора — а выбор, как известно, это всегда прагматика — является основной целью нашего исследования.

Вопрос о границе между семантикой и прагматикой относится к числу не решенных в современной лингвистике, скорее всего, эта граница и не может быть установлена. Референция, или отнесенность актуализированных, то есть включенных в речь имен, именных групп или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам), входит в область и семантики, и прагматики. Анализ характера референции в условиях живой речи — актуальная задача современной лингвистики. Референция обусловлена рядом факторов, в том числе, и с этим соглашается большинство исследователей, прагматическими: целями высказывания, речевой ситуацией, общими знаниями участников коммуникации, речевой стратегией и тактикой и т. д. Необходимость отсылки к предмету речи, или установления референтной соотнесенности, существенно влияет на выбор средств номинации. Как показывает анализ нашего материала (язык СМИ, разговорная речь, рекламные, официально-деловые и др. тексты), необходимость установления в процессе коммуникации однозначной или вариантной референтной соотнесенности с предметом внеязыковой действительности регулярно приводит к появлению специфически «диаспорных» признаков речи. В указанной выше работе [Костанди 2011] это было рассмотрено на примерах использования латиницы в письменных текстах, иноязычных, в частности эстонских, вкраплений в устной речи и активизации калькирования в условиях диаспоры. Настоящая статья опирается на предыдущую, поэтому в обобщенном виде повторяет ее основные положения, развивая их.

Как известно, в современном языкознании нет единого понимания референции, однако определение, приведенное выше, может рассматриваться как наиболее общепринятое. Обратим-

ся к его отдельным аспектам с учетом нашего материала. Основными составляющими этого определения являются наличие **именных групп** или их эквивалентов, их **актуализация**, или **употребление**, и **отнесенность к действительности**. Как свидетельствуют многочисленные наблюдения разных исследователей, в том числе и автора данной статьи, специфика речи диаспоры имеет разнообразные проявления, уже упомянутые выше (латиница, вкрапления, кальки и др.). Так как специфика речи диаспоры наиболее ярко проявляется в ее иноязычных элементах, рассмотрим, как в последних представлены перечисленные выше основные составляющие референции. Для начала приведем примеры очевидного иноязычного влияния на речь диаспоры, дающие представление об общей картине:

- (1) *Это разные вещи / **деклареримине** (декларирование) значит там есть деньги // **сиссемакс** (взнос) — что вносите три тыщи (разговорн. речь, проф.); Не исключено, что оперирование шахтой будет передано **Eesti Põlevkivi** (Эстонсланец) (газетн.); Стоимость одного часа работы от 120 **EEK** (эстонских крон) (реклама); Руководствуясь § 146 УПК, в **Лыунаской** (Южной) префектуре полиции приняли сообщение о преступлении (офиц.-дел., протокол); Создай свой **е-код**у (электронный дом) (реклама); Окрошку не ядят, не хотят. Говорят, куда нам такая **сега!** (смесь) (диалектн.); Размер **материнской зарплаты** не сократится (газетн.); Часть расходов оплачивает **больничная касса** (телевид.).*

Как видно из примеров, единицами, в которых ярко проявляется местная специфика, являются **имена и именные группы**: иноязычные (эстонские) вкрапления (*деклареримине, сиссемакс, е-код*у и др.); слова и словосочетания, написанные латиницей (*Eesti Põlevkivi, ЕЕК*), устойчивые словосочетания, являющиеся кальками и полукальками эстонских слов и словосочетаний (*материнская зарплата, больничная касса*). Приведем и другие аналогичные примеры имен и именных групп, среди которых есть как уже устойчивые наименования, так и отдельные случаи неудачных переводов эстонских сложных слов и словосочетаний:

- (2) *ID-карта, личный код / исикукод / isikukood, больничная касса / хайгекасса / haigekassa, касса по безработице, экономическая полиция, целевое учреждение, физическое лицо-предприниматель / фие, вынужденные квартиросъемщики, карточка больничной кассы, инфодень, каубамая, сушеные абрикосы, перчатки для работы, вешалка из дерева.*

Такого рода слова и словосочетания широко распространены в устной и письменной русской речи в Эстонии и ярко характеризуют ее. Разумеется, в местную русскую речь под влиянием ситуации языковых контактов и разных экстралингвистических факторов проникают и иноязычные единицы не именного характера, однако это, скорее, исключение. Так, заимствование и тем более регулярное использование эстонских признаков слов, например, глаголов или прилагательных (без имени существительного), нельзя назвать характерным для языка диаспоры.

Следующий важный момент, о котором уже было сказано, но который следует отдельно подчеркнуть — регулярность употребления «местных» именных выражений. Соответственно, речь идет о наличии второго компонента, значимого для референции — **актуализации**, или **употребления**, выражений. При этом многие из них нельзя считать вошедшими в русский язык, даже в язык диаспоры, они часто относятся именно к речи, что дополнительно характеризует их как актуализированные. Говоря об актуализации, необходимо отметить и то, что, по предварительным наблюдениям, иноязычные единицы более частотны в, так сказать, «актуальных» сферах: спонтанная разговорная речь, СМИ в целом, общение в Интернете, реклама.

Третьим компонентом референции является отнесенность к действительности. Иноязычные элементы в русской речи диаспоры, как правило, отсылают к объектам **местной действительности**. Названия государственных и общественных институтов и относящихся к ним частных реалий (*Рийгикогу, реформисты, больничная касса, ID-карта, личный код / isikukood*), фирм (*Elion, Swedbank, Tele 2, Eesti Põlevkivi*), организаций, клубов, студий, школ и т. п. («*Tvail Athletics*»), газет, журналов, информационных агентств, телеканалов и т. п. (*Posti-*

tees, ETV), торговых знаков (*Ivo Nikkolo*) имеют денотаты в эстонской действительности. Необходимость отослать к местным реалиям приводит к использованию эстонских вкраплений или к появлению наименований, копирующих эстонские названия и обеспечивающих тем самым однозначное соотношение реалии, ее эстонского и «местного» русского имен. Особенно очевидным это становится при сопоставлении близких по форме и значению российских и появившихся в Эстонии русских названий. Показателен следующий пример:

- (3) *индивидуальный предприниматель (Рос., рус.) / физическое лицо-предприниматель (Эст., рус.) / füüsiline isik-ettevõtja – FIE (Эст., эст.).*

Приведенные наименования лиц, индивидуально занимающихся предпринимательской деятельностью, демонстрируют практически полное совпадение денотатов, однако условия деятельности этих лиц различаются в России и в Эстонии, что, помимо влияния эстонского языка, способствовало образованию специфического местного наименования в Эстонии. При этом в неофициальной устной речи чаще используется аббревиатура эстонского наименования — *FIE / фие*, что позволяет быстро однозначно идентифицировать предмет. Во избежание смешения близких российских и эстонских реалий необходимы местные наименования, позволяющие точно идентифицировать референт. Регулярно они (обычно атрибутивные словосочетания) образованы калькированием эстонского сложного слова, ср.:

- (4) *haigekassa – больничная касса; perearst – семейный врач; isikukood – личный код; maksuamet – налоговый департамент; sihtasutus – целевое учреждение.*

Таким образом, отличительные черты языка диаспоры и референция пересекаются в следующем: **именные группы, актуализированные, соотносящиеся с действительностью**. Кроме того, само осуществление референции регулярно влияет на появление в русской речи местных особенностей. Так, в указанной выше работе [Костанди 2011] этот процесс описан, в частности, на примере использования в русских текстах латинской

графики. Повторим основные результаты анализа этого примера как одного из наиболее очевидных.

В эстонской действительности русские газетные тексты, реклама, объявления, тексты многих сайтов фирм, организаций, государственных учреждений и т. д. пестрят вкраплениями слов и словосочетаний, передаваемых латинской графикой. С точки зрения необходимости однозначной референтной соотношенности языкового знака и объекта действительности выделяются три основных случая использования латиницы:

1. Без латиницы коммуникация или иные действия невозможны, поскольку обязательна однозначная идентификация предмета, осуществляемая только посредством латинской графики, например: написание электронных адресов, ссылок и т. п. (разумеется, подобное имеет место не только в Эстонии). Например, это можно видеть в следующем фрагменте текста, размещенного на сайте Министерства социальных дел Эстонии:

(5) *Граждане Эстонии — это граждане Европейского Союза:*

Домашняя страничка ДГМ:

<http://www.mig.ee/index.php/mg/rus>

Телефон: +372 666 2722 (Пн.–Пт. 8:00–18:00)

Факс: +372 666 2721 Э-почта: kma.info@mig.ee

2. Действие осуществимо без латиницы, однако использование кириллицы существенно осложняет коммуникацию или иное действие, например, это относится к написанию обычных почтовых адресов, наименований из области информационных технологий (программы, устройства, языки программирования и т. д.), товарных знаков, например:

(6) *CV отправлять по адресу: **Peterburi maantee 47, 11415 Tallinn** (газетн., объявл.).*

В этом случае референтная отнесенность будет, скорее всего, установлена и при использовании кириллицы, действие осуществится, но возможны некоторые осложнения, ошибки.

3. Достаточно свободно могут использоваться и латиница, и кириллица, однако привычнее в наших условиях латиница, используя которую, участники коммуникации быстрее уста-

новят соотносённость имени и реалии. Это относится к наименованиям местных фирм, учреждений, организаций, партий, клубов, газет, журналов, телеканалов и т. п., например:

- (7) *Ehituse ABC* желает своим клиентам хорошего Янова дня! (рекламн.); Представитель *IRL* Урмас Рейнсалу заверил, что механизм компенсаций будет разработан к нужному сроку (газетн.); Фестиваль *Klaaspärlimäng 2011* «Из времени короля Августа» (афиша); Доход с продаж *AS Kalev Chocolate Factory* в 2010 году достиг 25,9 миллиона евро (информ. портал).

Значительно реже латиница используется не для однозначной и быстрой идентификации предмета речи, а для передачи местного колорита, с целью языковой игры или отражает индивидуальные речевые навыки и т. п., например:

- (8) Мы ходили в *Tallinna Kaubamaja* покупать *jõulu* (рождественские) подарки ... (газетн.); Выдаю полиции карточку своего телефона где 70 СМС-ов посланные ... мне за несколько последних суток (...) ... мобильный телефон *Nokia 1200*, телефонная карта *TELE2, telefoni kood* ... (из заявления в полицию).

В первом предложении автор не переводит название праздника, а вставляет в текст эстонское слово, возможно, желая передать особенности «эстонского» рождества и придать тем самым высказыванию местный колорит. Во втором использование автором в заявлении, написанном по-русски, эстонских слов можно объяснить, очевидно, его индивидуальным речевым опытом.

Таким образом, требование идентифицирующей референции можно считать основной причиной регулярного использования латинской графики в русских текстах в местных условиях. Использование других иноязычных элементов (заимствований, варваризмов, калек) также часто обусловлено необходимостью установления референтной соотносённости слова / словосочетания и предмета. Так, это регулярно наблюдается в разговорной речи, например, когда говорящий старается подобрать наиболее подходящие для обозначения предмета речи слова, возможно, комментируя свой выбор, например:

- (9) *Мне надо декларацию подать в налоговое ..., в этот / как его /... в максу ...; Я в ыйсе посмотрю; У них немножко другие игры / у них не «Что? Где? Когда?» / у них.. / у нас на логику / на сообразительность / на догадаться где-то / сопоставить // а у них на знания / у них.. э-ээ.. как же сказать / мялу....*

Примеры хорошо иллюстрируют ситуацию выбора средства номинации, в которой регулярно оказывается говорящий в условиях диаспоры, называя что-либо специфически местное. Основные варианты при этом следующие: использование существующего русского наименования, авторский перевод эстонского названия, невозможность перевода и неизбежное использование описательного способа, что мы и видим в приведенных примерах.

В первом случае говорящий мог бы использовать существующее, официально закрепленное и достаточно распространенное в письменных текстах (например, на официальном сайте, в документах) и в устной речи название учреждения — *Налоговый департамент*, однако прибегает к эстонскому наименованию *Maksuamet*. Во втором у говорящего нет возможности использовать принятое русское наименование, так как оно отсутствует. *ÕIS (ыйс)* — аббревиатура эстонского сложного слова *õppeinfosüsteem*, называющего учебную информационную систему Тартуского университета (ТУ), функционирующую на его сайте. С недавнего времени сайт университета существует не только на эстонском и английском языках, но и на русском, однако русского названия самой информационной системы там нет. Следовательно, говорящий может дословно перевести эстонское название как *учебная информационная система*, однако, во-первых, такой способ обозначения будет громоздким, особенно для использования в разговорной речи, во-вторых, может быть не опознан адресатом. Наконец, в третьем примере говорящий не может точно перевести эстонское название телевизионной игры «*Mälumäng*» (*mälu / память, mäng / игра*), он описывает игру и в качестве вкрапления использует часть эстонского названия. Немаловажным фактором во всех трех случаях является возможность установления ре-

ферентной отнесенности — иноязычная единица оказывается более функциональной.

Рассматривая влияние референции на выбор языкового средства, следует отметить, что на него воздействуют и другие факторы. Их анализ требует отдельного детального исследования, в данной статье остановимся на общей характеристике наиболее явных сопутствующих условий, влияющих на характер референции и номинации. Прежде всего подчеркнем, что в речи, устной или письменной, как правило, имеет место комплекс факторов, их изолированное рассмотрение возможно только как промежуточный этап анализа, обязательно предполагающий последующее обобщение. С учетом данного положения охарактеризуем значимые, по нашим наблюдениям, отдельные компоненты этого комплекса.

На возможность установления как автором, так и адресатом референтной соотнесенности и соответствующий этому требованию выбор средств номинации постоянно влияют **фоновые знания** участников коммуникации, то есть знание действительности, в которой существуют денотаты. О том, что без знания эстонской действительности автор не использует, а адресат не поймет высказывание адекватно этой действительности, свидетельствуют, например, следующие предложения:

- (10) *В открытом университете можно пройти обучение по 70 учебным программам на уровень бакалавра, магистра, а также получить прикладное высшее образование (сайт ТУ на рус. яз.); Сегодня в Рийгикогу началось обсуждение проекта бюджета на следующий год (телевид.); Размер материнской зарплаты не сократится (газетн.); А какой смысл оставаться фие, если максуамет обдерет тебя как липку, да еще должен останешься* (комментарии пользователей инф. портала Delfi).

Приведенные примеры в разной степени предполагают знание реалий эстонской действительности. Так, первое предложение будет достаточно однозначно понято теми, кто с этой действительностью совсем не знаком, однако именно референтная отнесенность дает полное представление о том, что такое *открытый университет*, *учебная программа* и т. д. В нашем материале есть записи разговорной речи, демонстрирующие, как

говорящий в зависимости от фоновых знаний адресата (преподаватель ТУ, студент открытого университета, посторонний человек, житель другой страны, России, например) использует словосочетание *открытый университет* или *заочное обучение*. Эти два варианта не совпадают полностью, однако во многом пересекаются, как и соответствующие денотаты, и если говорящему нужно установить однозначную референцию, он будет по-разному использовать эти наименования и их производные, ориентируясь на знания адресата, ср.:

- (11) *Да у меня **открытый** завтра* (из беседы с коллегами-преподавателями); *Кто у нас там **из открытников**?* (профессиональный сленг); *Наши **открытый** // это типа заочного / раньше который был* (из беседы с посторонним человеком).

С фоновыми экстралингвистическими знаниями пересекается фактор **языковой компетенции**, или языковых знаний. Разная степень языковой компетенции дает возможность участникам коммуникации использовать те или иные средства номинации. В наших условиях наиболее очевидным примером являются разные по объему — от одного слова до нескольких фраз — эстонские вкрапления, которые, например, в разговорной речи могут использоваться либо свободно, если говорящие достаточно хорошо знают эстонский язык, либо с оговорками и комментариями, если их языковая компетенция недостаточна или различна, ср.:

- (12) ***Яани пьев*** (Jaanipäev / Иванов день) / *это завтра; Пойдем на **буссиям*** (bussijaam / автовокзал); *А. Все посмотрели? Б. **Kus on vaikne*** (где тихо) *В. **Kõõgis*** (на кухне) *Б. **Kõõgis** // **kõõgis** там где мусорное ведро выдвигается // там звукоизоляция хорошая; Ну / это такая организация / **Культури капитал*** (Kultuuri kapital) // *прямо по-русски и не назвать // вот они финансируют.*

Чтобы понять приведенные высказывания, адресат должен в разной степени знать эстонский язык: эстонское название праздника известно большинству местных жителей и регулярно встречается в русской речи, использование эстонского слова во втором примере носит окказиональный характер, в записи разговора, небольшой фрагмент которого представлен тре-

тым примером, происходит постоянное переключение кода, последнее высказывание не требует от адресата знания эстонского языка. Разумеется, следует говорить не только об эстонском языке, фактор языковой компетенции распространяется и на английский, финский и другие языки и особенности их функционирования. Так, достаточно регулярно имеет место ситуация, когда и в русском, и в эстонском языке используется, например, английское заимствование, которое в разных принимающих языках озвучивается по-разному, в речь диаспоры такое заимствование может попасть непосредственно из английского или через эстонский язык. Результаты этого нашли отражение в следующих примерах:

- (13) А. Ты на **пе ха пе** (PHP) *пишешь?* Б. Да / на **ни айч ни** (PHP);
А тут **ви фи** (WiFi / вай фай) *есть?*

Не менее важную роль при выборе средства номинации, отсылающего к определенному референту / денотату, играет и знание русского языка во всех его функциональных разновидностях. Это относится не только к языку диаспоры, однако в наших условиях становится особенно значимым, так как происходит неизбежная утрата или деформация ряда функциональных вариантов языка, в первую очередь — относящихся к официальной сфере, где доминирует государственный язык. Она наблюдается в разных вариантах и подвариантах русского языка. Например, рассматривая особенности русского языка в рекламных, часто двуязычных, каталогах Эстонии, в частности — широко распространенное калькирование эстонских названий товаров, О. Н. Паликова справедливо отмечает, что «причина необоснованного калькирования в данном случае заключается в утрате языком диаспоры собственно номенклатурной сферы существования русского языка» [Паликова 2009: 154]. Наименования, приведенные в указанной работе, такие, как *картофельная каша* (пюре), *куриные шарики* (тефтели), *сушеные абрикосы* (курага) и др., по-разному, в зависимости от языковой компетенции автора и адресата, способны осуществлять референцию.

Помимо общих фоновых и языковых знаний на референтные свойства «диаспорного» или иного наименования влияет наличие **неязыковых каналов** передачи информации. Так, в уже упоминавшихся рекламных изданиях торговых сетей, регулярно распространяемых среди населения, важнейшую роль играют изображения (рисунки, фотографии) рекламируемых товаров. Получатель такой рекламы, особенно если это товары повседневного пользования, например, продукты питания, часто не читает название товара ни по-эстонски, ни по-русски, а смотрит на картинку и на цену. Языковые средства при этом полностью или частично утрачивают функцию референции. Думается, что это одна из причин широкого распространения в данной сфере номинаций, которые изолированно, без изображения, трудно соотнести с денотатом, например:

- (14) *Мультизерновая пышка для обжаривания в ростере* (разрезанная пополам булочка), *покрытие на стол, корзина для дров, чугунный горшок* (имеется в виду не горшок), *стеклоочистители автомобильные, настольная свеча, пирожное «Наполеон»* (имеется в виду торт).

Денотат, к которому отсылают эти и аналогичные выражения, устанавливается именно картинкой. В других коммуникативных ситуациях и контекстах могут использоваться иные неязыковые средства: жест, взгляд, непосредственное наличие денотата, графики, схемы и т. д.

Наконец, следует остановиться на таком факторе, как характер **конкретной коммуникативной ситуации**, образуемой множеством составляющих. Регулярно влияют на соотнесенность номинации и референции функциональная сфера, в которой «располагается» коммуникативная ситуация, оперативность, степень подготовленности речи, отношения между участниками коммуникации. Объем статьи не позволяет в деталях рассмотреть названные компоненты, поэтому ограничимся общей характеристикой.

Выше отмечалось, что такие очевидные признаки языка диаспоры, как иноязычные элементы, наиболее частотны в некоторых функциональных сферах, условно названных актуальными, то есть важными с позиции «здесь и сейчас». Например,

исследование использования латиницы в СМИ (газета) и в официально-деловом языке (официальные русскоязычные сайты эстонских министерств) показало, что в первом случае латиница встречается намного чаще и представлена самыми разными вариантами, во втором ее меньше и она более «упорядочена». Так, в официально-деловых текстах латиница использовалась в основном тогда, когда без нее действие невозможно или затруднено и почти не использовалась при возможности употребления и латиницы и кириллицы. В газетах латиница регулярно использовалась и в последнем случае. Тексты СМИ, в отличие от представленных на сайте министерства, как правило, более актуальны («здесь и сейчас»). Попутно отметим, что рассмотренные официально-деловые тексты в основном были переводными, тем не менее по этому признаку (графика) они не выглядели как более «иноязычные». Думается, что здесь, помимо функциональной сферы, важен и признак оперативности появления текстов.

Фактор времени значим при создании любого текста, в случае перевода его роль увеличивается. У переводчика может быть недостаточно времени для того, чтобы найти имеющееся русское наименование или предложить свой адекватный вариант перевода, проще «вставить» в русский текст иноязычное слово, словосочетание в неизменном виде или перевести очень небрежно. Разумеется, действуют при этом и другие причины: уровень владения языком, финансовая сторона, престиж фирмы, организации, лица и т. п. В уже упоминавшихся выше оперативно и дешево издаваемых рекламных газетах сетей розничной торговли действие всех этих факторов часто выливается в то, что русский текст порой не дает представления о рекламируемом товаре и референция осуществляется с помощью других средств (см. пример 14). Правда, в целом отмечена общая тенденция улучшения качества перевода в этой сфере [Паликова 2009]. В то же время переводные тексты, например, в банковской сфере, — как правило, высокого уровня, референция и номинация здесь реже вступают в очевидное противоречие.

Говоря о коммуникативной ситуации, подчеркнем, что в каждом конкретном случае на выбор средств номинации и их способность осуществлять референцию могут влиять причины очень частного характера. Рассмотрим конкретный пример — следующее устное высказывание:

(15) Там несколько модулей / в этой **ыппекаве** /...

Пример демонстрирует окказиональное использование эстонского вкрапления «в **ыппекаве**» (õppekava / учебный план). Никаких условий, вынудивших говорящего использовать эстонское слово, в коммуникативной ситуации не было. Решающим оказался субъективный фактор. Говорящий и его собеседник должны были вносить изменения в действующий учебный план, необходимость заниматься этим вызывала у них преимущественно негативную реакцию. Использованием «чужого», то есть, во-первых, очень непохожего на русское, во-вторых, являющегося официальным названием слова говорящий подчеркивает свое недовольство. Вдобавок он интонационно обыгрывает слово, чем также передает негативное отношение. Произношение многих эстонских слов, например, начинающихся с *ы*, часто вызывает трудности у русскоговорящих; нарочито исковерканное произношение эстонского слова в сочетании с экстралингвистическими средствами (мимика) усиливают оценку. Можно говорить о своего рода скрытом цитировании официальных лиц, требующих выполнения ненужной, как кажется говорящему, работы. Тем самым осуществляется референция по отношению и к предмету речи, и к некоторой исходной ситуации, в которой данное слово использовалось. Высказывание понятно лишь с учетом конкретной ситуации, и аналогичные примеры достаточно регулярно встречаются в нашем материале.

Итак, понятие референции, процесс ее осуществления пересекаются со специфически местными особенностями русской речи. Анализ материала показал, что необходимость установления однозначной или вариантной референтной соотносительности с предметом внеязыковой действительности регулярно приводит к использованию иноязычных элементов. Выбор

средства номинации (русского или заимствованного слова в виде вкрапления) регулярно происходит под давлением референции, или отсылки к денотатам местной и актуальной для говорящего действительности. Это приводит к неизбежному появлению своих, диаспорных, номинативных единиц — имен и именных выражений. Разумеется, это далеко не единственная причина формирования особых вариантов языка в условиях диаспоры, она лишь была в центре внимания в настоящей статье, являющейся, как отмечалось выше, частью более широкого исследования. Думается, что рассмотрение такого неоднозначного и важного для речи явления, как референция, на материале языка диаспоры помогает дополнить его существующее описание.

ЛИТЕРАТУРА

- Зеленин А. 2007 — *Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939)*. Санкт-Петербург.
- Костанди Е. И. 2005 — Прагматика новостного дискурса (на материале русскоязычного телеканала «Первый Балтийский Канал»). *Language and Culture Interrelation: Russian in cultural-communicative space of today's Europe / Взаимодействие языков и языковых единиц: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы*. I. Riga. С. 191–199.
- Костанди Е. И. 2007 — Прагматика перевода атрибутивных словосочетаний. *Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы»*. Гранада, 7–9 мая 2007 г. *Доклады и сообщения*. Т. 2. Санкт-Петербург–Гранада. С. 961–966.
- Костанди Е. И. 2008 — Оценочная лексика в устных рассказах староверов Западного Причудья: слово – текст – культура. *Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов*. Часть II. Вологда. С. 78–84.
- Костанди Е. И. 2009а — Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры. *Humaniora: Lingua Rossica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 65–81.

- Костанди Е. И. 2009б — Роль семантико-прагматических факторов в формировании особенностей языка диаспоры. *Язык. Культура. Коммуникация: материалы научно-практической конференции*. Ижевск. С. 78–84.
- Костанди Е. И. 2011 — К вопросу о роли прагматических факторов в формировании специфики языка диаспоры. *Русистика и современность. 13-я международная конференция. Сборник научных статей*. Рига. С. 226–230.
- Паликова О. Н. 2009 — Русский язык в рекламных каталогах Эстонии. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. С. 143–168.
- Труды 2000 — *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Труды 2002 — *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI. Проблемы языка диаспоры*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Humaniora 2009 — *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.

REFERENTS JA NIMETUSED — VALIKUPROBLEEME MUUKEELSE KESKKONNAS

Jelizaveta Kostandi

Eesti vene diasporaa keele uurimine, mis algas 1980ndate aastate lõpus, nõuab mitte ainult vene keele kasutamise spetsiifiliste joonte leidmist, vaid diasporaa keele iseärasuste süstematiseerimist ja nende põhjuste väljaselgitamist. Täna on uurijad leidnud spetsiifilisi jooni keelekasutuse eri sfäärides (ladina tähestiku kasutamine, eesti laenud, kohalikud neologismid ja uued sõnatähtsused, mõningate sõnaühendite aktiivsus, verbi-
rektsiooni, hinnangute omapära jt.).

Uuringu analüüsi lähteobjektiks on eelpoolnimetatud ja teised vene diasporaa keele iseärasused, mille põhjuseks võib olla muukeelse (eelkõige eestikeelse) keskkonna mõju. Artikli autori läbiviidava laiemal uuringul eesmärgiks on kindlaks teha mõned diasporaa keele spetsiifikat regulaar-

selt mõjutavad faktorid. Osa neist käsitletakse artiklis. Olemasoleva materjali põhjal on olulisemaks neist pragmaatiline, mille hulka kuuluvad suhtlustingimused, intentsionaalsus, hinnangud, kõnestrateegiad ja -taktikad, kõneakti tüüp jms. Mõnda neist on teatud määral juba varem uurinud nii artikli autor, kui ka teised uurijad. Veel üheks olulisemaks pragmaatilis-semantiliseks faktoriks on referentsus ja selle mõju kõnes kasutatava nimetuse valikule. Artiklis otsitakse vastust küsimusele, kuidas mõjutab kõnelejapoolse keelendi valikut keelemärgi ja denotaadi suhe. Vaadeldakse eelkõige ladina tähestiku ja eesti laenude kasutamist venekeelsetes tekstides, kohalike neologismide moodustamist, venekeelsesesse kõnesse teiste keelte (põhiliselt eesti) sõnade e. toorlaenude pikkimist. Artiklis analüüsitakse ka täiendavaid keeleväliseid tegureid, mis mõjutavad referentsust ja nimetuse valikut.

СОУРИ И РОУСЬ В ЗЛАТОСТРУЕ XII ВЕКА

А. М. КУЗНЕЦОВ

ОБРѢ|ТЕ ЖЕ ТУ НЕКАНЫГѢЛЫЕ И ПСА|ЛТЫРЬ • РУСЬСКИ ПИСМЕНЫ|
ПИСАНО • И ЪЛѢКА ОБРѢТЪ| ГЛЮЩА • ТОЮ • БЕСѢДОЮ • И БЕСѢ|ДОВАЕЗ
С НИМЬ • И СИЛУ РѢУН| ПРИИМЪ • СКОЕН БЕСѢДѢ ПРИ|КЛАДАИ •
РАЗНУНО ПИСМЕНА| ГЛАСНАА И СЪГЛАС-ВНАА • И КЪ •| БѢ МЛѢУ
ДЕРЖА • ВЪСКОРѢ| НАУДЪ • УНСТИ И СКАЗАТИ • И| МНОСѢ СЯ КЕЛУ
ДИБЛАХУ| БѢ ХВАЛАЩЕ •

Пространное Житие Константина-Кирилла Филосо-
фа (нач. XV в. ГИМ, Собр. Барсова № 619, 254 об.) [Жития
Кирилла и Мефодия 1986: 140]

Этот неясный фрагмент из VIII главы Жития Кирилла о пребывании в Корсуне вызвал долгую дискуссию среди славистов; вопрос осложнялся тем, что, к сожалению, текст сохранился в списках не старше XV века, а оригинал был создан в конце IX века в западнославянской среде [Сказания 1981: 9–11]. Одни ученые признали подлинность фрагмента и его наличие уже в оригинале, но разошлись в интерпретации слова *роусьскы*, относя его или к варягам и далее к готам, или к восточнославянскому языку. Другие слависты пришли к мнению, что это место в Житии Константина является интерполяцией, осуществленной на территории Руси. Внутри второй гипотезы различия могут касаться времени внесения изменений и объема интерполяции (см. обзор работ в [Иванова 2004а; Сказания 1981: 115–117; Хабургаев 1994: 117–127]).

В настоящее время большинство исследователей сходятся в том, что фрагмент о русских письменах является интерполяцией. Еще в 1935 году А. Вайан предложил реконструировать

этот текст, заменив прилагательное *роусьскы* на *соурьскы*. Дело в том, что в ряде списков того же Жития Кирилла в XVI главе, повествующей о прениях с трезычниками в Венеции, в перечне народов, пользующихся в богослужении родным языком, отмечается замена названия *соури* на *рѣси* (эти разночтения были указаны еще И. В. Ягичем [Ягич 1885–1889: 291]). Р. Якобсон в 1939 году обосновал эту реконструкцию, показав, что по отношению именно к сирийскому письму логичны сведения о различии гласных и согласных. В дальнейшем слависты обнаружили еще несколько примеров замены названий других народов названиями *роусь*, *роусьскыи* [Иванова 2004b: 36]. К сожалению, все они представлены в поздних рукописях, а это позволяет считать, что интерполяции связаны с «руссоцентризмом» XV века, времени создания Московского государства. Не случайно, что и древнейшие списки Пространного жития Константина сохранились начиная именно с XV века.

Тем не менее, в 1992 году В. М. Живов предложил отнести появление интерполяции о русских письменах к XII веку. Он связал рассказ VIII главы Жития Константина с текстом «Сказания о русской грамоте» [Живов 2002: 116–169]. Согласно В. М. Живову, Пространное житие Константина не было известно на Руси до 1116 года, то есть до составления летописного свода. Скорее всего, интерполяция сначала была осуществлена в Житии, а затем усваивается Сказанием [там же: 144–145], некоторые мотивы которого (противопоставление Руси грекам) были актуальны только до 1204 г., когда Константинополь был захвачен крестоносцами. XII век был временем разрушения *Slavia Christiana* (ее идеи еще звучат в Повести временных лет): Болгария уже в XI веке потеряла самостоятельность и вернулась в богослужении к греческому языку, а раскол церкви в 1054 г. и разгром славянской традиции в Сазавском монастыре в 1096–1097 гг. привели к образованию отдельных областей *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*. Интерполяция о русских письменах была актуальна именно в XII веке. Эти выводы В. М. Живова требуют дальнейших изысканий и доказательств.

От внимания исследователей ускользнул еще один факт интерполяций, связанных с руссоцентризмом, который обнаруживается в известной рукописи XII века. В Сводном каталоге [СК 1984: 113–116] она значится под № 74 и имеет название «Златоструй и отрывок Торжественника», РНБ, Ф.п.I.46. На листах 175b–185a рукопись содержит «Слово о хананеянке» Иоанна Златоуста. По сведениям Е. Э. Гранстрем [Гранстрем 1980: 189], автором этого слова является не Иоанн Златоуст, а Лаврентий — епископ новарийский (Пьемонт, Италия), малоизвестный писатель VI в., писавший на латинском языке. Латинский текст Лаврентия *De muliere Chananaea* и греческий текст Иоанна Златоуста *Εἰς τὴν ἐπίλυσιν τῆς Χαναanaίας* издал Ж.-П. Минь [PL 1847: col. 116–124; PG 1859: col. 449–460]. Это единственное произведение Лаврентия, которое было переведено на греческий язык и приписано Иоанну Златоусту, вслед за тем оно попало к славянам. Е. Э. Гранстрем пишет: «в Восточную Европу», однако по некоторым языковым признакам перевод был сделан ранее: на 176c25 сохранено старославянское написание *дръзновеѣннѣ*, а на 180a23 имеется аорист *досн* от глагола *доснѣти/доснѣти* ‘найти’ — южно-славянского диалектизма [ЭССЯ 4: 217–218], к южно-славянским особенностям следует, вероятно, отнести и частицу *цѣ* ‘καίτοι, хотя, однако’ [ЭССЯ 3: 173]: *цѣ н прѣрокомѣ глѣцѣмѣ о тѣбѣ* 177c8–9.

Рассказ о хананеянке — язычнице, дерзнувшей просить Иисуса о милости, — содержится в Мф. 15, 21–28, а также в Мк. 7, 24–30, правда, у Марка она названа не хананеянкой (*Χαναanaία*), как у Матфея, а сиропфиникиянкой (*Συροφονικήσσα*). Эти названия были равноправными, но Слово о хананеянке конкретно опирается на более подробный рассказ Матфея. В 52-й беседе «Толкования на святого Матфея евангелиста» Иоанн Златоуст в образе хананеянки предлагал видеть аллегорию: «Некоторые, толкуя эти слова иносказательно, говорят, что по отшествии Христа из Иудеи к Нему дерзнула приступить Церковь, также вышедшая за пределы свои, потому что Писание говорит: *забуди люди твоя и дом отца твоего* (Псал. XLIV, 11)».

И автор Слова о хананеянке развивает ту же мысль, когда выражает удивление по поводу слов Иисуса к ней *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15, 24), он риторически обращается непосредственно к Иисусу: *Διὰ τοῦτο ἄνθρωπος ἐγένου, σάρκα ἀνέλαδες, οἰκονομίας τοσαύτας εἰσράσω*. В славянском переводе аористы 2-го лица ед. ч. оказались омонимичны 3-му лицу, и переписчик, не поняв фразы, заменил 2-е лицо *бѣ* на 3-е *бѣ*: *тѣхъ лн ѿдннѣхъ тѣло вѣзѣ · н ѹлѣзъ бѣ* | *н такы строю сѣста|вн · да тѣхъмо ѿдн|ноу страню сѣсѣшн · н тоу| же погзбн|сѣхъ хотѣшю| а мнрѣ вѣсь поустѣ ·* (177b29–35). Далее автор перечисляет народы «мира всего» за пределами дома Израилева: *Σκύθαι, Θράκες, Ἰνδοί, Μαῦροι, Κίλικες, Καππάδοκες, Σύροι, Φοίνικες* (в латинском тексте Лаврентия несколько иной список: Pontum, et Asiam, et Ægyptum, Ciliciam et Cappodociam). Наш переписчик выдает свое восточнославянское происхождение, подправляя этот перечень: *скѹѣра|кѣ <так!> · ннде · мавре · каппадоке · соури · н роусь · н кривнун · вѣ|тнун · н ѿлнкоже сѣ|ще обѣ|здрѣаетъ землѣ ·* (177b35–177c2).

Замечательно здесь то, что *соурн · н роусь* — еще рядом, писца-редактора увлекает звуковое совпадение, он стремится подчеркнуть аллегорическое равенство народов, находящихся за пределами дома Израилева. Подмена первого названия вторым произойдет, вероятно, позднее и в других текстах. Вряд ли за этим крылось желание фальсифицировать историю, созвучие названий и аллегорическая интерпретация могли стать общим местом. Следует обратить внимание и на тот факт, что восточные славяне в *Слове о хананеянке* еще не имеют единого самоназвания, рядом с *русью* упоминаются *кривичи* и *вятичи*, хотя вынесенное на первое место название *русь* претендует на роль гиперонима.

Оба этнонима *соурн* и *роусь* еще по разу встречаются в тексте Слова о хананеянке. Первое — при упоминании ветхозаветного Неемана, военачальника сирийского царя (4 кн. Царств, гл. 5), исцеление которого автор Слова использует как пример милосердия со стороны израильского пророка Елисея

по отношению к иноплеменнику: н ѿгда прѣде воевода неѣмн
 ма|нѣ сѹррнѣ • кѣ прѣкоу ѿн|сѣю • прокаженнѣмъ одѣржнмъ
 178b32–36 — Ὅτε, οὖν ἦλθε Νεαιμᾶν ὁ στρατηλάτης πρὸς
 Ἑλισσαῖον τὸν προφήτην λέπρω κατεχόμενος. Как видим,
 в греческом оригинале отсутствует этноним, в славянский
 текст он попал из Евангелия от Луки 4. 27, где Иисус вспоми-
 нает об исцелении Неемана Сирийца — Ναιμᾶν ὁ Σύρος, ср.:
 Асс.ев. неѣманъ асѣрскѣн 146b18; Мар.ев. неѣманъ сѹрьскѣ
 с. 208, 17; Остр.ев.: неѣманъ сѹрьскѣн 277a; Арх. ев.: неѣманъ
 сѹрь|скѣн 165; Мст.ев.: ома|нѣ сѹрьскѣн 71b22–23. Контекст не
 позволяет здесь производить какие-либо замены этнонима, но
 сирийский персонаж опять участвует в аллегорическом истол-
 ковании — выходе Церкви за пределы дома Израилева.

Равенство народов в вере, покаянии и милосердии — глав-
 ная тема Слова о хананеянке: нѣ ннѣдиногѣ| зѣла ѿже пов
 каианна не нма|тъ 176a17–19. Развивая метафору Иисуса —
 нѣ|сѣть добро реуе кѣзѣтн хлѣба| ѿ уадѣ н датн пысомъ 178c27–
 29, не остановившую хананеянку в надежде получить милость,
 автор относит ее не только к этой женщине, но ко всем наро-
 дам: н стра|нѣ пысн нарекшесѣ • н сѣѣ|е кѣшѣ • похвала сн •
 жндѣ|мъ хоула несть 178d1–4. Призывая слушателей быть креп-
 кими в вере, он продолжает: Ὅπου ἐὰν ἀπέλθης, ἀκούεις
 τοῦ Χριστοῦ λέγοντος, Ὡ γύναι, μεγάλη σου ἡ πίστις.
 Εἰσελθε εἰς Περσῶν τὴν ἐκκλησίαν, καὶ ἀκούσεις τοῦ
 Χριστοῦ λέγοντος, Ὡ γύναι, μεγάλη σου ἡ πίστις· εἰς τὴν
 Γότθων, εἰς τὴν βαρβάρων, εἰς τὴν Ἰνδων, εἰς τὴν
 Μαύρων, ὅσην ἡλῖος ἐφορᾷ γῆν. Однако наш писец-
 редактор название εἰς Περσῶν τὴν ἐκκλησίαν — кѣ црѣкѣ
 персьскоу (так должно быть) под впечатлением метафоры и фо-
 нетической близости слов переосмысляет неожиданным обра-
 зом: камо любо да н|дешн • слѣшншн хѣа глѣѣща| вьсѣде • о жено •
 велнка вѣра| твоѣ • кѣлѣзн кѣ црѣкѣ пы|сьскоу • кѣ гоѣсьскоу же
 н кѣ| варварьскоу. А далее изменяет перечень народов: кѣ коую
 любо| страну црѣке н кѣ роуьскоу|ю • кѣнко слѣѣце обѣзѣраѣтъ|
 зѣмлю • н оуслѣшншн ѿ же|но • велнка твоѣ вѣра • боу|дн тн
 ѡкоже хоѣшн • 179d17–27.

Таким образом, выстраивается ряд равноправных понятий — варбарьскъ, пьсьскъ: гоѣсьскъ, нндѣ, макрѣ, кападоке, соурн, роусь, кривнун, катнун — народов, приобщившихся к вере, работников одиннадцатого часа, и внутри этого ряда фонетической ассоциацией связаны названия соурн и роусь. Думается, замена первого вторым в Житии Кирилла действительно могла произойти в XII веке, а мотивацией послужило отсутствие в это время каких-либо сведений о проживании сирийцев в Корсуне-Херсоне, связи с которым были налажены хорошо.

ЛИТЕРАТУРА

- Гранстрем Е. Э. 1980 — Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI–XIV вв.). *ТОДРЛ*. Т. XXXV. Ленинград. С. 345–375.
- Живов В. М. 2002 — *Slavia Christiana* и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте. *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. Москва. С. 116–169.
- Жития Кирилла и Мефодия 1986 — *Факсимильное издание*. Москва–София.
- Иванова Т. А. 2004a — Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950–1960). *Избранные труды*. Под ред. С. А. Авериной. Санкт-Петербург. С. 5–17.
- Иванова Т. А. 2004b — Еще раз о «русских письменах» (К 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла). *Избранные труды*. Под ред. С. А. Авериной. Санкт-Петербург. С. 33–37.
- СК 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва.
- Сказания 1981 — *Сказания о начале славянской письменности*. («Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»). Москва.
- Хабургаев Г. А. 1994 — *Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности*. Москва.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974–.
- Ягич И. В. 1885–1889 — *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*. («Исследования по русскому языку». Т. I). Санкт-Петербург.

PG 1859 — Migne J.-P. *Patrologia Graeca*. T. 52. Paris.

PL 1847 — Migne J.-P. *Patrologia Latina*. T. 66. Paris.

СОУРИ JA РОУСЬ XII SAJANDI KÄSIKIRJAS ЗЛАТОСТРУЙ

Anatoli Kuznetsov

Vene raamatuid puudutav fragment püha Cyrillose eluloos sai veenva seletuse Andre Vaillant'i ja Roman Jakobsoni töodes: esialgne *соурьскы* oli asendatud venekeelses variandis *роусьскы*'ga. Siiski jäi muudatuse aeg ebamääraseks. V. Živov, analüüsisides «Сказания о русской грамоте», jõudis järeldusele, et parandus oli tehtud 12. sajandil, kui Slavia Christiana jagunes kaheks: Slavia Romana и Slavia Orthodoxa'ks. Artiklis on ära toodud vanavene käsikirja *Златоструй* alusel (säilitatakse Vene Rahvusraamatukogus) «Слово о хананеянке», mille autoriks arvatakse olevat Johannes Krisostomus. Selles tekstis on olemas sarnased muudatused: sõna *соури* kõrval on teksti vahele kirjutatud *роусь* и *кривичи, вятичи*; barbarrahvuste loetellu on lisatud *роусьскою*. Seega võib muudatus püha Cyrillose eluloos olla tehtud XII sajandil, kui Hersonis ei olnud enam süürlaste sealviibimise jälgi.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слово о хананеянке воспроизводится по фотокопии, хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. Выражаю благодарность сотрудникам сектора исторической лексикографии, особенно В. Б. Крысько и С. И. Иорданиди, благодаря которым я имел возможность работать с фотокопией рукописи. Текст воспроизводится с разбивкой на слова, буква в букву, строка в строку, добавлены только знаки переноса. Полусмытые и полустертые знаки воспроизводятся серым цветом. Дыры в пергамене обозначены черными полукружьями и кружками.

175b

((ѿ · зѣла·ѡ · сѣ · ѡ хананѣн ·:

²⁰Бѣлнка зѣла · нз подвнза-
ннн прншьдзшннхз не
може оуставнтн · мно-
га нскоушеннн · нз крѣ-
постн башеа не ослабн-
²⁵ша · не прѣстаѣтъ црѣѣ
воюѣма · н одолѣваюцн · не-
навннма н непрѣборема ꙗ-
лншьдз бо вѣзмзслать на
ню · толнко ѡна растетъ а вѣ-
³⁰лнз разбнваютъсѣ о ню · ка-
мень же стонтъ неподвнжн-
мз · днньо оуѣннн · а пощн-
ю пѣннн · кто сѣ не нма уюдн-
тн н днѣнтн · ꙗкоже бо н дѣ-
³⁵ждь ндз на зѣлаю подвнза-
ѣ сѣмена · тако н нскоушенн-

175c

ѣ вѣ срдѣ вхѡдѣща · вѣзѡуѣа-
ѣтъ подвнзаннн · слово божн-
ѣ тѣмло недвнжнѡ · н вра-
та адака* не оудолѣють ꙗлѡ ·
⁵воюѣн на црѣѣ · сѣѣтъ разарѣ-
ѣтъ · снлоу свою сѣконьѡѡѡ-
ѣтъ · н нашю сѣѣтълѣнню
творнтъ побѣдоу н вѣннца
добрѣнша · нѡѣз добрѣ бѣ
¹⁰н прѣже того · нз потѡмъ до-
брѣн сѣ показѣ · не тольма
бо добрѣ бѣ ꙗгдаже сѣдра-
во тѣло нмѣѣше · н бѣз врѣ-
да · ꙗмлаже бѣз добрѣ · ꙗгда
¹⁵гноѣмъ врѣдѣ ꙗго вѣнъѡѡѡ-
аше · ннколнже не бѡнса нсѣѡ-

шеннн · аще дѣшю прнготоѡа-
ноу · аще дѣшю прнготоѡанѡ
на добро нмашн · ꙗкоже бо
²⁰н златѡу ѡнстоу не творнтъ
пакостн огнь · тако н крѣ-
пѣкаѡго не казнтъ пѣѡаль ·
ѡто творнтъ огнь златѡу ·:
не ѡнстѣѣ лн паѡѣ творнтъ ѣ ·
²⁵ѡто лн творнтъ пѣѡаль подѣ-
ѣмлющюмоу ю · тѣрпѣннѣ-
мъ вѣшьѣша творнтъ · лѣно-
стѣ ѡмѣѣтъ · дѣшю цѣломѡѡ-
дрѣнѣнню творнтъ · вѣ кѣ-
³⁰нхз наша соутъ вѣ долѣстн ·
вѣ кѣнхз лн соутъ вѣ осрамѣ
трѣгоѡѣѣ ѡѣхожю н не внжю
ѡ ннхз ннѣдннѡже* добра лн-
ствнѣ соутъ н вѣтрѣ вѣзѣѡѡ-
³⁵ѣ зѣмѣѡ ѡ · пѣѣѣѣ бѣнша
н вѣзѣѣѣѣѣ · слово** мѣѣѣѣѣѣ

* Так в ркп.

** Почти не читается, в греч.:
μόλυβδος ‘свинец’.

175d

бѣнша · н растекошасѣ н златѡ
прѣѣѣѣ ѡнсто · кто ѡ женѣтъ
на то · нз сѣѣѣѣѣ своѣ рѣтъ-
нннхз нмѣз бѣѣѣѣ · тѣѣѣ же
⁵по сѣгрѣшеннн вѣдѣтъ сѣ ѡто
творѣше · не бо нз н каннѣ ꙗ-
гда помѣснл оѡѣнтн брата
своѣго · подвнзаннн цѣѣѣѣ-
ше вѣ немъ · а кѣѣ сѣтворн грѣ-
¹⁰хз стѣна н трѣпѣща мнрѣ всѣ*
ѡѣхожѣаше · а снн · аще дѣѣѣ-
мъ не зѣѣѣѣѣ · то мѣѣѣѣѣѣ

закланнѣ съвършиша • по зъ-
 лоби онѣхъ • се ꙗко подвижанїе
 15 ѣ ваше потвържаа • да николѣ
 же бонтеса нскоушениа • не по-
 добно бо въсего време нестѣи-
 ти • о вражннхъ сѣгрѣшеннхъ •
 н отроута гладѣмъ толмѣа
 20 прѣзрѣти • взуера павѣа тѣ-
 пезоу постави • дньсь матѣе-
 а • не прѣбѣ охульниа • нз а-
 плѣ бѣ • н грабитель не бѣ • ан-
 хонмѣць • нз неѣганствъ • зако-
 25 ни бо врауиѣ соутъ • потомъ н
 бонни боудоутъ • уѣто несть мзи-
 тонмѣство • грѣхъ срама не н-
 мѣи • грабление насильное • то
 бо несть разбоннѣства зѣлѣ-
 30 ѣ • разбоннѣа бо срамѣетъ-
 са крадѣи • а съ сѣ дѣрзновенн-
 емъ грабѣти • нз тѣ мзѣтон-
 мѣць вѣскорѣ бѣи бѣговѣстѣ-
 ннѣа • како вѣскорѣ • ндѣи
 35 ꙗко вѣдѣ матѣеа сѣдаѣа на
 мзѣтѣннѣи • н ꙗко немоу ндѣи
 * Так в ркп.

176a

вѣсѣдѣ мене • н вѣставѣ ндѣ
 вѣсѣдѣ него • ѿ моѣи словѣ-
 си • прѣдѣ оуднѣи н пѣньни-
 ка бонна стѣорн • н калѣ на
 5 злато прѣмѣни • тѣмъ же
 да ннѣтоже не отѣуѣетъ
 сѣпсѣниа своѣго • нѣсть бо ѿ
 нестѣства ꙗко зѣлобѣ • нзѣо-
 леннѣмъ бо поучѣни неслѣ
 10 н свободоу • мзѣтонмѣць ан

неен • то аѣе хоѣеши можѣи
 бѣити неѣнѣганствъ • хоульнѣ-
 кѣ ан неен можѣи бѣити а-
 плѣ • разбоннѣа ан можѣи
 15 бѣи породоу вѣлѣстн • вѣлѣхъ
 ан неен можѣи поклонити-
 са вѣлѣцѣ • нѣ ннѣднѣгоже
 зѣла неже покѣаннѣи не нма-
 тѣ • тѣмъ же наѣульнѣкѣи
 20 въсего зѣла нзѣра хѣа • да нн-
 кѣтоже до сѣмѣртн не ѿѣаѣ-
 тѣса • не ꙗко ан нзѣлѣа не-
 сѣмъ да нѣ лѣзѣ ан • не ꙗко ан
 много сѣгрѣшнѣа неслѣ • да
 25 уѣто хоѣи стѣорити • враѣа н-
 машн вѣшѣша неѣдоуѣъ вѣсѣ-
 хъ • оѣоѣѣѣа всен неѣдоуѣъ-
 нѣн снѣа • враѣа нмашн бо-
 лею тѣ враѣѣѣѣа • враѣа н-
 машн словѣсѣмъ цѣлѣѣа • сѣ-
 зѣда бо тѣ н хоѣѣѣа н моѣоу-
 ѣа • ан болѣзньнѣнѣхъ не
 можѣтѣ неѣѣлѣнтн • то не вѣ-
 зѣ ан пѣрѣстн ѿ зѣмѣа дрѣвѣа •
 35 н сѣзѣда ꙗко • вѣнѣ хѣѣтрѣ-
 ѣа како пѣрѣстѣи пѣлѣтѣ сѣ-

176b

тѣорн • како жнѣи • како ко-
 стн • како коѣю • како жѣзѣи •
 како ноздрн • како ѿѣн • како
 зѣннѣи • како бѣзѣн • како а-
 зѣкѣ • како пѣрсн • како оушн •
 5 како роуѣъ • како нозѣъ • како
 нно все • не ѣднѣи ан бѣ зѣмѣа
 въсѣ то • нз тѣ хѣѣтрѣъ нзѣмѣ-
 ѣѣтанѣоу сѣтѣорн тѣарѣ • неѣа

10. МОЖЕШН ѠБРАЗА СКАЗАТИ •
ПО НЕМОУЖЕ ИСН СТВОРЕНА • ТЪ-
МЪ ЖЕ Н СЕГО ТАКО ЖЕ НЕ МОЖЕ-
ШН СКАЗАТИ ОБРАЗА • ПО НЕ-
МОУЖЕ ОУНЦАИЕТЪ ГРѢХЪ • А-
15.ЩЕ БО ѠГНЬ ВЪПАДАИ ВЪ ТРЪ-
СТНИИ ПОПАЛАИЕТЪ СКОРО • ТО МЪ-
НОЗЕМЪ ПАУЕ ПОВЕЛѢННІЕ БН-
ІЕ НСТЪРЗАИЕТЪ ГРѢХЪ НАША •
Н НЕСГРѢШНЕВШЮМОУ СГРѢ-
20.ШНЕВШААГО ПОДОБНА ТВОРИ-
ТЬ • НЕ НИЦН ОБРАЗА • НЕ НСПИ-
ТОВАН БЫВАЮЩААГО • НЪ ВЪ-
РОУН ТЪКЪМО ВЕЩН • СГРѢ-
ШЕННИА БО РЕУЕ МОА МНОГА
25.Н ВЕЛНКА СОУТЬ • ТО КТО ІЕ БЕ-
З ГРѢХА • НЪ АЗЪ РЕУЕ ЗЛАМА
ПАУЕ ВЪСѢХЪ ЫКЪЗІ СЪТВОРНХЪ
ДОВЪЛІЕТЕ ТН СЕ РЕУЕ ЖЪРТВѢ •
ГЛН ТЪЗ ПЪРВЕІЕ ГРѢХЪ СВОА
30.ДА ОУНСТНШСА • ПОЗНАН ІА-
КО СГРѢШНАЗ ІЕСН • Н ВЪ НА-
УАТЪЦѢ НСПРАВЛЕННІА ДРА-
ХЪ БОУДН • БОУДН ОУНІМЪ
ПРОЛѢН СЛЪЗЪ • ІЕДА БО ННО
35.УЪТО НМЪ БЛОУДНИЦА • РА-
ЗЕВЪ ПОКАИАННІА ТН СЛЪЗЪ •

176с
и прѣде кѣ нстѣсѣннѣкоу • и се
же на старѣѣ ѿроужѣнѣ днѣ-
воле • нс порождѣ ма нзгѣна-
вѣшнѣ • мати грѣха • сама
5 же науннѣетъ • велѣно ѹѣ-
до и прѣднѣвѣно • жѣдовѣ оубѣ-
гаютъ ѣго • жѣна и гонѣтъ* • и
се жѣна ѿ прѣдѣлѣз онѣхъ вѣ-

ЛЕЗЪШН • МОЛАШЕ Н ГЛЮЩН •
10 ГН СНОУ ДѢДЪЗ ПОМНОУН МА •
НЕ НМАМЪ БО НСПРАВЛЕНА ЖИ-
ТННА • НЕ НМАМЪ ВЪСПРАШЕ-
НННА ѿ ДЕЛЕСЪ ЗЪЛЪ • КЪ МЛСТН-
КОМОУ ПРНѢГАЮ Н ОБЪЩЕМЪ
15 ГРѢШНЫНЪЗ ПРНСТАННЦѢ
КЪ МЛСТН ПРНѢГАЮ • КЪ НЕН-
СПИТАНЕМОМОУ СПШЕННЮ •
ТО УЬТО ВДѢ СНЦА ЗЪЛА СОУЩН
БЕЗАКОНЬННЦА • КАКО ДЪРЗНѢ
20 ПРНСТОУПНТН • Н ВНЖЪ МОУ-
ДРОСТЬ ЖЕНЪ • НЕ БО ПОЗЪВА Н-
КАКОВА НѢАНА • НН • ПРНСТОУ-
ПН КЪ ПЕТРОУ • НЪ СЪКРАТН ВРѢ-
МА • НЕ ТРѢБОУЮ РЕЧЕ ХОДАТА-
25 КА • НЪ ВЪЗЪМЪШН ПОКАЯНІЕ
• КЪ САМОМОУ НСТОУННКОУ
ПРНДЕ • Н КЪ ЦѢЛНТЕЛОУ • ѿ НЕ-
НЪГЛѢАНОГО УЛКОМОЕННА ВЛЧНА •
ГОРѢ ХѢРОВНМЪ ТРЕПЕЩЮТЬ
30 ЕГО • А ДОЛѢ БЛОУДННЦА БЕСѢ-
ДОУЕ СЪ ННМЪ • НАГО СЛОВО Н
ПОУЧННА НЕСЪВѢДОМА СПШЕНІЕ
КА • ПОМНОУН МА • ТОГО БО ДѢ-
ЛА ЕСН ПРНШЪЛЪ • ГОРѢ ТРЕПЕ-
25 ТЪ • А ДОЛѢ ДРЪЗНОВЕННІЕ • УЬ-
ТО ЕСТЬ МЛСТН ПРОШЮ • УН-
* καταδιώκει 'стремится к;
следует за'.

176d
 МЪ СТРАЖЕШН • ДЪЩН МН ЗЪ-
 ЛЪ БЪСНТЬСА • МЛѢДАНІЕ ОБОУ-
 ЧАНЕТЬСА • НЗНДЕ ПОМОЩЬНИН-
 КЪ ДЪЩЕРН ТВОЕН • НЕ НОСНТЬ
 БО КАЗА • НЪ НОСНТЬ КЪРЮУ БЪ

БО ІЕСТЬ Н БѢСА ВІДНѢТЬ • УБѢТО
 СТВОРЮ ОУЖЕ НІЗГІБНОУ • ПО-
 УБѢТО БО НЕ РЕХЪ ПОМІНЛОУН
 МН ДѢЩЕРЬ • НЪ ПОМІНЛОУН
¹⁰МА • ОНА БО НЕ РАЗОУМѢАШЕ
 КЪ ЮЮБСТВѢ СТѢТН • НЕ ВѢДА-
 АШЕ СѦ УБѢТО СТРАЖЮЩН • НЕ БО
 ЮЮБЕТЬ БОЛѢЗНН • ДА КАМО Н-
 ДОУ • КЪ ПОУСТЪІННО ЛН • НЪ НЕ
¹⁵СЪМЛѢЮ СЕІА ОСТАВІТН ІЕДН-
 НОІА • ДОМЪ ЛН НЪ НЕ ОБРАЩЮ
 ІЕІА • ОУТРЬ РАТЬ Н КЪІНЪІ • МЪ-
 РТВОУ ЛН Ю НАРЕКОУ • НЪ ДѢН-
 ЖНТЬСѦ • НЪ ЖНКОУ ЛН • НЪ НЕ
²⁰ВѢСТЬ СѦ УБѢТО ТВОРАЩН • НЕ
 ОУМЛѢЮ ѿБРЕЩЕНН ІМЕНЕ ПРО-
 ТЪІКОВѦ СТѢТН СЕІА ГОРЬКЪІ-
 ІА • ПОМІНЛОУН МА РЕЧЕ АЩЕ
 БЪІ ДѢЩН МОІА МЪРЛА • НЕ БЪІ-
²⁵ХЪ СЕІНКО СТРАДАЛА • ПРѢДА-
 ЛА БО Ю БЪІХЪ ЗЕМЛЫНІНМА
 ПАЗОУХОМА • Н ІЗІНЕ МЪ-
 РТВОУ ІНМАМЪ ДѢШЮ • ПОЗОРЪ
 МН ТВОРАЩЮ • ПОНАВЛАЮ-
³⁰ЩЮ СТРОУПЪІ МОІА • ОУМЪНО-
 ЖАЮЩЮ СТѢТЪ • КАКО ІНМА-
 МЪ ВІДѢТН • ОУН РАЗКРАЩА-
 ЮЩН СѦ • РОУЦѢ ІСКРІВЛЮЩЮ
 • ПЛЕННІЦА РАСТЪРЪІАЕМЪІ
³⁵ПЪІНЪІ ТЪЩАЩЮ • ВОІННА ОУ-
 ТРЬ ОУЩА Н НЕВІДІМА • ВІН-

177a

ЮЩА Ю НЕВІДІМО • А РАНЪІ ВІН-
 ДІМО БЪІКАЮЩА • СТОЮ ЗЪРѦ-
 ЩН АКЪІ ТОУЖННХЪ ЗЪІНН •
 А ОУЩЕСТВОУ МА БОДОУЩЮ •

⁵ПОМІНЛОУН МА • ЗЪІЛО МН БѢ-
 ДНА БОУРА • СТѢТЪ ІЕСТЬСТВА
 Н СТѢТЪ БѢСА БЛАЖНІТЪ МА •
 НЪ ПОМЫСІА МОУДРОІЮБЕНІЕ
 ЖЕНЪІ СЕІА • НЕ НДЕ КЪ КЪІХЪО-
¹⁰МЪ • НЕ ПОУСТН КЪ ІАРОДѢНЦА-
 МЪ • НЕ НАІА ВРАУЮЩННХЪ
 ЖЕНЪ • ОБОУІАЮЩНХЪ БѢСЪІ •
 Н РАСТАЩНХЪ СТѢТН • НЪ ОСТА-
 ВН ДІАВОЛОУ ДѢТЕЛЪ • Н ПРН-
¹⁵ДЕ КЪ СПІСЕНІЮ ДѢШЪ НАШНХЪ •
 ВѢСТЕ СТѢТЪ СНО БЪІВЪІШНН
 ОЩН Н МАТЕРН • ПОМОЗЪТЕ
 МН СЛОВЕСЕ • ІЕІНКОЖЕ ВАСЪ МА-
 ТЕРНН БЪІСТЬ • НЕ МОГОУ БО ПР-
²⁰ТЪІКОВАТН ЮЖЕ ТЪІГДА ПОДЪ-
 ІАТА ЖЕНА • ВІДѢЛН МОУДРО-
 ІЮБЕНІЕ ЖЕНЪІ • ВІДѢЛН ТЪ-
 РПЕННІЕ • ПОМІНЛОУН МА
 ДѢЩН МН ЗЪІЛЪ БѢСНТЬСѦ •
²⁵ОНЪ ЖЕ НЕ ОТЪВѢЩА ІЕН СЛОВЕ-
 СЕ • НОВА ІЮДЕСА • МОІАНТЬСѦ
 ПРОСНТЬ • ПЛАЧЕТЪСѦ СЪРАЩА
 ДѢЛА • РАСТНТЬ ЖАЛОСТЬ • Н-
 СПОВѢДАЮТЬ БОЛѢЗНЬ • Н ІЛКО-
³⁰ЛЮЦЬ НЕ ѿВѢЩАЮАЮТЬ • СЛОВО
 МЪІЛЮНТЬ • ІСТОУБНННЪІ ЗА-
 ТВОРН СѦ • ВРАУА БЪІІАНА СЪ-
 КРЪІКАЮТЬ • ѿ ВЕІЕДНЕЪ ПРЪ-
 ІЮДЫНЪІН* • НА ННЪІ ТЕЧЕШН
²⁵А СНО ТЕКОУЩЮ КЪ ТЕБѢ ѿГОНН-
 ШН • НЪ ПОМЫСІА ВРАУЕКОУ
 *ті το παράδοξον 'что за
 странность'

177b

МОУДРОСТЬ • НЕ ѿВѢЩА ІЕН СЛО-

БЕСЕ • УЬСО ДѢЛА • НЕ СЛОВЕСИ БО
 НСПИТАШЕ НЪ БѢДОУ СРДЦЬ-
 НОЮ ПОЗНАВАШЕ • Н КЪДЕ НЕ
 5 ПОЛОУЧН ѠВѢТА • ПРНШѢДЪ-
 ШЕ ОУЧЕНИЦН ГЛАША ИМОУ •
 ПОУСТН Ю ЗОВЕТЬ БО ВЪСЛѢДЪ
 НАСЪ • Ѡ АПЛН • ВЪЗВНѢШЬНЕ-
 НЕ ВНАДТЕ ЗЪВАННІЕ • А ОНЪ ОУ-
 10 ТРЪНЕНЕ • ВЕЛНКО ЗЪВАННІЕ
 ОУСТЪ • НЪ БОЛШН СРДЦЬНОЕ •
 ПОУСТН Ю РЕУЕ ДРОУГЪН НУНГЕ-
 ЛСТЪ • ПРѢДЪ НАМН БО ЗОВЕТЬ
 НЕ ИАКО ПРОТНВЪНА СОУТЬ ГЛѢ-
 15 МАА • НЪ НЕ ЛЪЖА • ОБОНЕ БО ТВО-
 РАШЕ • ДРѢВЛЕ БО СЕГО • ЗА ННМН
 ЗЪВААШЕ • ДА КЪДЕ НЕ ѠВѢЩА
 ИЕН • ПРНДЕ ИАКО ПЬСЪ • НОЗЪ
 ОБАНЗАА ВЛДЦЬНН • СЪБОРН-
 20 ЦЕ НАРОДЪ СЪВЪЗКОУПН • СТЪ-
 ДѢННІЕ БО УЛѢУЬСКОЕ ВНАД-
 ХОУ ОНН • ГЪ ЖЕ МОУДРОМОЕН-
 ІЕ • Н СПСННІЕ ЖЕНЪ • РЕУЕ БО
 НѢСМЪ ПОУЩЕНЪ • *ВЪ ОБЪЦА
 25 ПОГЪБЕШАА ДОМОУ НЪЛѢА •
 Н КЪДЕ ѠВѢЩА • ТОУ ГОРЬШО
 СТВОРН ІАЗВОУ • ТЪКЪМО РЕУЕ
 ВЪ ѠВЪЦА ПОГЪБЕШАА • ДО-
 МОУ НЪЛѢА • **ТѢХЪ ЛН ІЕДННѢ-
 30 ХЪ ТѢЛО ВЪЗЪА • Н УЛѢЪА • БЪ
 Н ТАКЪ СТРОА СЪСТА- ●
 ВН ** • ДА ТЪКЪМО ІЕДН- ●
 НОУ СТРАНОУ СПСЕШН • Н ТОУ
 ЖЕ ПОГЪБЕНОУТН ХОТАЩОУ
 35 А МНРЪ ВЪСЪ ПОУСТЪ • СКУФРА-
 КЕ • ННДЕ • МАВРЕ • КАПАДОКЕ •
 *Пропуск слова развѣ,
 см. 177с 29–31

*** Гр.: Διὰ τοῦτο ἄνθρωπος
 ἐγένου, σάρκα ἀνέλαδες,
 οἰκονομίας τοσαύτας εἰργάσω –
 все глаголы 2-го лица.

177с

СОУРН • Н РОУСЬ • Н КРНВНУН • ВЪ-
 ТНУН • Н ІЕЛНКОЖЕ СЛНЦЕ ОБЪ-
 ЗНРАЕТЬ ЗЕМЛА • ЖНДОБЪ ЛН
 ДѢЛА ІЕДННѢХЪ ПРНДЕ • А СТРА-
 5 НЪ ПОУСТЪ ОСТАВЪ • Н НЕБРѢ-
 ЖЕШН ОЦА СВОЕГО ОХОУЛІЕМА •
 КОУМІРН ВЪ УБСТН СОУЩЕ • Н СО-
 ТОНАМЪ СЛОУЖНМО • ЦѢ Н ПРО-
 РОКОМЪ ГЛЩЕМЪ О ТЕБѢ • Н-
 10 ЖЕ БО ІЕСТЬ ПО ПЛЪТН ДѢДЪ ТВО-
 Н ТО ГЛѢТЬ • ПРОСН ОУ МЕНЕ Н
 ДАМЪ ТН СТРАНЪ • ДОСТОАНИ-
 ІЕ ТВОЕ Н ѠЛАСТЬ ТВОЮ ДО КО-
 НЬЦЪ ЗЕМЛА • НСАНИ ЖЕ ГЛТЬ
 15 СЪРАФНМЪСКЪН ВНАДТЕЛЪ •
 Н ВЪСТАНАЕТЬ КОРЕНЬ НОСѢОВЪ •
 СТАРѢНШННЪСТВОВАТЪ СТРА-
 НАМЪ • НА ТОГО БО СТРАНЪ Н-
 МОУТЬ ОУПЪВАТН • Н ДѢДЪ ЖЕ
 20 ПАКЪ РЕУЕ • НЗБРАВЪ ДОСТОА-
 ННІЕ ДОБРОТОУ НІАКОВЮ ЮЖЕ
 ВЪЗЪАЮЕН • Н ПАКЪ РАДОУНТЕ-
 СА СТРАНЪ СЪ ЛЮДМН ІЕГО • Н
 ТЪЖЕ САМЪ РЕУЕ ШЪДЪШЕ НАДЪ-
 25 УНТЕ ВЪСА ІАЗЫКЪ • КРЪСТА-
 ЦЕІА ВЪ НМА ОЦА Н СНА Н СТА-
 АГО ДХА • Н ІЕГДА ПРНДЕ СЪМѢРЕ-
 НАА СН • Ѡ ДЪЩЕРН МОЛАЦН •
 ТЪГДА ЖЕ ТЪ ГЛѢШН • НѢСМЪ
 30 ПОУ-●ЩЕНЪ • РАЗВѢ ВЪ ОБЪЦА
 ● ПОГЪБЕШАА ДОМОУ

н-¹³—¹³зѣла • нѣгда сѣтънн-
кѣ прѣде • то ѿвѣща юмоу
рекѣ • азъ пришѣдѣ нсѣблю
н • н ѣгда разбѣнннкоу реуе
дѣньсѣ сѣ мѣноу нсн вѣ ран •

177d

н раслабленомоу вѣзѣмн одрѣ
тѣсн • н нѣн вѣ домѣ сн • н ѣгда
лазорѣ нѣ мѣртѣвнхѣ вѣскрѣ-
сн • словѣмѣ тѣуно рекѣ лѣзо-
⁵рѣ лѣзн вѣнѣ • н нѣлѣзѣ уѣтѣ-
рн дѣнн нмѣ вѣ гробѣ • прокѣ-
женѣнѣ оуниѣнѣшн • раслабѣ-
ленѣнѣ оутѣрѣженѣшн • слѣ-
пѣнѣ просѣѣнѣшн • разбѣ-
¹⁰нннкѣ спѣнѣшн • блѣдѣнн-
ѣнѣ унѣтѣнѣнѣ дѣвѣнѣ тѣорн-
шн • да уѣто дѣвѣнѣнѣ сѣ • уѣто
лн уѣдѣнѣнѣ сѣ нѣ вѣнемѣтѣ
сѣ глѣубѣскѣннѣмѣ нспѣ-
¹⁵таннѣмѣ • молю вѣи да ра-
зѣумѣѣтѣ доблѣстѣ женѣи
сѣнѣ • н вѣдѣнѣ уѣлѣомѣнѣнѣ •
н мѣсѣрѣнѣ да разѣумѣѣтѣ тѣ-
рпѣннѣмѣ • прѣнѣбрѣтѣннѣ
²⁰соуѣнѣ вѣанѣко • да аѣнѣ " вѣ молн-
тѣѣ прѣснѣшн уѣсѣ • тн не полѣ
уѣнѣшн • ннѣколнѣже не оѣстоуѣпа-
нн ннѣслабѣлѣн • нѣнѣ оуѣкрѣпн сѣ •
нѣгда бо нѣгупѣтѣсѣааго моу-
²⁵ѣннѣнѣ нѣзѣдѣшѣ жнѣдѣе • н
фѣраснѣоу роуѣкоу нѣзѣвѣгѣшѣ
вѣ поуѣстѣннѣоу нѣдѣаѣоу • н хо-
тѣаѣоу вѣзннѣтн вѣ хѣанѣнѣ-
нѣскоу земѣлю • нѣдеже коуѣмн-
³⁰роуѣ слѣуѣжаѣоу н поклѣнѣ-

хоуѣсѣ нмѣ • заповѣдѣа жнѣ-
домѣ гѣ гѣлѣ снн заѣконѣ не
нмѣтн ѿ сѣноуѣ нѣхѣ заѣтнн •
ннѣ вѣдѣаѣтн за сѣнѣ нѣхѣ дѣ-
³⁵ѣрѣ сѣоуѣхѣ • ннѣ оѣѣѣнѣтнѣсѣ
ннѣуѣнѣмѣже нмѣтн • ннѣ коуѣ-

178a

пнѣтн оу ннѣхѣ • ннѣ прѣдѣаѣтн
нмѣ • ннѣ вѣзѣтн • да тѣеѣ дрѣ-
га нмѣ не сѣтѣорнѣтн нѣ вѣра-
гѣ нмѣ боуѣдн • тѣѣмѣ же прѣ-
⁵градоуѣнѣ нарѣуе заѣконѣ • ѣаѣко-
же бо оѣкрѣстѣ вннѣограѣа оѣгра-
женнѣнѣ стѣнтѣ • тако н жнѣдо-
мѣ заѣконѣ • да не прѣѣстоуѣ-
плѣшѣ сѣмѣѣсѣтѣсѣ сѣ хѣанѣ-
¹⁰нѣнѣ • бѣѣаѣхоу бо вѣзѣаѣконнѣа
сѣмѣѣшеннѣнѣ нѣхѣ • коуѣмнѣ-
рн уѣтоѣмн • а оѣѣнѣ оѣпѣлѣѣѣнѣ-
мн • н мѣтернѣнѣ неуѣѣтоѣмѣ •
сѣтѣорннѣнѣскѣннѣмѣ бо жнѣтнѣ-
¹⁵нѣмѣ жнѣѣаѣхоу • нѣ вѣ сѣѣѣѣ
рѣуе тѣорнѣтн коуѣпѣ • вѣ сѣѣѣѣ
бѣрѣкѣ • вѣ сѣѣѣѣ прѣомѣнѣнѣ • ѿ-
вѣрѣжено бо бѣѣашѣ вѣ заѣконѣ
коуѣпѣ тѣорнѣтн сѣ хѣанѣнѣ-
²⁰н • да не дрѣуѣжѣѣа ннѣѣаѣкоже
сѣѣоѣѣѣнѣтѣ тѣа сѣ ннѣмн • нѣ
заѣконѣ оѣлѣѣѣаашѣ вѣ оѣгра-
да мѣѣсто • вннѣограѣаѣа бо рѣ
наѣсѣднѣхѣ • н оѣграѣдѣмѣ оѣгра-
²⁵днѣхѣ • ѿѣграѣаѣа же не ѿ тѣрннѣ-
ѣа • нѣ ѿ заѣповѣдн • н растѣѣѣа-
ѣѣѣѣ мѣѣжѣю нмн • ѿѣѣрѣженнѣ же
соуѣнѣ хѣанѣнѣнѣ гнѣоуѣсѣннѣнѣ н
скѣѣѣрнѣѣнѣнѣ • неуѣѣѣѣтѣнѣнѣ • н не-

³⁰УНСТН • НН СЛЗШАТН НХЪ ХО-
ТЪАХΟΥ • ЖНДОВЕ • ЗАКОНЪ СЪ-
БЛОДАЮЩЕ • Н СЪКОНЪУАВАЮ-
ЩЕ • Ѡ ТЪХЪ ОУБО ХАНАНЪН •
ЖЕНА ѠНА БЪАШЕ • ЯЖЕ ПРНДЕ
³⁵КЪ ХЪОУ • ХЪЪ ЖЕ НЕ ѠВЪЩА ИЕН •
ПОЛЪЗНА СЛОВЕСЕ • ЖНДОМЪ НЕ

178b

ХОТЪ НСПЪРА ДАТН • ДА НЕ НАУЫНЪ-
ТЬ ЖНДОВЕ ГЛАТН • НЕ МОГЪ СЪВЪ-
РШНТН ЗАКОНА • ТОГО ДЪЛА РА-
ЗОРН • НЪ НЕ ГЛЕТЪ ИЕН ННУЕСОЖЕ •
⁵ЖЕНА ПОЗОРНИЩЕ СЪБЪРА • Н ИЩЕ
НЕ ПРИЕМЛЕТЪ ѠВЪТА • СН ТВО-
РАШЕ НЕ ПРОТНКОУ СВОЮМОУ СА-
НОУ • НЪ ПРОТНКОУ БЕЗУМУННО
ЖНДОВЪ • Ѡ БЕЗУМУННЕ ЖНДО-
¹⁰ВЪСКО • НЕ БО ИГДА ПРОКАЖЕНА-
АГО НСЦЪЛН ХЪЪ • НДН РЕУЕ Н ПРН-
НЕСН ДАРЪ ТВОН • НЖЕ ИЕСТЬ ЗА-
ПОВЪДАМЪ МОУСН • САМЪ Ѡ-
УНЩЕ • Н ПОУЩАИЕТЪ КЪ ЗАКО-
¹⁵НОУ МОУСННОУ • ТВОРНТЬ ЖЕ
ТО ЖНДОВЪ ДЪЛЪМА • КЪНХЪ
ЖНДОВЪ НЕ НЕСЪМЪЗЫСЪЛНЪ-
НХЪ ЛН • ДА НЕ НАУЫНОУТЬ ПО-
НМЪ ДЪАТН Н О СЕМЪ ЯКО ПРЪ-
²⁰СТОУПН ЗАКОНЪ • Н СЕ ПРОКАЖЕ-
НЪ ПРНСТОУПЪ МОЛАШЕ Н ГЛА •
ГН АЩЕ ХОЩЕШН МОЖЕШН МА
ОУНСТНТН • Н ПРОСТЪРЪ РОУКЪ
ПРНКОСНОУСА КЪ НЕМОУ ГЛА •
²⁵ХОЩЮ ОУНСТНСА • ВЪ ПОМОСЪ
ЖЕ НЕПОДОБНО БЪ ПРНКАСА-
ТНСА КЪ ПРОКАЖЕНОУМОУ
НЪ ПОУЪТО ПРНКОСНОУСА • ...

ТА НАКАЖЕТЪ • Н ОУВЪСН ЯКО
³⁰НЪЕСТЬ РАБЪ ПОВНННЪ ЗАКО-
НОУ • НЪ ЯКОЖЕ ВЛАКА ИЕСТЬ •
Н ѠБЛАДЪН ЗАКОНЪМЪ Н ИЕ-
ГДА ПРНДЕ БОКОВОДА НЕЕММА-
НЪ СОУРННЪ* • КЪ ПРРЪКОУ ИЕН-
³⁵СЪЮ • ПРОКАЖЕННЕМЪ ОДЪ-
РЖНМЪ • ГЛА ИЕМОУ ОУУЕНН-
* Гр.: Νεαιμάν ό στρατηλάτης

178c

КЪ СВОН • СЕ ● БОКОВОДА КЪНЪ СТО-
НТЬ • ѠВЪЩА Н ИЕМОУ УЪТО • Н-
ДН РЕУЕ НЪМЪНСА ВЪ НЪРДА-
НЪ • А НЕ СЪМЪ НЪЛЪСТН ВН-
⁵ДЪТЪ ПРОКАЖЕНААГО • ДА НЕ
РЕКОУТЬ ЖНДОВЕ ЯКО ИЕН-
СЪН ѠУНСТН • Н ТОУ АБННЕ
ОУНСТНСА • КАКО НЕ ОБРАЩЕ-
ТЬ НЕУАНГАНСТЪ РЕЩН СЛОВЕ-
¹⁰СЕ • ТЪУЫНА СКОРОСТН • Н ТОУ
АБННЕ ВЪЛОВЬНО ИЕСТЬ ПРН СКО-
РЪМЪ ТОМЪ ОУНЩЕННН • ТА-
КО ЖЕ Н СН ГЛЕТЪ • ПОМНЛОУ-
Н МА ДЪЩН МН ЗЪЛЪ БЪСН-
¹⁵ТЬСА • ОНЪ ЖЕ НЕ ОТЪВЪЩА ИЕ-
Н СЛОВЕСН • Н ПРНШЪДЪШЕ ОУ-
УЕННЦН ИЕГО РЪША ИЕМОУ •
ПОУСТН Ю ЯКО ЗОВЕТЪ ВЪСЛЪ-
ДЪ НАСЪ • УТО ЖЕ ОУБО ХЪЪ • НЪ-
²⁰СМЪ ПОУЩЕНЪ ННАМО НЪ ВЪ
ОВЪЦА ПОГЪБЪШАМА ДОМОУ
НЪЛЪА • ДА НЕ РЕКОУТЬ ЖНДО-
ВЕ ОСТАВНЪ НАСЪ • НДЕ КЪ ХА-
НАНЪОМЪ • ТОГО ДЪЛА НЕ БЪ-
²⁵РОВАХОМЪ ТН • ѠНА ЖЕ РЕУЕ
ГН ПОМАГАН МН • ЗЪРН ѠВЪ-

²⁵ прѣмѣны • заммы • села • н
 нмѣнниа сѣкоупленне • дрѣ-
 гы • прнеытъкы вьсакоа-
 уьскыа • днаблѣ бо прока-
 знкъ сы • н зѣлокъзннкъ •
³⁰ н бѣды ѡко въ вѣѣ мѣтѣы
 велнка дѣянниа сѣвѣршаю-
 тьса • да тѣгда пауе прнла-
 жеть онѣ блазньнѣ насѣ •
 не дадынъ въ тѣ уасѣ помол-
 антнса о грѣсѣхъ • многа-
³⁵ шьды же лежнмъ на одрѣ •

* Так в ркп.

** Так в ркп.

179b

н ннуьсоже пакостьна не тво-
 рнтъ ны тоу • мѣтѣоу же а-
 ще боудеть сѣтворнтн ны •
 тьмаин помѣшленниа •
⁵ наложнтъ на срдѣца наша
 хотѣ да нзведетъ ны тѣща
 да н тѣ възлюблене оубо •
 вѣды то подражанъ хананѣ-
 ю • моужьженюу • нѣ не нма-
¹⁰ шн дщере бѣсащаса • нѣ дшю
 сѣгрѣшаюцю • да уьто глѣ
 хананѣа • помнлоун ма
 дщн мн злѣ бѣснтьса •
 н тѣ рыцн помнлоун ма
¹⁵ велнкъ бо бѣсѣ нсть грѣхъ •
 мало слово • помнлоун ма
 нѣ поуунна ѡлкомбннѣ • н-
 де же бо мѣсть • тоу вьсе добро
 аще н вѣнѣ црѣкѣ стоншн •
²⁰ то зовн н глѣ помнлоун ма
 не двнжа оустьнама • нѣ мзи-
 слню глѣ • н мзлауаща бо те-

бѣ послушанетъ бѣ • не трѣ-
 боуютъса мѣста мѣтѣ нѣ
²⁵ вьсѣде нравѣ добрѣ • нѣ ере-
 мниа бо въ тннѣ бѣ нѣ бѣ
 прнблнжн къ себѣ • даннлѣ
 въ роуѣ бѣ сѣ лѣкы • н бѣоу по-
 молнзѣса спсѣса ѡ ннхъ •
³⁰ трнѣ отро-цн въ пещн бѣ-
 ша н бѣ мо-лаще нзѣы-
 ша огнн того • разбонннкъ
 распѣтъ бѣнть н ннкоѣа-
 же пакостн не сѣтворн ѡмѣ
³⁵ крѣтъ • нѣ породоу ѡмоу ѡ-
 бьрзе • нѣвъ на гнонцн бѣ-

179c

аше • нѣ бѣ оумлѣрдн • да аще
 н въ полатѣ нсн то молнса •
 нлн прѣдѣ соуднѣю стоншн
 то молн бѣ • како тнн прн
⁵ моуисн • море бѣаше прѣ-
 дѣ нѣуптанѣ сѣзѣдѣ женѣ-
 ахоу • посреде нхъ моуисн бѣ-
 аше • многа тѣснннѣ • мо-
 лнтѣ • н ннуьсоже не глѣаше
¹⁰ монсн • нѣ реуе ѡмоу бѣ уь-
 то възпнѣшн къ мѣнѣ оуста
 тн не глѣють • нѣ срдѣце тн вѣ-
 пнѣть • да н тѣ нѣгда стане-
 шн прѣдѣ соуднѣю • неисто-
¹⁵ вѣствоующннмъ • н моуѡа-
 цннмъ тѣ • нлн конномѣ
 нѣо въ роуцѣ вѣлѣзѣшн мо-
 лнса бѣоу • молащю бо тн са
 вѣлнзы твоѣа оудобѣ оутн-
²⁰ шнтѣ • соуднн на тѣ ярѣса
 а тѣ къ бѣоу прнѣвѣган • бѣ

БО ІЕСТЬ ВЪСЪДЕ СЪ ТОБОЮ •
 ПОМАГАЮ ТИ • АЩЕ БО ХОЩЕ-
 ШИ ПОМНЛОВАТИ УЛѢА ДРѢ-
²⁵ГОНЦИ ПЕУАЛЫЗ БОУДЕ • ДРѢ-
 ГОНЦИ СЪПАТИ НАУЧЕНЕТЬ •
 СЛОУЖАН ІЕМОУ НЕ ѠВѢЩАНЕ-
 ТЬ ТИ • А ОУ БѢА • НѢ НИКАКОГО-
 ЖЕ ТАКОГО • НЪ КАМО ЛЮБО ДА
³⁰НДЕШИ • ТО ВЪ—СЪДЕ ПОСЛѢ-
 ШАНЕТЬ ТЕБЕ —• НИ БРАТА-
 РЬ БО ТОУ НИ СТРОНТЕЛЪ • НИ
 ХОДАТАН • НИ СЛОУЖИТЕЛЪ •
 НИ НИКЪИЖЕ Ѡ НИХЪ • НЪ РЬ
³⁵ЦИ ПОМНЛОУН МА • Н БѢА ПРИ-
 НДЕТЬ СКОРО ГЛЮЩЮ ТИ • Н РЕ-

179d

УЕТЬ СЕ АЗЪ ІЕСМЬ • О СЛОВО КРОТО-
 СТИ ПЪЛНО • Н НЕ ПОЖИДАЕТЬ
 МЛѢЗЫ СЪКОНЪУАТИ • ДА Н
 МЪІ БРАТНІА СНО ПОДРАЖАН-
⁵МЪ ХАНАНИТНІЮ • ІАКОЖЕ
 РЕУЕ ПОМНЛОУН МА ДЪЦИ МН
 ЗДѢВЪСНТЬСѢА • Н РЕУЕ ІЕН ХЪЗ
 ГЪ НАШЪ МЛѢТНІВЪІН • Ѡ ЖЕНО
 ВЕЛНКА ТВОЯ ВѢРА БОУДН ТИ
¹⁰ІАКОЖЕ ХОЩЕШИ • КЪДЕ ІЕРЕТН-
 ЦИ ОУЖЕ ТОУ • ІЕДА ВѢЩА ДА ПО-
 МОЛО ОЦА • ІЕДА ВѢЩА ДА ПРОШѢ
 ОУРОДНІВЪШАГО МА ПОМОЩИ
 Ѡ ЖЕНО ВЕЛНКА ТВОЯ ВѢРА • ОУ-
¹⁵МРЕ ЖЕНА • НЪ ХВАЛА ІЕІА ПРѢ-
 БЪІВАНЕТЬ • ЦРѢА ВЪНЬЦА СВѢ-
 ТЪЛЪНШИ • КАМО ЛЮБО ДА Н-
 ДЕШИ • СЪІШНШИ ХЪА ГЛЮЩА
 ВЪСЪДЕ • О ЖЕНО • ВЕЛНКА ВѢРА
²⁰ТВОЯ • ВЪЛЪЗН ВЪ ЦРѢВЪ ПЪ-

СЬСКОУ • ВЪ ГОФЪСЬСКОУ ЖЕ Н ВЪ
 ВАРВАРЬСКОУ • ВЪ КОЮЮ ЛЮБО
 СТРАНОУ ЦРѢВЕ Н ВЪ РОУСЬСКОУ-
 Ю • ІЕЛНКО СЛѢЩЕ ОБЪЗІРАІЕТЬ
²⁵ЗЕМЛЮ • Н ОУСЪІШНШИ Ѡ ЖЕ-
 НО • ВЕЛНКА ТВОЯ ВѢРА • БОУ-
 ДН ТИ ІАКОЖЕ ХОЩЕШИ • НЕ БѢ-
 ЦА НСЦѢЛАНЕТЬСѢА ДЪЦИ ТВО-
 Я • НЪ РЕУЕ • ТЪІ ІАКОЖЕ ХОЩЕ-
³⁰ШИ НСЦѢЛН Ю • ТЪІ Ю НЪЛЪКѢ-
 Н • ТЪІ ІЕН БОУДН ВРАУЪ • ТЕБѢ ПРѢ-
 ДАЮ БЪІЛНІА БОЛЕЮ ТВОЕЮ ДА
 НСЦѢЛАНЕТЬ • БОУДН ТИ РЕУЕ
 ІАКОЖЕ ХОЩЕШИ • ХАНАНИТЪІ-
³⁵НИ БОЛЕЮ НЪЗВРАУЕВА • АН СЪІЗ
 БЪІНН БОЛЕЮ НЕ НСЦѢЛАНТЬ •

180a

Н НЕ ПОВЕЛѢ ЖЕНА НЪІТН БѢСОУ
 НЪ ПОМЪІСАН ТЪКЪМО • ХОТѢ-
 ННІЕ ЖЕНЪІ ТЪКЪМО НСЦѢЛН ДЪ-
 ЦЕРЬ • Н БѢСЪ НЪ НЕІА НЪІЗНА •
⁵КЪДЕ СОУТЬ ГЛЮЩІНН ІАКО БѢА
 МЛѢВОУ СЪВЪРШИ • НЪ РЕУЕ ЖЕ-
 НѢ БОУДН ТИ ІАКОЖЕ ХОЩН* •
 ВЪНЖЪ СЛОВЕСН СЪРОДЪСТВО • ОЦА
 СВОЕГО ПОДРАЖАНЕТЬ • ІЕГДА БО
¹⁰НЕБО СЪВОРН • РЕУЕ БѢА БОУДН НЕ-
 БО • Н БЪІЗТЬ НЕБО • БОУДН СЛѢЩЕ
 Н БЪІЗТЬ СЛѢЩЕ • БОУДН ЗЕМЛА
 Н БЪІЗТЬ ЗЕМЛА • ПОВЕЛЪННІЕ-
 МЪ ВЪСА ТВОРАХОУСА • ТАКО Н
¹⁵СЕН РЕУЕ • БОУДН ТИ ІАКОЖЕ ХО-
 ЩЕШИ СЪПОДОБЛЕННІЕ СЛОВЕСЪ
 Н ОБЪЩЕСТВА ІЕСТЪСТВА ПОКА-
 ЗА НАМЪ РАЗОУМѢВАТИ • Н Н-
 СЦѢЛѢ ДЪЦИ ІЕН • КЪГДА • Ѡ КО-

²⁰ ѿго ли ѹаса • не ѿгда донде ма-
ти кѡ нен • нѡ прѣже дошѡѣн-
иа іѡи • ** ѿтнде бо бѣсѡиасѡ н
досн нсцѣлѣвшю ** • колю н-
сцѣлѣ • вѣсѣхѣ же снхѣ дѣль-
²⁵ ма похвалнмѡ о҃ца н с҃на н с҃та-
аго д҃ха • нѡнѣ н прнсно н ••

* Так в ркп.

*** Гр.: Ἦλθεν εὐρεῖν

δαμονιῶσαν, καὶ εὐρεν

ὑγιαίνουσαν ‘пришла, ожидая
найти беснующуюся, а нашла
исцелевшую’.

СТРАТЕГИЯ *VERSUS* ОШИБКИ ПЕРЕВОДЧИКА

С. КУПП-САЗОНОВ

Значение перевода, особенно хорошего перевода, нельзя недооценивать в нашем мультикультурном мире. Перевод — это, несомненно, также важное средство для знакомства с иностранной литературой. Н. А. Полевой в 1826 году писал о переводах на своем родном языке, то есть на русском, следующим образом: «Английский, французский перевод радует меня: читаю его охотно, но порадуюсь едва ли не более и не охотнее, если увижу перевод русский. Здесь как будто забываешь, что великий сочинитель его был англичанин, француз. Переводчик, разумеется, умевший передать его творение, делает его мне более близким, родным» [РПОП 1960: 173]. Из этого высказывания вытекает главный принцип перевода, а именно: читатель должен ощущать перевод не как перевод, а как оригинал. Это означает, что перевод должен быть естественным в лексическом и грамматическом планах. При этом существует множество разных мнений о том, как этого можно достичь, например А. К. Толстой писал в 1867 году: «Не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное — надо передавать впечатление» [там же: 321]. С другой стороны, по словам В. Н. Крупнова, «чтобы полностью воссоздать все особенности оригинала, переводчик должен передать не только мысль в отдельных общих чертах, но и нюансы мысли» [Крупнов 1976: 52].

На самом деле переводчик сам может выбирать, что, по его мнению, необходимо переводить и что можно оставить в стороне. «Ведь переводчик всегда имеет дело с конкретными

предложениями, в которых лексическое и грамматическое тесно переплетаются, образуя сложное единое целое» [Швейцер 1963: 8]. Можно согласиться с точкой зрения Е. Николовой, что перевод — это ни в коем случае не механический процесс, а творчество, что у хорошего переводчика предполагается наличие творческой индивидуальности [Николова 1988: 7]. Вышеупомянутый выбор можно называть стратегией переводчика, однако она не всегда удачна и поэтому можно также говорить о переводческих ошибках. Под ошибками имеются в виду не попытки переводить так называемые «непереводимые» элементы текста, например, реалии (под этим термином подразумевают «слова, называющие предметы и понятия быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, то есть специфические особенности одного народа, отличающие его от других народов» [Влахов, Флорин 1986: 7]). А именно те случаи, когда переводчик учитывает не все возможности своего языка, например, если эстонский переводчик не принимает во внимание семантические особенности трех форм прошедшего времени родного языка и во всех контекстах переводит прошедшее время русского языка только с помощью имперфекта. Кроме ошибок, существуют еще промежуточные случаи, когда переводчик сделал не самый удачный выбор, и из-за этого страдает точность перевода.

- (1) *Сел и сказал гарсону: «Коньяк».* (М. Веллер)
Ta istus ja ütles ettekandjale: «Cognac!»

В примере (1) глагол СВ, несомненно, имеет конкретно-фактическое значение [Бондарко 1983: 118]. Учитывая это, необходимо заметить, что эстонский перевод примера (1) не очень удачен, так как полностью теряется значение конкретного факта, эстонский глагол *istus*, может также иметь значение процесса. В данном случае мы не можем говорить об ошибке, так как имеется правильное словарное соответствие. Однако эстонский перевод был бы более точным, если в предложении имелось бы, например, слово *стул*, так как тогда по падежу этого существительного можно было бы понять: человек сел

или уже сидел, или было бы употреблено вспомогательное аспектуальное наречие *maha*; возможен также фразеологизированный глагол *istet vōtma* (дословно: «брать сидение»).

Обобщая, можно сказать словами В. Н. Крупнова, что «успех профессиональной деятельности переводчика зависит не только от его знаний, эрудиции, начитанности в области тематики перевода, тех конкретных установок, которым он следует в процессе перевода, но и от его понимания общекommunikативных особенностей речи и задач перевода» [Крупнов 1976: 4].

Как кажется, некоторые тексты позволяют переводчику более свободно выбирать между разными вариантами. Как правило, считается, что в число таких текстов входят, например, художественные произведения. Однако думается, что такое впечатление может быть обманчивым, так как в каком-то смысле художественный текст является более индивидуальным, более оригинальным, чем, например, официальный документ, и поэтому требуется также особенное внимание к переводу. В идеале читатель перевода должен испытать те же чувства, которые испытывает читатель оригинала. «Специфику художественного перевода следует усматривать в передаче языковых особенностей и образной системы художественного текста» [там же: 6].

С другой стороны, нельзя утверждать, что перевод научных или официальных текстов не нуждается в точности. Однако разница состоит в том, что при чтении перевода таких текстов самым важным является получение той же информации, которая содержится в оригинале. Прежде всего, требуется фактическая точность. «Точность перевода как отдельных частей текста, так и всего текста в целом, собственно говоря, и определяет качество перевода» [там же: 52].

Возвращаясь к вопросу о точности перевода художественного текста, нельзя не согласиться с мыслью о том, что «бывает так, перевод точен, но поэтичность произведения утрачивается в переводе потому, что текст изымается из системы языка оригинала, из контекста истории народа, в другой языковой и культурной системе текст тускнеет, становится неинтересным для иноязычного читателя» [Мустафин 1986: 308].

А. О. Иванов утверждает, что «интуитивно переводчик пытается установить эквивалентность между текстами сначала на самом нижнем уровне — уровне слова и связанных словосочетаний и затем на всех остальных, более высоких уровнях (предложения, высказывания и цели коммуникации), то есть пытается осуществить пословный перевод» [Иванов 2006: 34]. Понятно, что переводчик также пытается оставаться «верным» оригиналу и на грамматическом уровне, однако из-за больших различий между языками это не всегда удается. Следует отметить, что иногда, например, в языке рекламы грамматика как бы уходит на второй план, поскольку главное в рекламе — достижение смыслового и эмоционального эффекта [Крупнов 1976: 40], которое важно также для переводного текста рекламы. Однако в переводе художественных текстов нельзя говорить о второстепенности грамматики.

В данной статье делается попытка проанализировать текст одного перевода именно с точки зрения грамматических трансформаций в нем. Под грамматическими трансформациями имеются в виду преобразования грамматических структур текста оригинала, совершаемые на уровне, как минимум, предложения [Иванов 2006: 45–46]. А. Попович считает, что грамматические категории очень чувствительны к адекватности перевода, и поэтому их часто относят к группе непереводимых элементов [Попович 1980: 22–23]. «Грамматические трансформации обуславливаются различными причинами — как чисто грамматического, так и лексического характера, хотя основную роль играют грамматические факторы, то есть различия в строе языков» [Левицкая, Фитерман 1971: 12]. Т. Левицкая и А. Фитерман выделяют в своей статье следующие случаи: отсутствие соответствующей формы, частичное совпадение форм, различия в характере употребления формы, требующие грамматических трансформаций, в частности, перестановки, замены, добавления и опущения [там же: 18].

Попытаемся выяснить, является ли удачной стратегия переводчика или мы, вероятно, можем говорить об ошибках. Материалом анализа служит текст М. Веллера «Танец с саблями»

и его перевод на эстонский язык, при этом мы ограничиваемся рассмотрением перевода только временных форм.

Необходимо отметить, что системы временных форм в русском и эстонском языках различны. В эстонском языке в изъявительном наклонении имеется 4 временные формы, из которых 3 выражают разные прошедшие времена, однако при этом отсутствует отдельная форма для обозначения будущего времени. Следовательно, три формы прошедшего времени эстонского языка (имперфект, перфект и плюсквамперфект) требуют особого внимания и со стороны переводчика. Забегая вперед, можно сказать, что в переводе легенды в некоторых местах переводчик недостаточно учитывал возможности своего родного языка в плане употребления формы плюсквамперфекта.

В произведении М. Веллера на русском языке наблюдается интересное и многообразное употребление временных форм, чередование которых должно было бы сразу привлечь внимание переводчика, так как оно не случайно, у автора были для этого свои основания. В художественном тексте все значимо, и это касается также грамматических форм.

Первая часть повествования ведется в прошедшем НСВ, которое в данном случае имеет значение неограниченно-постоянного прошедшего, при этом глагол имеет неопределенно-личное значение. Например:

- (2) *Здесь **не спрашивали**, что надо посетителям — их считали по головам и **наливали** по сто коньяку, если до работы, а если после — то по сто пятьдесят.*

В эстонском переводе употреблена форма неопределенно-личного залога, однако с точки зрения нашего анализа, важен факт, что глагол стоит в форме прошедшего времени.

*Siin **ei küsitud**, mida külastaja soovib — pead loeti üle ja **valati** sada konjakit enne, aga pärast tööd isegi sada viiskümmend grammi.*

После введения в легенде идет речь уже о конкретном единичном событии в прошлом, которое на русском языке передается формой настоящего НСВ в значении настоящего исторического. Иногда используется термин «настоящее повествовательное» [Бондарко 1971: 142]. По словам А. В. Бондарко, при упо-

реблении настоящего исторического говорящий или пишущий переносит прошлое в настоящее, повествует о прошедших действиях так, словно они совершаются перед глазами его самого, а также слушателя или читателя в момент речи [Бондарко 1971: 143]. С точки зрения грамматики важно то, что контекст указывает на прошлое, а грамматическая форма — на настоящее. В русской литературной традиции это является довольно распространенным приемом. «Грамматисты обычно указывают, что настоящее историческое употребляется для большей живости и изобразительности рассказа» [там же: 144].

- (3) *Вот в Испании как-то на гастролях, проходивших с огромным успехом — испанцы вообще народ музыкальный, а музыку темпераментную, огневую, ценить умеют в особенности, — его устроители и спрашивают: что бы он хотел еще увидеть или получить в Испании...*

Эстонский переводчик выбирает другую тактику, все формы настоящего исторического переведены на эстонский язык формами имперфекта.

Kord Hispaanias külastetendustel, mis läksid suure eduga — hispaanlased on üldse musikaalne rahvas, aga temperamentset ja tulist muusikat hindavad nad eriti — küsisid võõrustajad, et mida ta veel tahaks näha või saada Hispaanias...

Следует отметить, что в эстонском тексте тоже можно было бы употребить форму настоящего времени. Например, при переводе рассказа А. П. Чехова «Длинный язык», эстонский переводчик выбрал именно формы настоящего времени для передачи русского настоящего исторического.

- (4) *Поехала эта Юлия Петровна в горы... Была отличная погода! Впереди едет она со своим проводником, немножко позади — я. Отъехали мы версты три-четыре, вдруг, понимаешь ты, Васичка, Юлия вскрикивает и хватается себя за грудь. Ее тата-рин хватается ее за талию, иначе бы она с седла свалилась... Я со своим проводником подъезжаю к ней...*

Sõitis see Julia Petrovna mägedesse... Oli oiuline ilm! Ees sõidab tema oma teejuhiga, veidi tagapool — mina. Sõitsime versta kolm-neli eemale, äkki, kas mõistad, Vasjake, Julia karjatab ning võtab

endal rinnust kinni. Tema tatarlane haarab tal piha ümbert kinni, muidu oleks ta sadulast maha kukkunud... Mina oma teejuhiga sõidan tema juurde...

А. В. Бондарко отмечает, что настоящее историческое в контексте обычно чередуется с формами прошедшего времени (это видно также в примере 4). Одну из причин такого чередования Бондарко видит в актуальном членении предложения. «Контраст прошедшего времени и настоящего исторического может быть использован для подчеркнутого противопоставления исходного пункта и ядра высказывания (данного и нового). Обычно данное представлено прошедшим временем, а новое — настоящим историческим» [Бондарко 1971: 147].

Е. В. Падучева пишет, что «видимо, функция настоящего времени в нарративном режиме чисто назывная, т. е. форма настоящего времени выступает как а тем пор аль ная» [Падучева 1996: 178].

Форма настоящего времени употребляется также в эстонском переводе рассказа А. П. Чехова «Женское счастье». При этом переводчики названных рассказов разные.

- (5) *Иду я однажды по коридору, и вдруг слышу визг. Сначала думал, что свинью режут, потом же прислушался и слышу, что это Вера Никитишна с кем-то бранится...*

Lähen kord koridori mööda ja kuulen äkki vingumist. Esiti mõtlesin, et siga tapetakse, siis aga kuulatasin ja kuulen, et Veera Nikitisna kellegagi riidleb...

В. Таули в своей грамматике эстонского языка 1980 г. пишет о том, что одна возможная функция формы настоящего времени — это заменять имперфект в повествовании. Однако при этом он подчеркивает, что вместо имперфекта нельзя употреблять формы настоящего времени, если в предложении имеются лексические показатели прошедшего времени, например: *вчера, в прошлом году* и т. д. Кажется, он прав, так как можно найти примеры, которые подтверждают его мнение, например перевод пьесы А. П. Чехова «Три сестры».

- (6) *Вчера после совета он мне говорит: «Устал, Федор Ильич! Устал!»*

Eile pärast õppenõukogu koosolekut **ütleb** ta mulle: «Ma olen väsinud, Fjodor Iljitš, väsinud».

- * *Eile* pärast õppenõukogu koosolekut **ütleb** ta mulle: «Ma olen väsinud, Fjodor Iljitš, väsinud».

(7) *Вчера* в полночь **прохожу** через столовую, а там свеча **горит**.

Eile **läksin** südaöösel läbi söögitoa, seal **põles** küünal.

- * *Eile* **lähen** südaöösel läbi söögitoa, seal **põleb** küünal.

Эстонский язык не допускает в данном случае употребление формы настоящего времени, и, скорее всего, из-за слова *eile* (вчера) в том же предложении.

Необходимо заметить, что в русском языке при употреблении настоящего исторического также существуют некоторые разграничения касающиеся временных показателей. Падучева различает два типа временных показателей: 1) объемлющие и 2) включенные [Падучева 1996: 178]. «Для объемлющих временных показателей нормой является внешняя позиция наблюдателя / говорящего /.../ Для показателя включенного времени, наоборот, нормой будет совпадение времени наблюдателя с временем ситуации, т. е. внутренняя позиция наблюдателя по отношению к ситуации, синхронная точка отсчета» [там же: 169]. «При этом показатель времени либо задает интервал, соответствующий длительности всей динамической фазы ситуации, которая может быть очень значительной, либо указывает на ее начальную точку» [Князев 2007: 100]. Употребление формы настоящего исторического вместе с включенным показателем времени затруднено: **В прошлое воскресенье я уже два часа гуляю по улицам, и вдруг...* [Падучева 1996: 178].

Возвращаясь к переводу легенды М. Веллера, мы не можем точно сказать, почему переводчик предпочел заменить формы настоящего времени формами имперфекта. Думается, что, быть может, употребление настоящего времени в повествовании о событии в прошлом в эстонском языке не настолько распространено, как в русском. Поэтому в данном случае мы можем говорить не об ошибках переводчика, а лишь о его личной стратегии. Однако можно согласиться с тем, что, предпочитая форму имперфекта вместо настоящего, переводчик как бы от-

даляет своего читателя от событий, которые для читателя оригинала происходят, так сказать, «перед глазами».

Далее в оригинале вновь появляются формы прошедшего времени — как НСВ, так и СВ.

- (8) Поэтому он **развел** руками, **поблагодарил** хозяев, **подумал**, и, в порядке ответной любезности на комплименты своему несравненному гению **отвечал**...

В эстонском языке повествование продолжается в имперфекте:

Sellepärast laiutas ta käsi, tänas pererahvast, ja nagu vastuseks komplimendile oma võrreldamatu geniaalsuse kohta, vastas...

В русском предложении обращает на себя внимание глагол НСВ *отвечал*, потому что остальные глаголы стоят в СВ. Думается, что в данном случае употребление глагола НСВ придает действию героя (*отвечать*) значение более длительного процесса и добавляет оттенок неторопливости. С другой стороны, в данном случае можно было бы говорить также о нейтрализации видов. М. А. Шелякин утверждает, что «нейтрализация видовых значений при ситуативной совершенности ведет к употреблению формы НСВ в функции просто качества глагольного действия» [Шелякин 1983: 81]. При этом он отмечает, что «форма НСВ в функции фактичности всегда стилистически рельефна, эмоционально окрашена, модально разнообразна, что, несомненно, связано с обозначением действия как такового, лишенного видовой характеристики» [там же: 81]. В последних трудах М. А. Шелякин предложил немного иной термин — *синонимичное употребление видовых форм* [Шелякин 2007: 222]. По теории Е. В. Падучевой, подобное употребление глагола НСВ можно объяснить тем, что глагол *отвечать* входит в такой класс глаголов НСВ, у которых результативное понимание является единственно возможным. Эти глаголы она разделяет на две большие группы. В одну из этих групп входят также «глаголы передачи информации, которые в СВ обозначают речевой акт, а в НСВ — состояние, сопутствующее этому речевому акту, т. е. предполагающее этот речевой акт совершённым: *просить, предупреждать, приглашать, требовать, говорить* и т. п.» [Падучева 1996: 35].

В эстонском языке в этих случаях употребление имперфекта вполне оправдано, единственным упреком переводчику может быть то, что теряется сопоставление форм настоящего и прошедшего времен, которое имеет место в оригинале. В тексте М. Веллера на фоне настоящего исторического четко выделяются те предложения, где внезапно появляются глаголы прошедшего времени. В эстонском переводе такого не происходит. В тексте оригинала до конца будут чередоваться формы настоящего исторического и прошедшего НСВ и СВ. В эстонском языке переводчик в целом не меняет свою стратегию и переводит все эти формы на эстонский язык глаголами в имперфекте. Однако нужно отметить, что при этом он в некоторых предложениях допускает ошибки.

- (9) *Но оказывается, что эта дверь, в которую он **входил**, тоже не хочет открываться.*

*Selgus, et ka see uks, kust ta sisse **tuli**, ei tahtnud avaneda.*

Три разные формы прошедшего времени — имперфект, перфект и плюсквамперфект — в эстонском языке имеют свою семантику. Имперфект обозначает действие, произошедшее до момента речи. Перфект выражает сложную комбинацию временных значений, чаще всего тот факт, что результат или следствие ситуации, имевшей место в прошлом, сохраняется к моменту речи. Основным значением плюсквамперфекта является указание на то, что некоторая ситуация имела место раньше другой ситуации в прошлом. Поэтому русский глагол *входил* следовало бы перевести на эстонский язык глаголом в форме плюсквамперфекта, то есть *oli tulnud*, так как вхождение в комнату имело место до того, как герой обнаружил, что дверь заперта.

Похожую ошибку или, по крайней мере, неточность мы можем наблюдать и в следующем примере:

- (10) *В двадцать минут третьего он начинает слегка раздражаться — какого лешего, в самом деле... сам же **назначил** на два часа! — наливает себе рюмку коньяка и выпивает.*

*Kakskümmend minutit kolmel hakkas ta kergelt erutuma — mis pagana pihta, tõepoolest, ise ju **määras** ajaks kell kaks — valas siis endale pitsi konjakit ja jõi.*

С точки зрения эстонской грамматики, более адекватным был бы перевод с помощью формы плюсквамперфекта:

*Kakskümmend minutit kolmel hakkas ta kergelt erutuma — mis pagana pihta, tõepoolest, ise ju **oli määranud** ajaks kell kaks — valas siis endale pitsi konjakit ja jõi.*

Необходимо отметить, что о злоупотреблении имперфектом вместо плюсквамперфекта писали уже несколько эстонских лингвистов, например: М. Эрелт и Х. Метсланг [Erelt, Metslang 1998], Т. Леэметс [Leemets 2000]. Однако из исследования М. Эрелта и Х. Метсланг выясняется, что на самом деле употребление форм перфекта и плюсквамперфекта в эстонском языке — явление неустойчивое. Так, в конце XIX века в силу немецкого влияния в эстонском языке были очень частотны аналитические временные формы. Однако в 30-е годы прошлого века употребление перфекта и плюсквамперфекта резко уменьшилось из-за стремления избегать всего немецкого. В 80-е годы XX века употребление аналитических временных форм по сравнению с довоенным периодом снова возрастает. Сейчас можно было бы предположить, что употребление перфекта и плюсквамперфекта должно было бы снова стать более частотным, так как основным языком, с которого делаются переводы, является английский, где в некоторых синтаксических конструкциях при определенных наречиях альтернатива этим временным формам отсутствует.

Возвращаясь к переводу легенды М. Веллера, следует отметить, что переводчик употребляет формы настоящего времени лишь в одном случае — во внутреннем монологе главного героя. Например:

- (11) *В половине третьего он наливает еще рюмку коньяка и запивает ее бокалом вина. **Щиплет** виноград!*

*Poole kolme ajal valas ta endale veel pitsi konjakit ja loputas selle alla klaasi veiniga. Viinamarjad **kihisevad**!*

- (12) *Налицо все-таки нарушение этикета. Хамство-с! Что он, мальчик? Он встает, расстегивает пиджак, растягивает узел галстука, сует руки в карманы, и начинает расхаживать по залу.*

Etiketi rikkumine on siiski silmnähtav. Häbitu lugu! Egas ta poisike ole! Ta tõusis püsti, nõõpis pintsaku lahti, laskis lipsusõlme lõdve-maks, torkas käed tasku ja hakkas mööda saali edasi-tagasi käima.

Подводя итоги, можно сказать, что переводчик, выбирая стратегию перевода, может отдать предпочтение текстуально точному, приближающемуся к дословному, переводу или переводу, смело отходящему от формальной и смысловой структуры оригинала, приближающемуся к вольному [Швейцер 1989: 37]. В анализируемом нами переводе наблюдается четкая стратегия переводчика, который предпочитает имперфект вместо настоящего времени, представленного в оригинале. Однако при этом переводчик учитывает все временные планы данного текста недостаточно, так как в оригинале временные формы чередуются, и это, несомненно, важно с точки зрения текста и намерений автора. Поэтому если эстонский переводчик решил заменить настоящее историческое имперфектом, то он должен был бы, по крайней мере, в некоторых случаях переводить русское прошедшее время на эстонский язык иной временной формой: не имперфектом, а плюсквамперфектом.

ИСТОЧНИКИ

- Веллер М. 1993 — *Легенды Невского проспекта*. Таллинн.
Чехов А. П. 1970 — *Собрание сочинений в восьми томах*. Т. 3. Москва.
Чехов А. П. 1974 — *Пьесы*. Москва.
Tšehhov A. 2006 — *Näidendid*. Tallinn.
Tšehhov A. 2007 — *Humoorikad jutustused*. Tallinn.
Veller M. 2005 — *Nevski prospekti legendid*. Tartu.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1971 — *Вид и время русского глагола*. Москва.
- Влахов С., Флорин С. 1986 — *Непереводимое в переводе*. Москва.
- Иванов А. О. 2006 — *Безэквивалентная лексика*. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Князев Ю. П. 2007 — *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. Москва.
- Крупнов В. Н. 1976 — *В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу*. Москва.
- Левицкая Т., Фитерман А. 1971 — Почему нужны грамматические трансформации при переводе? *Тетради переводчика*. Под ред. Л. С. Бархударова. № 8. Москва. С. 12–22.
- Мустафин К. 1986 — *Непереводимое — не переводить! Художественный перевод. Проблемы и суждения*. Москва.
- Николова Е. 1988 — Несколько вступительных слов. *Поэтика перевода*. Под ред. Н. Матяша. Москва. С. 3–11.
- Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.
- Попович А. 1980 — *Проблемы художественного перевода*. Москва.
- РПОП 1960 — *Русские писатели о переводе XVIII–XX вв.* Под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. Ленинград.
- Швейцер А. Д. 1963 — К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе. *Тетради переводчика*. № 1. Москва. С. 5–11.
- Швейцер А. Д. 1989 — Эквивалентность и адекватность перевода. *Тетради переводчика*. № 23. Москва. С. 31–39.
- Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы действия русского глагола*. Таллинн.
- Шелякин М. А. 2007 — *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва.
- Erelt M., Metslang H. 1998 — Oma või võõras. *Keel ja Kirjandus*. Nr 10. Lk 665–667.
- Leemets T. 2000 — Mitmeplaaniline minevik. *Keelenõuanne soovitab*. Nr 2. Lk 87–90.
- Tauli V. 1980 — *Eesti grammatika II. Lauseõpetus*. Uppsala.

TÕLKIJAJ STRATEEGIA VERSUS VEAD

Sirje Kupp-Sazonov

Üheks olulisemaks küsimuseks tõlketeoorias on ajast-aega olnud see, mida õigupoolest tuleks tõlkida. Erinevad koolkonnad on sellele küsimusele andnud erinevaid ja sageli isegi vastuolulisi vastuseid. Tegelikult otsustab ju iga tõlkija ise, mida tõlkida ja mida mitte. Tõlkimise juures mängib tegelikult väga suurt rolli inimlik ja individuaalne faktor, paraku, ei ole tõlkija strateegia alati edukas ning seetõttu saame rääkida ka vigadest.

Käesoleva artikli eesmärgiks on analüüsida tõlkija strateegia edukust M. Velleri legendi “Mõõkade tants” tõlkimisel vene keelest eesti keelde, sealjuures piirdume vaid grammatiliste ajavormide võrdlemisega. Antud teksti näol on tõlkija jaoks kahtlemata tegu suure väljakutsega, sest originaalteksti iseloomustab mitmekesine ja keeruline grammatiliste ajavormide kasutamine. Ühe lause raames vahelduvad tegusõnad erinevas aspektis ja ajavormis. Mitmel juhul on tõlkija otsustanud tõlkes asendada originaalteksti ajavorm hoopis teise grammatilise ajaga. Näiteks vene ilukirjanduses levinud *praesens historicum* vormi asemel eelistab tõlkija kasutada lihtminevikku, kuigi eelpool mainitud oleviku vormi kasutamine on ka eesti keeles täiesti võimalik, tõsi teatud piirangutega. Kõnealuses tõlkes on siiski mitu lauset, kus tõlkija strateegia on küsitav ja seetõttu võib rääkida juba vigadest. Tõlkija pole osanud ära tunda lauseid, kus eesti keeles oleks täpse tõlke huvides vaja kasutada ennemineviku vormi.

Kokkuvõttes tuleb tõdeda, et tõlkija ei ole pidanud vajalikuks anda tõlkes edasi originaali keerukat ajavormide kasutamist, kuigi eesti keeles on kõik vahendid selleks olemas. Kuna sellise ajavormidega “mängimise” näol on kahtlemata tegu taotlusliku stiilivõttega, siis on selge, et tõlke lugejateni jõuab märgatavalt lihtsakoelisem tekst.

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА

Е. Н. РЕМЧУКОВА

Увлечение лингвистов рекламным текстом вполне закономерно. Критическое отношение русской общественности к рекламе в связи с ее навязчивостью, пошлостью, примитивностью — в том числе и языковой, не снижает ценности рекламы как относительно нового лингвистического объекта. Реклама как сфера деятельности «представляет собой гигантский по масштабам ... постоянно действующий «полигон», на котором язык испытывается в процессе *специфического* функционального употребления и условия которого могут быть оценены как *экстремальные* [Зирка 2004: 5], так как постоянное обновление — необходимое условие существования рекламного текста.

Рекламный текст плодотворно изучается на стыке наук — психологии и лингвистики, лингвистики и культурологии, лингвистики и теории коммуникации (в частности — теории речевого воздействия) и, как нам представляется, в меньшей степени — в аспекте описания *конкретных* языковых средств, не только лексических, но и грамматических, с помощью которых достигается тот или иной, необходимый для рекламода-теля, эффект¹.

¹ См. работы по рекламной коммуникации и рекламному тексту [Пирогова, Баранов, Паршин 2000; Лившиц 1999], учебное пособие «Речевое воздействие» [Иссерс 2007], монографию «Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект» [Зирка 2004]. В последней представлены (наряду с общим анализом

С этой точки зрения, разностороннее и полноценное собственно лингвистическое описание рекламного текста актуально для русистики, перед которой стоит важная задача научного освоения новых форм современной речи — как письменных, так и устных (в их сложном взаимодействии и пересечении) в таких развивающихся сферах, манипулирующих массовым сознанием, как рекламные технологии (в том числе и в социальных сетях Интернета), независимо от того, как мы оцениваем их воздействие на современного человека.

С функционально-стилистической точки зрения рекламный текст сегодня рассматривается как текст СМИ со своими разновидностями, которые зависят от канала передачи (телереклама, радиореклама, печатная реклама и др.), и жанрами: заголовок, объявление, текст, слоган и др. **Слоган** — один из самых важных и лингвистически интересных видов рекламного продукта¹. Это малоформатный жанр, что сближает его с заголовком газетной статьи, но в отличие от последнего он как микротекст может существовать и как «текст в тексте», и как самостоятельная рекламная константа, то есть изолированно от других рекламных текстов:

Будь в форме (Reebok);

Пейте овощи (Соки Балтимор);

Пушкинь — не ищите на книжной полке (Водка «Пушкинь»);

Есть идея — есть IKEA;

HAMMER. Ничего подобного;

Напишите. Удивите. Победите (справочник офис-менеджеров).

Как и тексты художественной литературы, слоганы включаются в современный интертекстуальный контекст, запоминаются и цитируются, но не являются «стойкими культурными текста-

рекламы и рекламного текста) оценочные прилагательные как базовая лексика рекламного текста, лексические заимствования и некоторые ролевые функции глагола.

¹ Слоган (англ. slogan — лозунг, призыв, девиз; ранее боевой клич шотландских горцев) — рекламный **лозунг**, **девиз**, содержащий сжатую, легко воспринимаемую, эффектную формулировку рекламной идеи.

ми» (Ю. М. Лотман) — не оказывают влияния на духовное развитие общества, являются средством корпоративного, а не личного выражения.

Общей чертой слогана и газетного заголовка является их информативная и экспрессивная насыщенность, которая требует высокой концентрации языковых средств разного уровня, что неизбежно приводит к антиномии информативной и экспрессивной функций языка. Ее обострение, с одной стороны, обуславливает вызванный «производственной необходимостью» поиск неоднозначных и оригинальных средств выражения, с другой — приводит к иллюкутивному конфликту «информативности» и «привлечения внимания»: продуцируется высказывание, основные интенции которого направлены на «коммуникативное обольщение» реципиента.

Лингвистическое «обеспечение» такого конфликта может быть разнообразным, например, основанным на тех ассоциативных связях, в основе которых лежат омонимия или полисемия: *Ахе. Грязными останутся только твои мысли* (реклама дезодоранта); *Положи на футбол, поставь на лошадь* (реклама конноспортивного тотализатора ТАТТО); *Я так низко пала. Пользуйся. Твоя цена* (магазин электронной техники «Эльдорадо»); *Ляжет, как миленькая* (реклама плитки) и т. п. Подобные лингвокреативные «двусмысленности», разумеется, абсолютно недопустимые с этической точки зрения, малоинформативны (например, слоган *Ахе* наводит на мысль о моем средстве, а не дезодоранте; «доступность» олицетворенной *Цены* не конкретизирована и т. д.), поскольку функционально нацелены на привлечение внимания реципиента любой ценой.

Ослаблять информативную составляющую может не только лингвокреативность со знаком «-», но и со знаком «+». В рекламном слогане ресторана *Красная площадь, дом 1 — Войди в историю*, дефразеологизация удачно связана с актуализацией не только переносного, но и прямого значения обоих компонентов — и существительного, и глагола и осложнена метонимией (*история* — ресторан на *историческом* месте), но малоинформативна с точки зрения позиционирования специфики

ресторана. Возможно, именно такое усиление функции «привлечения внимания», направленное на повышение социального статуса потенциальных посетителей с помощью «высокого» значения фразеологизма, и входило в задачу рекламодателя.

Востребованность в медиатекстах окказионального и потенциального словообразования (реже — формообразования) тоже обусловлена стремлением к гармонизации отношений между информативной и экспрессивной составляющей. Например, так выстраивает лингвистическую стратегию торговая марка пива «Три толстяка»: *Толстости от «Трех толстяков»*. Не вполне привлекательные с точки зрения лингвиста «толстости» — народные шутки-афоризмы на этикетке, пользующиеся большой популярностью у потребителей данного пива, оказались удачным рекламным ходом. С помощью простой словообразовательной аналогии выстраиваются антонимические отношения, усиленные не только ассоциативным противопоставлением «толстый — тонкий», но и оценочными приращениями (*свое — чужое, понятное — непонятное*). В слогане используется и корневой повтор (гомеозоптон) — действенное средство усиления информативной составляющей, одновременно рассчитанной на эмоциональное заигрывание со «своим» реципиентом: *Три толстяка. Смотри на жизнь толще*. Ср. со слоганом другой известной марки — пива «Толстяк»: *Новый «Толстяк»: вкуснее и толще*.

Рекламный текст предполагает серийность в рамках рекламной кампании — варьирование слогана в серии может обеспечиваться повтором с актуализацией частеречных значений. Так, реклама нового проекта «Мегафон-Москва» (вид мобильной связи, основанный на низких внутрисетевых тарифах) рассчитана на людей, которым нужны «просто звонки» (prostozvoni.ru). Здесь обыгрывается частеречный потенциал слова «просто», которое может быть и наречием, и кратким прилагательным, и категорией состояния, и частицей. В рекламных «мини-текстах» актуализируется возможность перехода слова из знаменательной части речи в служебную («просто» наречие, с одной стороны, и частица — с другой): *«Просто для общения» — это возможность общаться со своими близкими*

на очень выгодных условиях; «**Просто** для общения» — это предложение для тех, кто **просто** хочет много общаться и не готов переплачивать; «**Просто** звони» — это **просто**.

Очевидно, что базовый признак, формирующий слоган (как и рекламный текст вообще), — реализация функции **воздействия**: необходимость *активно навязывать* товар, услугу, образ и стиль жизни, в жанре политического и социального слогана — политический и социальный выбор и т. п. Реализация этой функции требует, с одной стороны, информативной насыщенности, которую в какой-то степени обеспечивает компрессия языковых средств, с другой — доходчивости и эффективности, которые требуют их экспрессивности, но такой, которая не «обременяла» бы восприятие. Поэтому успешность слогана как микротекста во многом зависит от точного выбора языковых средств¹. Не случайно в различных определениях слогана в рекламных технологиях отмечаются как желательные такие признаки, как оригинальность, сжатость, эффективность, выразительность. Идеальный слоган даже позиционируется как «спрессованная до формулы суть концепции, доведенная до лингвистического совершенства» [Феофанов 2011] — однако это, безусловно, трудно достижимо.

Язык рекламы вообще (еще в большей степени, чем другие разновидности языка СМИ) подвержен неизбежной стандартизации — *стереотипии*, что заставляет и самих рекламистов усомниться в качестве своего продукта: так, немецкий рекламист Вальтер Шёнерт критически отмечает, что «для потребителя нет ничего скучнее слогана» [Студия графического дизайна]. В «оживлении» слогана и одновременно в усилении его информативной составляющей важную роль играют самые разнообразные невербальные средства, которые в комбинации с вербальными создают *креолизированный текст*, фактура которого состоит из двух разнородных частей — вербальной и невербальной [Валгина 2003]. Техника создания таких текстов (которая остается за пределами данной статьи) достаточ-

¹ Широко известно выражение гуру рекламного бизнеса Д. Огилви: «Реклама — бизнес слов».

но разнообразна и даже изощрена: см., например, «широкомасштабное» выделение прописными буквами сегментов слов, в частности, омонимичных имеющимся в языке узуальным лексемам: *Стань **ОПТимистом*** (реклама магазина «METRO»). «Креативное использование графических и пиктографических ресурсов выступает как средство концентрации смысла и выполняет роль текстообразующего фактора, уплотняя семантическое пространство рекламного текста» [Высоцкая 2010: 68–70].

Именно на уход от стереотипии направлены лингвокреативные стратегии рекламного текста. В самом рекламном бизнесе слово *креативный* используется широко (собственно именно из этой профессиональной сферы и пришло само заимствование и его производные *креатив*, *креатор*, а также словосочетания *креативный директор*, *креативная идея*, *креативная стратегия* и др.) и понимается как «процесс информационного и эмоционального наполнения рекламной коммуникации» [Ганжа 1998: 15]¹.

Лингвистическое описание рекламного текста естественным образом предполагает употребление уже широко распространенного в русистике термина *лингвокреативный* как более нейтрального по сравнению с термином *творческий* (он в лингвистике традиционно связан с художественным текстом)². Это позволяет более адекватно оценивать креативные, но художественно не всегда состоятельные достижения копирайтеров — производителей (а не творцов!) рекламной продукции.

Обратимся еще раз к чертам сходства и различия между заголовком и слоганом, поскольку это сопоставление позволяет выявить своеобразие последнего. Обоим присущ «*синтаксический минимализм*» — различные типы эллипсиса и односоставных предложений, именительный темы, парцелляция и

¹ О функционировании этой лексемы и ее производных в современной речи см. подробно в [Вепрева 2009], а о креативе в рекламных технологиях в монографии И. Морозовой «Рекламный **креатив**: в поисках ненавязчивой идеи» [Морозова 2003].

² См. об этом подробнее в [Ремчукова 2010].

субъективно-оценочный синтаксис — побудительные и восклицательные предложения, риторические вопросы, обращения, инверсия, аппеллятивы и императивы, которые, естественно, более частотны именно в слогане, задача которого — непосредственно побуждать к действию.

В условиях «синтаксического минимализма» наглядно актуализируется лексико-грамматический потенциал слова, например, субстантива: *Стелла Артуа: Избранное* (реклама марки пива). С лингвистической точки зрения, контаминация частеречных значений причастия (*избранного именно вами*), адъективированного причастия (*избранное – уникальное, неповторимое*) и существительного (с отсылкой к «*избранное*» — избранное собрание сочинений, и к «*для избранных*» — лучших, наиболее достойных) представляется удачным ходом. Ср. также, на наш взгляд, удачную актуализацию контекстуально обусловленной субстантивации в заголовке — «*Царственная*». Частеречная актуализация повторяется и в тексте самой статьи: *Потребовалось несколько бесед с Галиной Васильевной, чтобы понять, почему она не испытывает трепета, общаясь с королями, президентами и сильными мира сего. Слыша мои вопросы об этом, Галина Павловна всякий раз искренне недоумевала: а почему, собственно, она должна питать какие-то особые чувства к этим людям? И в самом деле: царственная разговаривает с царствующими...* (интервью с Галиной Вишневской: Огонек, 45, 2010). Такая не только смысловая, но и грамматическая «перекличка» типична для заголовка — «текста в тексте».

Именно субстантивация как тип частеречной транспозиции обеспечивает развитие «сюжета» в рекламной кампании газеты «Коммерсантъ». Серийность достигается при помощи варьирования в слогане субстантивированной формы прилагательного: *Не боимся главного* (первый вариант слогана) — *Не боимся нового*. Замена «главного» на «нового» произошла в марте 2008 года (выборы нового президента — Дмитрия Медведева) и позволила создать семантически неоднозначное высказывание, актуализирующее омонимию родительного падежа неодушевленного абстрактного субстантива (*новое*) и оду-

шевленного субстантива со значением лица (*новый*). Такой лингвокреативный «шаг» позволил газете использовать выборы в своих рекламных целях: он был замечен общественностью — слоган широко обсуждался и оценивался как остроумный и удачный.

Рекламный текст развивается прежде всего как разновидность императивного дискурса. Именно поэтому в фокусе «субъективного» синтаксиса прослеживается *лингвокреативная динамика* жанра слогана. Действительно, с точки зрения диахронии, любой современный рекламный слоган лингвистически изобретателен по сравнению с рекламным слоганом советской эпохи, который представлял собой однотипное императивное высказывание с глаголом в форме 2 лица мн. числа: ***Храните** деньги в сберегательной кассе; **Летайте** самолетами Аэрофлота; **Пейте** томатный сок* — изолированное от других модальных средств «нейтральное» множественное число глагола в форме повелительного наклонения обладает слабой контактоустанавливающей функцией. В постсоветском слогане, уже отчетливо социально дифференцированном, предполагающем целевую аудиторию, развитие категории модальности определялось, в частности, активной заменой множественного числа 2 лица единственным, так как уже в первых рекламных текстах постсоветского периода используется обращение на «ты»: *Балтимор. **Взгляни** на мир с аппетитом!; Skittles. **Попробуй** радугу на вкус!; Twix. **Почувствуй** разницу — скушай твикс!*

Важно отметить, что только на широком фоне употребления императива без постфикса *-те* зоной коммуникативных манипуляций становится омонимия форм императива 2 лица мн. числа, с одной стороны, и ед. ч., предполагающей обращение на «ВЫ», — с другой, что позволяет варьировать тональность коммуникации, удачно совмещая функцию интимизации с вежливым дистанцированием. Это особенно наглядно демонстрируют рекламные тексты с концентрацией «вежливых» форм императива: *Соки и нектары Rich. **Получайте** удовольствие. **Упивайтесь** ощущением полной гармонии. **Радуйтесь***

каждой минуте. **Наслаждайтесь** вкусом. **Наслаждайтесь** жизнью (реклама соков Rich).

Таким образом, современный выбор формы императива далеко не случаен — он зависит от возраста аудитории, ее социального и гендерного статуса и самого рекламируемого товара, а с лингвистической точки зрения обусловлен грамматической семантикой повелительного наклонения. Например, анализ более 70 слоганов (реклама продуктов: напитки, пиво, чипсы) показал явное превалирование «ты-обращений» в рекламе товаров, рассчитанных на молодежь: императив ориентирован на принятые в этой среде формы общения без церемоний и имитирует эти формы. На этом широком фоне слоган с формой 2 лица мн. ч. демонстрирует ослабление семантики непосредственного побуждения и, следовательно, стремление к снижению категоричности воздействия в высказывании, которое должно восприниматься реципиентом как «совет». «Форма на *-те* обозначает направленность приказания или убеждения к нескольким лицам или к одному, но с экспрессивным оттенком вежливого, уважительного изъяснения воли» [Виноградов 2001: 482]. Ср.: **Скажи** аллергии нет! **Открой** для себя мир азиатской Венеции! **Сломай** сигарету — не дай сигарете сломать тебя; Лада. **Заведи** надежного друга! и **Похудейте** с Хитозаном! **Посмотрите** на жизнь другими глазами (глазные капли «Визин»); Ford Focus. **Наслаждайтесь** комфортом и т. п.

Очевидно, что специфика слоганов с формами повелительного наклонения определяется общей прагматической направленностью рекламного текста, поэтому богатая шкала способов выражения значения побуждения в русском языке (от приказа до мольбы), в полной мере реализованная в поэтическом тексте, предстает здесь обедненной, но при этом функционально адекватной. В рекламных императивных конструкциях преобладает клишированность: как правило, здесь нет места для полноценной реализации эстетической функции языкового знака ни в зоне самой модальности, ни в зоне комбинирования с образными средствами, хотя такие комбинации, безусловно, встречаются: (реклама шампуня) **Подарите** Вашим волосам **глоток чистой мяты!** (метафора); Лада. **За-**

веди надежного друга! (актуализация лексической омонимии: *завести друга — завести машину*)¹. Необходимую меру экспрессивности обеспечивает здесь сама форма императива: «в категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм» [Виноградов 2001: 484].

Таким образом, степень лингвокреативности в аспекте диахронии и синхронии может оцениваться по-разному. Само развитие русского слогана как жанра демонстрирует его стремление к лингвокреативности даже в жестких рамках прагматически заданных координат: новые коммуникативные задачи требуют нового лингвистического «обеспечения». Это можно видеть и в выборе новых языковых средств, и в «продуманной» актуализации лексико-грамматических значений, и в различных комбинациях потенциальных и образных средств, и в концентрации в небольшом текстовом пространстве необходимых лексических и грамматических компонентов.

Так, если в слогане «нагнетаются» приставочные глаголы совершенного вида (при этом приставка может быть выделена графически) — это актуализирует значение результата, а прагматика слогана предполагает нацеленность именно на результат. Реже актуализируется грамматическая семантика НСВ: если необходимо актуализировать длительность сохранения результата, семантика процессуальности подчеркивается повтором: (реклама краски для волос) *Вы получите стойкий цвет, который **длится, длится и длится***.

В этом аспекте интересен слоган, который состоит из «нанизывания» форм СВ: *Увидеть, услышать, почувствовать* (реклама сигарет). Прагматически этот текст нацелен на «идеализацию результата» (необходимо *увидеть* сигареты, *услышать* о них, но главное — *почувствовать* их вкус), а его «беспроект-

¹ Безусловно, в выражении значения побуждения в слогане участвуют и формы инфинитива, и инклюзивные формы 1 лица множественного числа, и косвенные средства выражения побуждения, которые требуют детального рассмотрения за пределами данной статьи.

рышная» успешность определяется тем, что сведения о товаре носят не информационный, а экспрессивный характер, выраженный в предельно сжатой структуре (антиномия информативной и экспрессивной функций в условиях «синтаксического минимализма»). Это делает данный текст универсальным, способным прорекламировать практически любой товар: отсутствие конкретной информации заменяется определенной степенью динамики и экспрессивности, обеспеченной концентрацией глаголов в форме СВ.

Синтаксическая функция видовых форм состоит здесь в выражении последовательности результативных действий, осуществляемых одним (любым) субъектом. Функционирующие «компактно» (без каких-либо актантов), они обладают особой динамичностью: структурируя текст, обеспечивают и его развертывание, и законченность. Именно поэтому грамматическая модель прецедентного высказывания «*Пришел, увидел, победил*» оказывается востребована в жанре слогана: *Пришел, увидел и купил* (реклама обуви); *Пришел, увидел и унес* (реклама ноутбуков). Легкая синтаксическая трансформация (сочинительный союз *и*) подчеркивает результативность последнего (наиболее важного с точки зрения смысла) глагола в «цепи».

Использование в качестве слогана трансформированного прецедентного текста, безусловно, не случайность — интертекстуальность является важнейшей лингвокреативной составляющей медиатекста вообще (см. об этом подробнее в [Ремчукова 2009: 313]): *Красота спасет мир! Украшение строптивой* (косметические средства); *Старый друг лучше...* (стиральная машина известной марки) и т. п. Трансформация прецедентного текста, как и трансформация фразеологизма, усиливает лингвокреативность слогана. По нашим наблюдениям, в рекламных слоганах чаще функционируют фразеологизмы именно в трансформированном виде, так как трансформированный фразеологизм обладает не только большей оригинальностью, но и информативностью за счет актуализации и фразеологически связанного, и прямого значения. Так, в слогане авиакомпании «Сибирь» («*Сибирь*» *набирает высоту*) копирайтеры заменяют в кодифицированном фразеологизме «*набирать си-*

лу» — «*крепнуть, усиливаться*» компонент «*силу*» на «*высо-ту*», тем самым актуализируя одновременно и значение фразеологической единицы, и разные значения лексемы **высо-та**-1 («расстояние от какой-либо поверхности до чего-либо по вертикали») и **высо-та**-2 («высокий уровень развития, совершенствования и т. п. чего-либо» — *поднять на должную, новую высоту что-либо*). Кроме того, включение трансформированного фразеологизма в рекламный слоган позволяет совмещать образность и полисемантичесность с актуализацией национально-культурного компонента (см., например: *Сделай из слона муху* — реклама препарата против стресса, несмотря на то, что данный фразеологизм является калькой с французского).

В рамках одной статьи невозможно охватить все выразительные и образные средства рекламного слогана, в котором важную роль играют метафора, троп олицетворения, сравнение и др.: мы остановились на лексико-грамматических механизмах лингвокреативности. Однако можно заметить, что в целом «борьба» между прагматикой и эстетикой в жанре рекламного слогана, как правило, заканчивается победой первой. Именно поэтому для самих рекламистов реализация эстетической функции языка в рекламном тексте остается тем постоянно декларируемым базовым принципом, трудность реализации которого только усиливает его значение. Сами рекламисты отмечают, что «художественная ценность слогана подразумевает отношение к нему как к миниатюрному литературному произведению и выражается в его эстетичности, “интересности”, которая достигается за счет использования разнообразных выразительных языковых средств» [Студия графического дизайна].

На деле же создание «литературной миниатюры», имеющей маркетинговую ценность, оказывается сложной задачей:

*Если **вещи** ваши сны* (слоган рекламы распродаж);

*На **веки** ваш* (реклама нового концентрата для век).

В основе этих удачных с точки зрения лингвокреативности слоганов лежат лексико-грамматические механизмы: омонимия грамматических форм — краткой формы архаичного прилагательного

тельного *вещий* и существительного во множественном числе *вещи*; омонимия существительного с предлогом и функционального омонима — наречия *навек* в условиях «синтаксического минимализма». Орфография и синтаксическое устройство второго слогана находятся в явном противоречии: устойчивое выражение «*навек* *ваши*» предполагает слитное написание наречия, а раздельное (как в слогане) актуализирует именно существительное «*веко — веки*» в синтаксической конструкции, которая в этом случае представляется неполной — эллиптической. Отсутствие тире в первом слогане «подталкивает» реципиента к неординарному прочтению слогана как высказывания с архаичным прилагательным *вещий* в «поэтической» краткой форме. Интересно, что в этом случае «высокий» смысл высказывания находится в явном противоречии с атмосферой распродаж. Подобные противоречия могут быть охарактеризованы как «поэтические вольности», рассчитанные на эстетически чуткого потребителя, который в принципе может оказаться и любителем пива или соков, и заядлым шопоголиком, и «потребительницей» косметики.

Пристальный взгляд на слоган позволяет, как нам представляется, признать лингвистическую самостоятельность этого жанра, его способность к развитию, тенденцию к лингвокреативности, которая выражается не только в комбинировании вербальных и невербальных средств при создании креолизованных текстов, но и в тонких и в некоторых случаях эстетически полноценных актуализациях лексико-грамматических значений и структурных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Валгина Н. С. 2003 — *Теория текста*. Москва.
Вепрева И. Т. 2009 — Креатив креатива, или о функционировании леммы *креатив* в современном русском языке. *Лингвистика креатива*. Екатеринбург. С. 112–134.
Виноградов В. В. 2001 — *Русский язык*. Москва.
Высоцкая И. В. 2010 — Средства «уплотнения» семантического пространства рекламного текста. *Лингвистические основы межкуль-*

- турной коммуникации. Ч. 1: Сб. мат-лов межд. научн. конф. 10–11 дек. 2009 г. Н. Новгород. С. 68–70.
- Ганжа И. 1998 — Как научить тому, чему научить невозможно (несколько лекций по рекламному креативу). *Маркетинг и реклама*. № 3. С. 13–16.
- Зирка В. В. 2004 — *Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект*. Днепропетровск.
- Иссерс О. С. 2007 — *Речевое воздействие*. Москва.
- Морозова И. 2003 — *Рекламный креатив: в поисках навязчивой идеи*. Москва.
- Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б. 2000 — *Рекламный текст: семиотика и лингвистика*. Москва.
- Ремчукова Е. Н. 2009 — Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии*. Тарту. С. 303–316.
- Ремчукова Е. Н. 2010 — *Креативный потенциал русской грамматики*. Москва.
- Студия графического дизайна —
www.grav.kz/viewpage.php?page_id=82 (14.02.2011).
- Феофанов О. 2011 — *Реклама. Новые технологии в России. Рекламный и торговый слоганы* —
http://polbu.ru/feofanov_advert/ch34_all.html (2.02.2011).

REKLAAMLAUSE KEELE KREATIIVSUSEST

Jelena Remtšukova

Mitmekülgne reklaamteksti analüüs keeleteaduse seisukohalt on aktuaalne teema russistikas. Artiklis analüüsitakse reklaami lühiteksti — reklaamlauset (ingl. *slogan*): tuuakse esile selle žanri tunnused, vaadeldakse reklaamlause funktsioone ja lauseehitust, leksikaal-grammatiliste tähenduste aktualiseerimise erinevaid viise. Reklaamteksti keeleteaduslik analüüs eeldab russistikas laialt levinud termini *lingvakreatiivne* kasutamist, mida tuleb pidada neutraalseks, võrreldes terminiga *loominguline*. See võimaldab adekvaatselt hinnata kreatiivseid, kuid kunstiliselt mitte alati põhjendatuid reklaamiloojate saavutusi. Reklaamlause spetsiifikat analüüsitakse võrreldes teise lühiteksti žanriga — pealkirjaga, kuna nende vahel

on palju sarnasusi, kuid ka mõningaid žanrist tingitud erinevusi. Mõlemas žanris on aktuaalne illokutiivne konflikt informatiivsuse ja atraktiivsuse vahel, mõlemale on iseloomulik “süntaktiline minimalism” ning subjektiiv-hinnanguline süntaks. Samas on just reklaamlause erijooneks apellatiivide ja imperatiivide kasutus, sest nende ülesandeks on eelkõige vahetu tegevusele õhutamine. Kuna reklaamtekst areneb imperatiivdiskursuse eriliigina, vaadeldakse “subjektiivsüntaksi” fookuses reklaamlause žanri lingvakreatiivsuse dünaamikat — imperatiivivormide 2. pöörde ainsuse või mitmuse vormi valikut. Lingvakreatiivsuse aspektist analüüsitakse erinevate sõnaliikide aktualiseerimist, grammatilisi või leksikaalhomonüüme, fraseologismide transformeerumist, metafoore ja metonüümiat.

Materjali analüüs võimaldab tunnistada reklaamlause žanri keelelist iseseisvust, arenemisvõimet, lingvakreatiivsuse tendentsi olemasolu, mis väljendub mitte ainult verbaalsete ja mitteverbaalsete vahendite kombineerimises tekstide loomisel, vaid peenetes, mõningail juhtumel esteetiliselt täisväärtuslikes leksikaal-grammatiliste tähenduste aktualisatsioonides ning struktuuri transformatsioonides.

COMMUNITY INTERPRETING: ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Р. Э. РОМАНЧИК

В последнее время все больше стали говорить о новом виде перевода, который по-английски называется *community interpreting*. Нельзя сказать, что этот вид перевода действительно очень нов, — в Швеции подготовка переводчиков, ориентированных, в первую очередь, на работу с эмигрантами, началась уже 1968 г. [Niska 2004]. Однако активное обсуждение круга вопросов, связанных с этим видом переводческой деятельности в международном контексте, — явление двух последних десятилетий. На русском языке разговоры о таком переводе имеют еще более короткую историю. Очевидным свидетельством сравнительной новизны темы в русском языковом пространстве является отсутствие четкого терминологического соответствия английскому *community interpreting*. Под *четкий* в данном случае следует понимать 1) общепризнанный, 2) однозначный, 3) узнаваемый. Здесь я не буду останавливаться на причинах такого положения¹, ограничившись его констатацией.

Разумеется, в той или мере затрагивая тему данного вида перевода, авторы вынуждены так или иначе решать вопрос его

¹ Они подробно анализируются в пока не опубликованной отдельной статье, подготовленной в соавторстве с К. Кару.

называния¹; и, как следует из сказанного выше, решают по-разному.

Один из простейших способов — сохранение исходного, то есть английского, облика термина, например:

«Изменился характер перевода и заказа. В центре внимания находятся профессиональные языки и перевод специализированных научных конференций, появились новые виды перевода — синхронный, последовательный на конференциях, радио- и телепередач (СМИ), магнитофонных записей, **community interpreting, teleinterpreting**, характерным признаком которого является удаленность переводчика от места конференции, **technical writing** — технический редактор и создатель текстов в специальной области коммуникации...» [Шеметов: 39].

Однако если на письме для реализации такой возможности существенных препятствий нет, то в устной речи использовать его довольно сложно. Кроме того, есть определенная ирония в том, чтобы, рассматривая круг вопросов, связанных с переводом (проблемы переводимости, адекватности и т. д.), обнаруживать «непереводимость» термина.

Проблема русского терминологического соответствия не осталась без внимания и на интернет-форумах переводчиков. Так, на одном из них² в процессе обсуждения были предложены следующие варианты: *сопроводительный, бытовой, общественный, перевод для этнической диаспоры*. Здесь, пожалуй, интересны не столько варианты, сколько сама дискуссия, — во-первых; и свидетельство актуальности проблемы — во-вторых.

¹ Необходимо заметить, что и в англоязычной литературе термин *community interpreting* не является единственным. Кроме того, вариативно и наполнение термина, см. об этом, напр., в [Hale 2007: 27–30]. Также укажем на отсутствие интернационального термина: иноязычные термины очень неодинаково по внешней и внутренней форме коррелируют с *community interpreting*. Это касается в том числе и языков государств с богатой социальной практикой указанного вида перевода.

² http://www.proz.com/kudoz/english_to_russian/linguistics/1301241-community_interpreting.html#3089069 (25.02.2011.)

Рассмотреть все множество выявленных по разным источникам вариантов (порядка 10) в настоящей статье невозможно, поэтому хотелось бы поделиться соображениями по поводу трех — на мой взгляд, наиболее сильных — по тем или иным причинам.

В поисках употребления того или иного термина я сознательно ориентировался на три типа источников:

- научная литература (результат минимальный);
- учебная литература как предопределяющая распространение термина среди будущих профессионалов;
- разнообразные интернет-источники как отражающие реальное положение дел среди практикующих переводчиков, переводческих агентств, заказчиков и т. д. В этом случае не важна авторитетность источника, так как на такое качество привыкли обращать внимание профессионалы, нам же важно знать, какое представление получит потребитель, обратившись к универсальной информационной системе.

Коммунальный перевод

Термин встречается в ряде учебных пособий, в том числе и такого авторитетного автора, как И. С. Алексеева. Она выделяет *коммунальный перевод* как один из видов перевода наряду с устным последовательным, синхронным, синхронизацией видеотекста, переводом с листа, письменным и машинным [Алексеева 2010: 13–26]. Несколько иной набор видов перевода в пособии О. А. Тимакиной, но и здесь как отдельный вид выделяется *коммунальный перевод* [Тимакина 2007: 28]. При этом «Под этим еще не окончательно устоявшимся названием скрывается одно из самых современных направлений в развитии деятельности устного переводчика: перевод в медицинских и административных учреждениях». Целесообразно также привести ключевые слова из следующей за этим определением статьи, чтобы без пространной цитаты дать представление о том, как автор учебника видит специфику рассматриваемого вида перевода: *позиция переводчика — обеспечения полного равноправия, полной правовой интеграции*

иностранного гражданина — контакт с властями — социальная и личностная психология — устная речь, далекая от официальной, диалекты и просторечие — язык суда, медицины, язык официальных учреждений — терпимость и выдержка в стрессовых ситуациях [Алексеева 2010: 20–21; Тимакина 2007: 37–38]¹. Очевидно, что речь идет о *community interpreting*, хотя и с ориентацией на «иностранного гражданина».

Этот же термин использует Е. В. Аликина, определяя (со ссылкой на [Torres Diaz 2006: 224]) коммунальный перевод как «обеспечение межъязыкового / межкультурного посредничества в судебных, медицинских, административных учреждениях. Другими словами, это вид переводческой культурологической помощи лицам, проживающим в стране, но не владеющим ее языком (иммигрантам, беженцам, пленным и др.)» [Аликина 2010: 29–30]. Не только определение, но и ссылки на работы англоязычных авторов однозначно свидетельствуют, что *коммунальный перевод* выступает здесь как эквивалент *community interpreting*. Окончательно симметричность этих терминов закрепляется в «Кратком словаре терминов устного перевода», где параллельно даны английское и французское соответствия [там же: 185].

Кафедра «Общий и профессиональный английский язык» при КнАГТУ предлагает возможность получить дополнительное образование по специальности «коммунальный переводчик» (устный перевод в медицинских и административных учреждениях)² с выдачей по окончании обучения диплома государственного образца, дающего право на ведение нового вида профессиональной деятельности.

¹ В обоих указанных здесь источниках раздел «Коммунальный перевод» представляет собой один и тот же текст без указания источника и упоминания фамилии другого автора в *Библиографии*. К сожалению, в моем распоряжении оказалось только 4-е издание учебника И. С. Алексеевой, что не позволяет здесь однозначно указать на первоисточник.

² <http://www.knastu.ru/activity/education/flc/extendedactivity.html#do> (25.02.2011).

Таким образом, термин *коммунальный перевод* можно рассматривать как кодифицированный или, по меньшей мере, кодифицируемый. В то же время его трудно рассматривать как утвердившийся: он не является ни единственным, ни наиболее распространенным. Показательно, что результаты, предлагаемые поисковыми системами в Интернете по запросу *коммунальный перевод*, очень скромны: всемирная паутина не предлагает никаких специальных статей на тему с использованием этого термина, его не найти ни в статьях, посвященных устному переводу (кроме тех материалов, которые опираются на указанные выше учебные пособия), ни на форумах, ни среди предлагаемых переводческими бюро и отдельными переводчиками услуг и т. д.

Не удалось найти сведений и о времени возникновения этого термина и его авторе, которые, возможно, пролили бы свет на его происхождение. Пока же способ его образования неочевиден. Собственно, почему перевод — *коммунальный*, или точнее, что означает это слово в составе термина?

Словари иностранных слов начала прошлого века толкуют это слово прежде всего как ‘общинный’, например: «*КОММУНАЛЬНЫЙ* (ново-лат., communis — общий) общинный, относящийся к общине» [СИС 1910]; «общинный, касающийся деревни, города, т. е. сельский, городской» [ПСИС 1907]. Однако со временем значение слова специализируется и раскрывается в словарях как:

1. Относящийся к *коммуне* (также свойственный, принадлежащий коммуне).
2. Относящийся к городскому хозяйству [ТСО 1992; ТСИС 1998]; «**Коммунальным** называется то, что принадлежит городскому хозяйству или имеет к нему отношение» [ТСРЯД 2003]. Или с еще большей конкретизацией: «Относящийся к городскому хозяйству, связанный с совокупностью служб и предприятий, обслуживающих население» [ТСЕ 2000].

При этом прослеживается четкая тенденция к изменению порядка подачи указанных значений: в словарях последних десятилетий в качестве первого приводится констатирующее связь

с городским хозяйством, а 'относящийся к коммуне' вытесняется на второе место. Тенденция является естественным следствием роста частотности употребления в значении 'относящийся к городскому хозяйству', в том числе и в целом ряде устойчивых словосочетаний и специальных терминов, например, *коммунальный банк*, *коммунальный кредит*, *коммунальная техника* и т. д.,¹ — с одной стороны, и снижением частотности слова *коммуна*, а соответственно и соотносимого с ней прилагательного, — с другой. Кстати заметить, что собственно *коммуна* понимается² как:

1. Коллектив людей, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда.
2. Во Франции, Италии, Бельгии, Алжире, Сенегале и некоторых других государствах поселение городского или сельского типа, образующее низшую административно-территориальную единицу.
3. В средневековой Западной Европе городская община, добившаяся от феодалов прав самоуправления.
4. В эпоху Великой Французской революции муниципальное самоуправление.

Лишь одно из четырех значений не маркировано как историческое или соотносимое с реалиями иностранной жизни.

Иное понимание слова в начале минувшего столетия демонстрирует словарь А. Н. Чудинова: «КОММУНА — (от лат. *communis* — общий). Вообще община. В частном смысле, коммунистическая община, коей устройство клонится к совершенному равенству прав и имуществ членов ее» [СИС 1910]. Но, как видим, значение 'вообще община' слово в русском

¹ В то же время есть термины с компонентом *коммунальный*, значение которых стремится к автономности, например, *коммунальная гигиена*, однако их семантическое развитие остается сравнительно прозрачным, более того, подобные термины все больший акцент делают на сему 'населенный пункт'.

² Приводится определение, обобщающее данные указанных выше словарей. Порядок подачи и набор значений 2–4 могут в них варьироваться.

языке не сохранило¹. А семантическая связь основного значения существительного *коммуна* и прилагательного *коммунальный* за прошедший век значительно ослабилась. Последнее в современном русском языке — это, прежде всего, ‘связанный с городским хозяйством’.

Итак, прилагательное *коммунальный* не обладает в современном русском языке семантическим потенциалом для логической сочетаемости с *перевод*. Безусловно, в процессе терминологизации слово переживает семантические сдвиги, но сдвиги эти происходят на основе имеющегося значения. В нашем случае, по-видимому, изначально имело место стремление к заимствованию и его адаптации — только в этом усматривается логика появления такого сочетания:

франц. *interprétation communale* → рус. *коммунальный перевод*.

По сути своей способ терминообразования вполне корректный. Более того, решение отвечает наблюдаемому в современной науке стремлению к использованию интернационализмов. Это несомненное достоинство данного варианта. Однако восприятию термина в таком ключе препятствует

- а) доминирование в литературе английского термина (из-за большего числа специальных работ на английском), соответственно, французский прообраз остается «нераспознанным»;
- б) упомянутая высокая частотность слова *коммунальный* в русском языке, из-за которой оно воспринимается привычно и с теми значениями, которые в языке уже есть (что не исключает осознания его иноязычного происхождения).

В результате комплексного воздействия этих факторов прилагательное *коммунальный* в составе термина оказывается омонимичным уже существующему в языке, причем не только в общелитературном, разговорном, но также в официально-деловом и научном. Последнее обстоятельство также заслуживает особого внимания.

¹ Кроме того, и в семантике слова *община* в последнее время произошли значительные сдвиги.

В принципе, любая терминологическая система обслуживает определенную область понятий, и требование однозначности термина актуально, прежде всего, в ее пределах. В теории перевода гипотетическая позиция «коммунальный» свободна, то есть можно ее занять и наполнить любым содержанием «по договоренности». Однако переводческая практика по сути своей — область публичная, и в том, что касается отношений с потребителем переводческих услуг, не может быть герметичной. Речь идет о том, что заказчик, как минимум, должен представлять, какие услуги ему предлагаются или в каких услугах он нуждается. И уж тут он волей-неволей исходит из известных ему значений слов. В случае же с рассматриваемым видом перевода омонимия представляет еще более очевидную проблему, поскольку основная область применения — государственные административные учреждения, в том числе, разумеется, и муниципальные, а в этой сфере позиция занята, как занята она в области экономики и права. Это, представляется, чревато и трудностями внедрения переводческой практики в гражданско-правовую систему.

Итак, надо еще раз отметить, что одним из существенных достоинств термина *коммунальный перевод* является то, что на сегодняшний день это наиболее последовательно используемый термин, закреплённый в целом ряде учебных пособий, учебных программ, лекционных курсах, с достаточно четкой понятийной соотнесенностью. К достоинствам следует отнести и стремление сохранить формальные межъязыковые корреляции. Недостатками данного обозначения являются:

1. Немотивированность в пределах русского языка, как следствие — необозначенность специфики.
2. Употребление в качестве определяющего распространенного слова в несвойственном ему значении. Как следствие — эффект неправильной сочетаемости и / или введение в заблуждение о специфике.
3. Общим следствием первых двух характеристик оказывается чрезмерная условность (идиоматичность) и неинформативность.
4. Неявность интернационального характера термина.

5. Омонимичность определяющего компонента в сопряженных терминологических системах.
6. Неоптимальные условия внедрения в государственную (общественно-правовую) практику.

Социальный перевод

Такой термин был предложен, в частности, Ю. В. Сметаниной-Болдвин [Сметанина-Болдвин 2008] с примечанием «перевод автором термина *community interpreting*». Этот вариант невыгодно отличается от термина *коммунальный перевод* неcodифицированностью, то есть незакрепленностью в научной и учебной литературе, специальных словарях и энциклопедиях. Не имея в своем распоряжении всей учебной литературы по теории и практике перевода за последние годы, нельзя с уверенностью утверждать, что термин совсем не попал в учебники. Однако ни в одном из доступных мне пособий его не оказалось. Поиск в Интернете также не дал существенных результатов (по учебникам, статьям, учебным планам, курсам, специальностям и т. д.).

С другой стороны, логичность такого названия раскрывается Ю. В. Сметаниной-Болдвин в определении и описании данного вида перевода:

«Социальный перевод — это вид перевода, позволяющий человеку, не говорящему на языке данного сообщества, получить **доступ к различным видам социального обслуживания** при помощи переводчика. Социальный перевод — это институционный перевод, выполняющийся в условиях здравоохранительных, образовательных или правоохранительных учреждений, а также **других социальных институтов**. Другими словами, это перевод в поликлиниках, больницах, судах и отделениях милиции, школах, пенсионных фондах, на биржах по трудоустройству и т. д. Социальный перевод выполняется для нуждающегося в нем человека бесплатно: финансирование осуществляется из государственного / местного бюджета либо оплачивается страховыми компаниями» [Сметанина-Болдвин 2008: 37–38].

«Таким образом, социальный переводчик — это профессионал, владеющий специализированной **социолексикой** (медицинской, юридической, т. д.) исходного языка и языка перевода, техноло-

гиями перевода в определенном ситуативном контексте (операционная, родильный дом, КПЗ, спецприемник, школа, интернат и пр.), коммуникативными навыками общения с различными категориями населения (включая очень старых, очень больных, несчастных, бедных, необразованных, запуганных и даже преступников) и знанием культуры и **социальной конкретики** данных лингвокоммуникативных общностей» [Сметанина-Болдвин 2008: 39].

Высокая «концентрация» социальной проблематики в данных фрагментах очевидна: от прямого лексического называния до перечисления предметов и явлений, отчетливо связанных с социальной сферой. Интересно, что «социальное» представлено в этих текстах сразу в нескольких аспектах¹:

Социальные институты — *здравоохранительные, образовательные, правоохранительные учреждения, другие социальные институты, поликлиники, больницы, суды, отделения милиции, школы, пенсионные фонды, биржи по трудоустройству и т. д., КПЗ, спецприемник, школа, интернат, и пр.*

Социальная стратификация (по разным основаниям) — *различные категории населения (включая очень старых, очень больных, несчастных, бедных, необразованных, запуганных и даже преступников); социолекты.*

Социальные права и гарантии — *доступ к различным видам социального обслуживания.*

Социальное обеспечение — *социальный перевод выполняется для нуждающегося в нем человека бесплатно: финансирование осуществляется из государственного / местного бюджета либо оплачивается страховыми компаниями.*

Таким образом, через понятие социального определяется вся специфика вида перевода. Кроме того, со всей очевидностью логика описания предопределяет также требования к перевод-

¹ Ниже приводится очень поверхностная дифференциация, в действительности многие слова и выражения имеют разные социальные измерения одновременно, например, *биржа труда* (соц. учреждение, соц. гарантии, соц. права, соцобеспечение, соц. стратификация и т. д.).

чику, круг дисциплин, с которыми будущий специалист должен познакомиться в процессе обучения, а также области взаимодействия для введения перевода в практику, то есть потенциальных партнеров:

МЕСТО	соц. учреждения
НАЗНАЧЕНИЕ	доступ к соц. услугам
УЧАСТНИКИ СИТУАЦИИ	социально неравны, одна сторона часто к тому же социально неблагополучна
ОРГАНИЗАЦИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЕ	соцобеспечение
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПЕРЕВОДЧИКУ	владение социолектами знание социальной конкретики и социально-правовой базы (в конкретной области)
НЕОБХОДИМЫЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	социальная психология социология социальная работа
ПАРТНЕРЫ	социальные службы

Как видим, в термине *социальный перевод* в полной мере отражается понятийная специфика, и в этом отношении его бесспорно можно считать удачным. Однако при этом он остается непрозрачным. В толковании слова *социальный* данные привлеченных словарей единообразны: ‘свойственный обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный’. Иллюстративные словосочетания свидетельствуют, что значение это очень общее, ср., например, значение прилагательного в выражениях: *социальный статус, пакет, контроль, социальная среда, сфера, психология, работа, сеть, социальное положение, обеспечение, явление, социальные службы, науки* и т. д. Понятность этих выражений обеспечивается знакомством с ними. На стадии же введения в практику идиоматичность оказывается скорее препятствием: любой перевод, тем более устный, свойствен обществу и связан с жизнью общества.

Вторым недостатком, порождаемым включением в состав термина слова с таким широким значением, оказывается конкуренция понятийного наполнения. Иными словами, высока вероятность использования того же словосочетания с другим

значением (с иной конкретизацией значения), то есть омонимия или употребление в неопределенном значении. В случае с *социальный перевод* реализация такой возможности не заставила себя долго ждать:

Во-первых, этот термин используется в интернет-среде в значении, которое упрощенно можно определить как ‘коллективный’¹, см., напр., <http://mozgorilla.com/news/soft-and-technology/socialnyj-perevod-ot-facebook/> (25.02.2011), <http://forum.rcdesign.ru/blogs/349/blog7486.html> (25.02.2011), <http://habrahabr.ru/tag/социальный%20перевод/> (25.02.2011).

Во-вторых, в этот термин вкладывается значение ‘перевод личных документов’. Так можно заключить из описания услуг, предоставляемых Всероссийским центром переводов научно-технической литературы и документации (ФГУП ВЦП):

«Помимо таких видов услуг, как технический перевод, медицинский и т. д., мы активно работаем в достаточно новом направлении перевода: **социальный перевод**. Профессиональными переводчиками выполняются заказы для российских и иностранных граждан по переводу личных документов разного типа. И качество перевода здесь особенно важно. Кроме того, перевод и последующее заверение таких документов позволяет быстрее адаптироваться к условиям современного общества и решить многие вопросы и социальные задачи. Мы выполняем все нормативы на перевод» [<http://www.vc-p.ru/main> (25.02.2011)].

В-третьих, использование в неопределенном (неявном) значении. На сайтах переводческих агентств можно найти немало «социальных переводчиков», но представленный перечень услуг не раскрывает особенностей их переводческой деятельности, см., напр., <http://www.ruslanserv.eu/belgium.htm> (25.02.2011).

Выше указаны выявленные случаи употребления словосочетания *социальный перевод* (*социальный переводчик*) в ином,

¹ В действительности имеются в виду несколько разные явления, со спецификой которых можно познакомиться по указанным ссылкам, здесь же различия между переводом в социальных сетях (которому он, по-видимому, и обязан своим названием) и на тематических страницах представляется не принципиальным.

чем *community interpreting*, или нечетком значении. Но семантический потенциал прилагательного *социальный* этим не исчерпывается, то есть возможно появление новых, отличных от рассмотренных, значений.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что недостаток этот актуален лишь на стадии становления термина. После того, как он утверждается, то есть закрепляется в терминологической системе с конкретным наполнением (любым), делается узнаваемым, — проблема исчезает сама собой. Пока же ни одно из значений не является стабильным, что и позволяет говорить о конкуренции, а не о принципиальной омонимичности существующему термину.

Неидеально сочетание *социальный перевод* и с точки зрения межъязыковой симметрии: термин не является интернациональным, не сохраняет формальной связи с *community interpreting*, однако включает в себя интернационализм *социальный*, что делает рискованным «обратный перевод» на английский, французский и др. языки. Точнее, речь идет о том, что легкость калькирования порождает альтернативный термин англ. *social interpreting*, *public service interpreting*. Значимость этого недостатка можно оценивать по-разному, ведь, прежде всего, терминологическая система на национальном языке создается для функционирования в этом языке, а корреляция с иноязычными системами — вопрос не первостепенный. К тому же выше уже упоминалось, что на сегодняшний день европейские языки не используют для данного вида перевода интернациональный термин, так что русский язык с вариантом *социальный перевод* следует общей тенденции.

Что касается русской терминологической системы, то представляется, что этот термин может быть удобным инструментом не только теории перевода (акцент на социальных особенностях вида перевода), но и смежных социальных наук (с потенциалом выделения в особую социальную дисциплину, с выработкой четких стандартов и сертификацией), а также собственно социальной сферы, что в перспективе может реально отразиться на общественно-правовых нормах государства.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно говорить о следующих достоинствах термина *социальный перевод*:

1. Обоснованность (разносторонняя мотивированность).
2. Указание на специфику вида перевода.
3. Включенность в соответствующий понятийный контекст.
4. Хороший потенциал для включения в сопряженные понятийные системы.

Как минусы этого термина были выделены:

1. Некодифицированность.
2. Довольно высокая степень идиоматичности.
3. Неоднозначность.
4. Межъязыковая асимметричность.

Сопроводительный перевод

(эскорт-перевод, сопровождающий перевод)

Параллель *сопроводительный перевод* — *community interpreting* зафиксирована в программе XI МНКП «Федоровские чтения» в названии мастер-класса Е. К. Вьюновой «Методика преподавании видов устного перевода (сопроводительный — *community interpreting* и перевод нашептыванием — *chuchotage*)» [МНКП 2010: 18]. На основании этого можно предположить, что с таким понятийным наполнением этот термин используется на кафедре английской филологии и перевода СПбГУ, но поскольку возможности ознакомиться с учебным планом у меня не было, последнее — не более чем предположение. Так или иначе, это тождество заявлено на очень авторитетном форуме, что бесспорно является одной из форм кодификации. Так же перевели *community interpreting* участники указанного в начале настоящей статьи переводческого Интернет-форума. Разумеется, значимость этих источников очень разная, да и понимание термина *community interpreting* весьма произвольное.

Термин *сопроводительный перевод* указывает на специфику рассматриваемого вида перевода через указание на роль переводчика, который сопровождает своего клиента, не владеющего официальным языком государства. Таким образом,

термин можно рассматривать как мотивированный, и это его несомненное достоинство.

Однако в отношении однозначности возникают большие сомнения. На протяжении долгого времени термин активно использовался в значении ‘межъязыковое / межкультурное посредничество в бытовых ситуациях зарубежных поездок’ [Аликина 2010: 30, 187]¹. Один из участников упомянутого интернет-форума объяснил это несоответствие тем, «что русский термин “сопровождающий перевод” возник применительно к приезжавшим в СССР гостям множества общественных организаций и туристам. Хождений по судам не предполагалось»². Однако понятие сопроводительного перевода отнюдь не является исключительно советским или специфически русским феноменом, ср.:

Escort. In escort interpreting, an interpreter accompanies a person or a delegation on a tour, on a visit, or to a meeting or interview. An interpreter in this role is called an *escort interpreter* or an *escorting interpreter*. This is liaison interpreting [http://en.wikipedia.org/wiki/Language_interpretation (25.02.2011)].

Если обратиться к рынку переводческих услуг, мы увидим, что спрос на эскорт-переводчика стабильно высок, что естественно в эпоху стремительно развивающегося туризма. Таким образом, нет оснований полагать, что понятие сопроводительного перевода в прежнем значении утратило свою актуальность. Получается, что тождество *community interpreting* — *сопроводительный перевод*, предполагает:

1. или терминологизацию словосочетаний *сопроводительный перевод*, *сопровождающий перевод*, *эскорт-перевод с разным содержанием*,

¹ Следует обратить внимание на то, что в указанном учебнике *сопроводительный* и *коммунальный* рассматриваются как разные виды перевода и только последний соответствует *community interpreting*.

² http://www.proz.com/kudoz/english_to_russian/linguistics/1301241-community_interpreting.html

2. или, рассматривая отношения между *community interpreting* и *escort interpreting*, расценивание их как

а) одного и того же вида перевода,

б) одно — частный случай другого.

Первый вариант представляет собой проблему называния. Понятийно развести эти термины довольно сложно из-за близости внутренней формы, тем более в условиях не очень аккуратного обращения со словом¹. Второй — вопрос содержания, поскольку в данном случае решается не «как это по-русски», а проблема теории перевода решается в ином ключе, причем *community interpreting* как самостоятельный вид, по сути, отрицается.

Итак, вариант *сопроводительный перевод* обладает следующими достоинствами:

1. Использование на авторитетных конференциях.
2. Практика использования в преподавании.
3. Указание при назывании на специфику вида перевода (через роль переводчика).

Как на недостатки этого термина следует указать на:

1. Омонимичность в пределах терминологических систем теории перевода и переводческой практики.
2. Нарушение упорядоченности терминологической системы.
3. Смещение акцентов при выделении специфики вида перевода.
4. Элиминирование вида перевода как самостоятельного.

* * *

Закономерно, что анализ не выявил «идеального» термина. В статье и не преследовалось подобной цели. Тем не менее хочется надеяться, что с учетом выявленных *за* и *против* переводческому сообществу будет легче прийти к принятию общего варианта.

¹ Ср., например, произвольность определения видов перевода на сайтах переводческих агентств.

СЛОВАРИ

- БТСРЯ 1998 — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- ПСИС 1907 — Попов М. *Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке*. Санкт-Петербург.
- СИС 1910 — Чудинов А. Н. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*. Санкт-Петербург.
- ТСЕ 2000 — Ефремова Т. Ф. *Современный толковый словарь русского языка*. Т. 1. Москва.
- ТСИС 1998 — Крысин Л. П. *Толковый словарь иностранных слов*. Москва.
- ТСО 1992 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- ТСРЯД 2003 — Дмитриев Д. В. *Толковый словарь русского языка*. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева И. С. 2010 — *Введение в переводоведение*. Санкт-Петербург–Москва.
- Аликина Е. В. 2010 — *Введение в теорию и практику устного последовательного перевода*. Москва.
- МНКП 2010 — *XI международная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения» (20–23 октября 2010, Санкт-Петербург). Программа*.
- Сметанина-Болдвин Ю. В. 2008 — Социальный перевод как зарождающееся явление в коммуникативной лингвистике — проблемы и опыт. *Мир перевода*. № 2 (20). С. 37–41.
- Тимакина О. А. 2007 — *Курс лекций по дисциплине «Теория перевода»*. Тула. http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=41071 (25.02.2011).
- Шметов В. Б. — *Курс лекций по теории перевода для студентов второго и третьего курсов, а также для подготовки к гос. экзаменам*. <http://www.lib.csu.ru/texts/lingua/ShemetovBV.pdf> (25.02.2011).
- Hale S. 2007 — *Community interpreting*. Palgrave Macmillan. <http://www.fit-ift.org/cbi/download/sweden.pdf> (25.02.2011).
- Niska H. 2004 — *Community Interpreting on Sweden*.

Torres Diaz M. G. 2006 — The interpreter as a communicator. *Роль университетов в международной интеграции регионов: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 5–7 июня 2006 г.)* Тюмень.

COMMUNITY INTERPRETING:
 VENEKEELSE TERMINOLOOGILISE VASTE VARIATIIVSUS

Romasz Erlend Romantšik

Artiklis on vaadeldud terminoloogilisest aspektist tõlketeaduse haru, mida maailmas on aktiivselt uuritud viimase paarikümne aasta jooksul. Tege-mist on tõlkeliigiga, mida ingliskeelses kirjanduses tähistatakse enamasti terminiga *community interpreting*; see tekkis 1960. aastate lõpus – 1970. aastate alguses. *Community interpreting* on suulise tõlke liik, mis leiab aset ametiasutustes (politseijaoskondades, tervishoiuasutustes, koh-tutes, sotsiaalabiasutustes jm) ning mille eesmärgiks on vahendada suht-lust ametniku ja asutuses viibija vahel, kes ei valda vastava riigi ametlik-ku keelt, tagamaks viimasele juurdepääs riiklikele teenustele.

Vene keeles ei ole terminile *community interpreting* ühtset termino-loogilist vastet senimaani välja kujunenud. Samas, puudutades antud tee-mat, on eri autorid sunnitud nii või teisiti lahendama selle nähtuse nime-tamise probleemi. Erinevaid vasteid terminile *community interpreting* õnnestus erinevatest allikatest leida kümme-kond. Artiklis on lähemalt vaadeldud kolme: *коммунальный перевод*, *социальный перевод*, *сopro-водителный перевод*. Nimetatud vasteid on välja valitud seetõttu, et neil on ilmselt terminoloogia seisukohalt kõige suurem potentsiaal saada üld-kasutatavaks. Kõigi terminite puhul on välja toodud nende positiivsed ja negatiivsed küljed lähtudes terminilooma printsiipidest. Analüüsi käigus selgus ettearvatavalt, et “ideaalset” terminit ei ole olemas, samas võib antud uurimusest olla abi nii tõlkidele, kui ka tõlketeadlastele ühtse aru-saama kujundamisel, kuidas ikkagi vene keeles seda tõlkeliiki nimetada, sest *community interpreting* areneb seda jõudsamini, mida jõudsamaks muutuvad üleilmastumise protsessid, seega vajadus selle nähtuse nimeta-mise järele ei kao, vaid muutub üha aktuaalsemaks.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ГАЗЕТ РОССИИ И ЛАТВИИ 1918–1940 гг.

Т. А. СТОЙКОВА

С позиций социолингвистики дискурс — стереотипизированное общение, соотносимое с определенным общественным институтом [Карасик 2004: 233–234]. Применительно к социуму традиционно выделяют разные виды институционального дискурса: политический, массово-информационный, педагогический, мистический, медицинский, научный, рекламный, религиозный и т. д. Устойчивый исследовательский интерес к религиозному дискурсу в русской лингвистике сформировался относительно недавно, под влиянием внешних факторов, когда изменилось отношение государства к церкви. Сближение церкви и государства, поддержка церкви государством в 90-е гг. прошлого века возродили активность религиозной сферы общественного и языкового сознания и предопределили необходимость научного описания как церковно-религиозного, или религиозно-проповеднического, стиля в его жанрово-стилистических разнovidностях [Крысин 1996; Крылова 2000; Розанова 2003; Крысин 2004; Худякова 2008], так и религиозного дискурса [Карасик 2004]. Понятие *дискурс*, конечно, шире соотносимого с ним понятия *стиль*: жанрово-стилистические параметры выступают как весьма значимые, но частные категории дискурса. Чтобы охарактеризовать дискурс, нужно иметь совокупность текстов, которые отражают единство тематики, «образа автора» и адресата, коммуникативной цели, стратегий

и ценностей данного институционального дискурса и характеризуются жанрово-стилистическими особенностями, соответствующими дискурсу.

В настоящей статье предпринимается попытка сопоставления языка метрополии и русского языка Латвии 1918–1940 гг. (когда русский язык, потеряв статус официального, являлся языком меньшинства) в аспекте дискурса, предлагается сопоставительный анализ религиозного дискурса, ограниченный материалами русских латвийских и российских газет рассматриваемого периода.

В латвийской русской газете «Сегодня», издававшейся в Риге с 1919 г. по 1940 г., данный дискурс представлен чрезвычайно выразительно. «Сегодня» — важный источник фактов, тенденций развития русского языка в период Латвийской республики 1918–1940 гг., когда Латвия впервые в своей истории была самостоятельным государством. Газета в течение 21 года фактически выполняла функции центрального издания для русскоязычных жителей страны, так как дублировала центральную прессу (выходившую на государственном, то есть латышском, языке), информируя свою аудиторию о внешне- и внутривластных событиях и правительственных мероприятиях, публиковала выступления государственных, общественных деятелей, сообщала о событиях культуры и т. д. «Сегодня» как по-настоящему независимая демократическая газета предлагала подлинный плюрализм мнений, оценок, суждений (особенно в первое десятилетие своего существования, более осторожно — после государственного переворота 15 мая 1934 г.). Таким образом, «Сегодня» почти четверть века отражала общественное сознание русскоязычной аудитории Латвии.

Газеты «Известия» (в статье цитируется по газете «Сегодня») и «Правда», центральные государственные издания советской России, также отражали общественное сознание — России, но с той существенной разницей, что это было тоталитарное сознание.

Итак, условно допуская функциональную равнозначность газет, материалы которых анализируются и сопоставляются в настоящей статье, обратимся к эпохе, когда в новой России

«церковь была гонима, и деятельность священнослужителей и проповедников, то прямо запрещавшаяся официальными властями, то так или иначе ущемлявшаяся, находилась как бы на периферии социальной жизни и общественного сознания» [Крысин 2004: 288].

В отличие от советской России, в независимой Латвийской республике (1918–1940 гг.) не было болезненного разрыва церкви и государства. Церковь — религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности, не только не преследовалась, но и непрерывно сохраняла свое заметное влияние на светскую, государственную жизнь.

Важной жанрово-стилистической категорией дискурса считается категория проективности, которая проявляется в реализации дискурса на жанрово-стилистической основе других институциональных дискурсов [Карасик 2004: 245], однако это не означает, что категория проективности непременно характеризует все виды дискурса. Проективная реализация русского религиозного дискурса Латвии 1918–1940 гг. через массово-информационный (газетный) дискурс является его особенностью и мотивирована тем, что значимость религиозной сферы в социально-общественной жизни государства, влияние религиозного сознания на общественное сознание в целом были велики и, несомненно, предопределили презумпции газетного дискурса.

Церковная обрядовость распространялась и на светские, государственные мероприятия, поэтому для латвийского варианта русского языка рассматриваемого периода характерно активное проникновение церковной лексики (то есть лексики, связанной с религиозной сферой, с бытом верующих и сопровождающейся в словаре эпохи — «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова — пометами *церк.* или *религ.*) в тексты заметок и небольших статей, сообщающие об этих мероприятиях. Ср., например, следующие контексты из газеты «Сегодня»:

[/.../ по старинной традиции, въ Эдинбургской церкви имени Казанской Божьей Матери, послѣ Божественной литургіи [/.../

будетъ совершёнъ молебень по случаю начала лѣтняго сезона на Рижскомъ Взморье («Сегодня», 28 мая 1933 г.);

/.../ въ соборѣ архіепископа состоялось еще небывалое въ Латвіи торжество введенія въ должность главного настоятеля арміи — ея оберъ-пастора и кавалера военного ордена Лачплесиса, П. Апкална. /.../ Раздались звуки фанфаръ, и объединенные оркестры /.../ стали играть старинный хораль. /.../ У алтаря архіеп. д-ръ Т. Гринбергъ началъ литургійное богослуженіе и интродукцію оберъ-пастора арміи («Сегодня», 1 марта 1936 г.).

На протяжении всего периода Латвийской республики 1918–1940 гг. в газете «Сегодня» существовала рубрика «Сегодня въ Ригѣ» (в 1938–1940 гг. рубрика называлась «Сегодня в столицѣ»), отражающая хронику дня. Информационные заметки о светских, официально-государственных мероприятиях и бытовых событиях здесь неизменно перемежались сообщениями о фактах религиозно-культурной жизни, о том, какие события отмечает христианская Церковь. Как правило, эти сообщения занимают первые позиции хроники (в контекстах выделено жирным шрифтом). Ср. заголовки заметок из рубрики за разные годы:

1. Храмовый праздникъ Краснодвинской церкви; 2. Церковное торжество; 3. Освященіе плодовъ; /.../ 6. Созывается собраніе лѣсопромышленниковъ для организаціи кооператива; 7. Попала подъ трамвай («Сегодня», 8 августа 1932 г.);

1. Крещеніе Господнѣ по старому стилю; 2. 100-летіе со дня кончины преп. Серафима Саровскаго отмѣчается сегодня на Латгальскомъ предместѣ; 3. Новый завѣдующій отдѣломъ пропаганды и информации м-ва внутр. дѣлъ; 4. Курсы для пожарныхъ («Сегодня», 21 января 1935 г.);

1. Праздникъ благовѣщенія пресвѣтой Богородицы у католиковъ; 2. Награжденіе орденомъ «Трехъ звездъ»; 3. Назначеніе по радиофону и телефону; /.../ 5. Новый польскій военный атташе въ Латвіи; 6. Руководитель нац.-соц. организацій въ Латвіи Э. Крегеръ не состоитъ въ адвокатурѣ («Сегодня», 26 марта 1936 г.).

Содержательно хроникальные заметки свидетельствуют как о сильной религиозной традиции, так и о подготовленности широкой читательской аудитории (адресата), так как включа-

ют церковную лексику, представляющую специфические лексико-тематические группы, а именно: номинации представителей разных конфессий и номинации должностей церковной иерархии (*архиепископ, патриарх, митрополит, иерей, протоиерей, диакон, благочинный, муфтий, викарий, пастор, старшина Хоральной синагоги, папа*); названия церковных праздников, служб и обрядов (*Преображение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Крещение Господне, крещенское водосвятие, крестный ход, вечерня, всенощная / всенощное бдение, божественная литургия, молебен, панихида* и т. д.); названия музыкально-поэтических произведений, исполняемых в храме (*акафист, пассия, хорал*); названия специальных документов, регламентирующих церковную деятельность (*томоз, энциклика*) и т. д.

Прагматический аспект заметок, небольших статей отражает, с одной стороны, подготовленность и интерес адресата, с другой — интенции адресанта как духовного наставника, и наконец — религиозно-просветительскую функцию данных текстов, которая реализуется в комментировании духовного смысла библейских событий и аллегорий, в оценке деятельности проповедников, подвижников церкви и т. д., например:

Пространное слово памяти патріарха Тихона перед панихидою произнесъ прот. Ю. Янсонъ, разъяснив значеніе подвижнической деятельности покойного патріарха [...]. Личность патріарха прот. Янсонъ характеризует какъ свѣточъ православія, от котораго лились бодрящіе лучи вѣры, поддерживающіе, наперекоръ всѣмъ гоненіямъ, [...] духъ вѣрующихъ («Сегодня», 11 апреля 1928 г.);

Богослуженіе началось съ общаго хора. Затемъ пасторъ Таубе прочелъ стихъ изъ Евангелія, где приводятся слова Христа о томъ, что всѣ тѣ, кто слушаютъ Его слова, уподобляются мужу благоразумному, построившему домъ свой на камнѣ, а всѣ тѣ, кто не исполняетъ словъ Христа, уподобляются человѣку безразсудному, построившему домъ свой на пескѣ, погибшему при первомъ ливнѣ («Сегодня», 10 января 1936 г.).

Однако жанры заметки, статьи связаны с периферией религиозного дискурса и проективно указывают на его диффузные

связи с другими институциональными дискурсами (массмедийным, деловым). Ядро религиозного дискурса образуют специфические жанры церковно-религиозного стиля — молитва, исповедь, проповедь, послание (деятелей церкви) [Розанова 2003: 341]. Тексты данных жанров непосредственно отражают тематическое своеобразие, коммуникативную цель, ценности религиозного дискурса. В качестве примера сошлемся на «Послание митрополита Евлогия», обращенное к *дорогой пастве* и опубликованное в газете «Сегодня» за 3 июля 1928 г. Автор послания — митрополит Евлогий, глава православной церкви в Западной Европе. Послание продиктовано потребностью преодолеть внутрицерковные распри, раскол в православной церкви как реакцию на гонения церкви, происходившие в советской России. Послание и по содержанию, и по целям канонически выдержано в соответствии с параметрами религиозного жанра. Не имея задачи обстоятельного анализа послания, отметим лишь существенные моменты.

Основным содержанием письма является анализ состояния православной церкви в конце 20-х гг., анализ причин данного состояния и выражение воли к единению церкви:

/.../ я съ величайшимъ напряжениемъ своихъ силъ отстаивалъ два основныхъ начала церковной жизни: сохраненіе нашего единства съ Матерью Русской Церковью и ея высшей властью (Патріархомъ Тихономъ и его законными преемниками) и ея свободу отъ политическихъ влияній; Видитъ Богъ, съ какою любовію я готовъ /.../ забыть все наши распри и огорченія и снова работать вмѣстѣ на благо нашей страждущей Церкви.

В послании используются традиционные религиозные формулы, в основе которых церковная лексика, например: фатические формулы приветствия: *Возлюбленные о Христѣ братіе, сестры и чада*; формулы благословения: *Да благословитъ ее (паству) Господь за эту трогательную любовь*; пожелания: *Да внесетъ Господь успокоеніе и миръ в наши измученные души; Богъ мира и любви да будетъ со всѣми нами*; прецедентные тексты и цитаты из Священного Писания с указанием источника цитирования: *возлюбленные братіе и сестры, «как послушные дѣти» (1, Петр, 1, 14) нашей Матери Церкви.*

Религиозные ценности (которые находят выражение в центральных концептах дискурса — *Бог, Вера, Церковь*) декларируются открыто, что составляет специфику данного дискурса [Карасик 2004: 269]: *Церковь, как Царство Божіе на землѣ имѣетъ абсолютное и вѣчное значеніе.*

Эмоционально-воздействующая цель послания, как и любого церковно-религиозного текста, состоит в утверждении, в укреплении веры и реализуется через освещение значимой роли церкви в общественной жизни (*она непреодолима и непреоборима и только она может спасти Россію*), через повествование о духовном подвижничестве выдающихся деятелей *Матери Русской Церкви — Святителя Алексія, Митрополита Московского, Митрополита Сергія.*

Обобщая, отметим главное. Религиозный дискурс в русском языке независимой Латвии 1918–1940 гг. имел глубокую и непрерывную традицию, которая, по-видимому, восходит к временам Российской империи и подчеркивает преемственную связь латвийского варианта русского языка с языком метрополии периода империи. Религиозное сознание в значительной мере пронизывало общественное сознание, влияя на различные сферы общественной жизни, поэтому представляется мотивированной проективная реализация данного дискурса на жанрово-стилистической базе других институциональных дискурсов (в газетных жанрах заметки, статьи, хроники). Однако в газетном коммуникативном пространстве актуализированы также и специфические жанры религиозно-проповеднического стиля, составляющие ядро религиозного дискурса.

Можно ли подобрать соответствующие тексты в материалах российских газет рассматриваемого периода — иными словами, можем ли мы говорить о развитом, открытом религиозном дискурсе в контексте тоталитарной идеологии советского государства 1920–1930-х гг.? Ответ заранее известен, однако исследовательские наблюдения показывают активность лексики, соотносимой с религиозной сферой, — как общеупотребительной, так и имеющей словарные пометы *церк.* и *религ.*, то есть лексики, которая является приметой церковно-религиозного (религиозно-проповеднического) стиля,

характеризующего религиозный дискурс. Ниже приводятся типичные газетные контексты ее употребления в конце 1920-х – начале 1930-х гг.:

1) *Крепче ударим по кулаку и церковнику*

/.../ **Церковники** — активные помощники кулака. В связи с выборами в советы оживилась деятельность **церковников** и **сектантов**. **Попы** вместе с **кулаками** распространяют всевозможные слухи о «чудесах», о войне и т. д. /.../ Некоторые **попы** пытаются замаскироваться под **друзей бедноты** и **врагов кулачества** («Правда», 11 января 1929 г.).

2) *В наступление на антирелигиозном фронте*

/.../ **Пролетариат** создает высочайшую мораль — она станет общечеловеческой.

Вчера в Москве открылся II всесоюзный **с'езд безбожников**. Собрался самый стойкий, самый выдержанный **актив безбожия** — той «религии будущего», к которой неизбежно, неотвратимо движется мир.

/.../ На две тысячи людей затесался лишь **один ублюдок**. «**Исповедник**», пожелавший остаться неизвестным, прислал с галерки в президиум лаконичную записку: «Горе тому, кто идет против **Создателя**». Записку огласили, с'езд ответил на нее взрывами негодующего смеха /.../

При всех недостатках нашей пропаганды **безбожия** она не сегодня — завтра станет массовой, она втянет в себя миллионы людей («Правда», 11 июня 1929 г.).

3) *Против Рождества*

По городу проведено свыше 500 **антирелигиозных лекций**. В фабричном и городском районах Твери с большим успехом прошли **антирелигиозные карнавалы** («Правда», 8 января 1930 г.).

4) *Контрреволюция под флагом церкви*

/.../ **церковь** в СССР является лишь **оружием эксплуататоров**, их служанкой. /.../ в царской России церковь помогала душить революцию, благословляла самые гнусные убийства **рабочих**, благословляла грабительские войны. /.../ при советской власти **церковь** за все эти годы была **слугою белогвардейщины**, ее союзницей, ее помощницей. Они (эти господа) молчат об «**исусовых**» и «**богородичных**» полках в Армиях Колчака, Деникина /.../ о том, как **попы** колокольным звоном встречали /.../ **пана-помещика** («Правда», 6 февраля 1930 г.).

Общественное сознание тоталитарной эпохи 1920–1930-х гг. предельно идеологизированно. Очевидный признак тоталитарного сознания — его поляризация и, как следствие, формирование четкой идеологической оси «свой» – «чужой». «Идеология существует прежде всего в языке», воздействует на язык, главным образом на лексическую семантику, изменяя семантическую структуру слов. Таким образом идеология «задает особую модель мира», которая реализуется в языке и внедряется в языковое сознание [Купина 1985: 7–8]. Одной из форм проявления тоталитарной модели мира в языке и является семантическая оппозиция «свой» (= «друг») / «чужой» (= «враг»). Данная модель прямо эксплицирована в первом контексте: *друзья (бедноты) – враги (кулачества)*. Лексемы *церковь, церковник, поп, сектант, исповедник* наполняются новым содержанием, становятся идеологемами эпохи и, наряду со словами *кулак, кулачество, эксплуататор, пан, помещик*, формируют образ «чужого», «не своего». В таком контексте [контекст 1] лексема *сектант* не противопоставляется лексемам *церковник, церковь* — напротив, в семантической структуре лексем развивается объединяющая инвариантная сема ‘чужой’, реализующаяся в вариантах: ‘эксплуатирующий’ (*кулак, кулачество, пан, помещик*), ‘непролетарский’, ‘контрреволюционный’, ‘инакомыслящий’ (*церковь, попы, церковник, исповедник, сектант, белогвардейщина*). Признак ‘чужой’ непременно сопровождается отрицательной оценкой, которая входит в денотативные значения слов и маркирует образ «чужого», «врага». Кроме того, в контекстах обязательно развивается и пейоративная эмоционально-оценочная коннотация, которая лексикографически закреплена в значениях лишь некоторых лексем этого ряда: слово *белогвардейщина* — «белогвардейцы, белая эмиграция» имеет помету *презр.* [ТСУ 1: 120]; слову *поп* в значении «служитель культа всякого ранга // только мн., собир. духовенство» сопутствует помета *пренебр.* [ТСУ 3: 584].

Всякое инакомыслие подводится под «образ врага» и безжалостно преследуется. В этой связи особенно выразительны звенья оппозиции «свой» / «чужой», представленные в кон-

тексте 2: с одной стороны — «свой»: *пролетариат, безбожник, люди*, с другой — «чужой»: *ублюдок, исповедник*. Если проанализировать пропозицию высказывания, то можно условно выделить две ступени логического развертывания мысли: сначала нанизываются утверждения-тождества *пролетариат — это безбожники, безбожники — это люди* (причем второе суждение — более обобщенное относительно первого); далее следует противопоставление *люди — один ублюдок* и тождество *ублюдок — это исповедник*. В целом, генерализация по признаку 'инакомыслие' расширяет границы социально-идеологической парадигмы до размеров общечеловеческой. «Инакомыслящий», то есть «чужой», «враг», выводится за скобки человечества, оказывается недостойным пребывать в человеческом сообществе: *перен.* значение слова *ублюдок* — «О недоразвитом, никчемном человеке (*простореч., презрит.*)» (Выделено нами. — Т. С.) [ТСУ 4: 861]. В толковом словаре эпохи [ТСУ] слово не имеет пометы *бран.* — следовательно, ведущей выступает именно назывная (не экспрессивная) функция значения, подчеркивающая «перевес» денотативного значения над оценочным содержанием слова. И это принципиально важно для анализа пропозиции высказывания: по новой «религии безбожия», только недоразвитый человек может быть верующим в бога и священником и т. д. Однако современные словари русского языка, фиксируя дальнейшее развитие данного значения слова *ублюдок*, указывают пометы *груб., бран.* [СЕМ 1: 10271], *пренебреж.* или *бранно* [БАС 16: 63]: наличие пометы *бранно (бран.)* означает доминирование экспрессивной функции над номинативной, то есть ослабление связей между значением и денотатом, «разрушение» денотативных сем и усиление коннотативного значения, выражающего отношение говорящего.

Соответственно, с полюсом «свой» соотносятся положительно окрашенные идеологемы *пролетариат, беднота, безбожник*. Слово *безбожник*, производное от лексемы *безбожие* («Борьба с религией, антирелигиозная идеология или деятельность (*нов.*)» [ТСУ 1: 104]), в конце 1920-х — начале 1930-х гг. развивает новое значение, указывающее на актив-

ную, деятельную позицию: «Член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.)» [ТСУ 1: 104].

Семантическая оппозиция «свой» / «чужой» поддерживается и лексикой с префиксами **контр-**, **анти-**: *контрреволюция под флагом церкви* [контекст 1]; *антирелигиозный фронт* (карнавал), *антирелигиозная лекция* [контексты 3, 4].

Если мы обратимся к газетным материалам конца 1930-х гг., то обнаружим аналогичную семантическую композицию текстов типичного содержания:

/.../ московский церковно-фашистский центр связан с русским епископом, находящимся в стране X, который в свою очередь связан с фашистскими организациями страны V. /.../ От этих зарубежных контрреволюционных организаций московский церковно-фашистский диверсионно-террористический центр получает директивы о развертывании контрреволюционной деятельности в Советском Союзе. /.../ каждый честный советский гражданин поможет советской разведке разоблачать и уничтожать шпионов и диверсантов в поповской рясе (газета «Известия», цитируется по: «Сегодня», 9 февраля 1938 г.).

Смысловой стержень текста также формирует оппозиция «свой» («друг») / «чужой» («враг»): звено «свой» поддерживается положительно оценочной номинацией *честный советский гражданин*; звено «чужой» заметно усилено и дополняется обширным рядом распространенных отрицательно оценочных номинаций — *церковно-фашистский диверсионно-террористический центр, русский епископ, контрреволюционные организации, шпионы и диверсанты в поповской рясе*. Инвариантный по своей сути образ врага «обогащается», впитывает новые презумпции советского коммуникативного пространства 1930-х гг.

Таким образом, потенциальные слабые сигналы религиозного дискурса — лексика, общеупотребительная (*церковь, церковник, сектант*) и собственно религиозно-церковная (*Создатель, исповедник, епископ, богородичный, иисусовый*), традиционно связанная с религиозной сферой, в контекстах российских газет соотносится с целями и функциями политиче-

ского дискурса — удержания власти, борьбы за власть. Семантическая структура слов трансформируется, в ней развиваются новые идеологические коннотации, лексемы вовлекаются в семантическую оппозицию «свой» / «чужой» — «базовую семантическую оппозицию политического дискурса» [Шейгал 2004: 51]. Значительный «перевес» полюса «чужой» лишь подчеркивает остроту политической борьбы. Опосредованность средствами массовой коммуникации, в частности, газетным дискурсом, является характерной особенностью политического дискурса [там же: 58] — в отличие от религиозного.

Итак, если в советской России религиозный дискурс был свернут, разрушен, по-видимому, поглощен политическим дискурсом, то в Латвийской республике 1918–1940 гг. русский религиозный дискурс, как он опосредованно представлен газетным дискурсом, был чрезвычайно развит, что косвенно указывает на преимущество русского языка Латвии по отношению к языку метрополии периода Российской империи.

ИСТОЧНИКИ

Газета «Сегодня» — Рига.

Газета «Правда» — Москва.

Газета «Известия» — Москва.

СЛОВАРИ

БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.

СЕМ — *Русский семантический словарь*. Т. 1–6. Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, 1998.

ТСУ — *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4. Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935–1940.

ЛИТЕРАТУРА

- Карасик В. И. 2004 — *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва.
- Крылова О. А. 2000 — Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург. С. 107–117.
- Крысин Л. П. 1996 — Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка. *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур*. Москва. С. 135–138.
- Крысин Л. П. 2004 — *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва.
- Купина Н. А. 1985 — *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург–Пермь.
- Розанова Н. Н. 2003 — Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь. *Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация*. Москва. С. 341–363.
- Худякова Е. С. 2008 — Стилевая отнесенность церковно-религиозных жанров. *Материалы XXXVII международной филологической конференции. Функциональные разновидности русского языка*. Санкт-Петербург. С. 53–61.
- Шейгал Е. И. 2004 — *Семиотика политического дискурса*. Москва.

RELIGIOONIDISKURSUSEST NING SELLE OLEMUSEST VENEMAA JA LÄTI VENEKEELSETES AJALEHTEDES AASTATEL 1918–1940

Tatjana Stoikova

Läti ajalehe «Сегодня» (1919–1940) keelematerjali analüüs annab tunnistust sellest, et Läti Vabariigi vene keele religioosel diskursusel oli pikk ja katkematu traditsioon. See omakorda tõestab järjepidevust Läti vene keele variandi ja vene impeeriumi aegse metropoli keele vahel. Religioosne teadvus tungis tuntaval määral ühiskondlikusse teadvusesse, avaldades mõju erinevatele ühiskondliku elu valdkondadele. Just seetõttu näib motiveeritum antud diskursuse projektiivne realiseerumine teiste diskursuste žanri-stilistilisel baasil, eriti ajalehe diskursuse näol. Kuid

ajalehe kommunikatiivses ruumis aktualiseeruvad ka spetsiifilised religioosse stiili žanrid, mis moodustavad selle diskursuse žanrilise tuuma. Ühe sellise teksti “Metropoliit Jevlogij läkitused” (avaldatud ajalehes «Сегодня») analüüs näitab religioosse diskursuse spetsiifikat: väärtuste deklareerimine läbi üldmõistete *Jumal*, *Usk*, *Kirik*, kommunikatiivne eesmärk, mis seisneb usu kinnitamises ja tugevdamises, žanri-stilistilised eripärad (traditsioonilised religioossed formularid, kiriku sõnavara, tüvi-tekstid, pühakirja tsitaadid).

Samal ajal näitab vene ajalehe «Правда» tekstide analüüs, et nõukogude Venemaal oli XX sajandi 20–30ndatel aastatel religioosne diskursus hävitatud ja tõenäoliselt poliitilises diskursuses lahustunud. Nii üldkasutatav kui ka religioosse valdkonnaga seotud ja kiriklik sõnavara (*Looja*, *kirik*, *kirikuteener*, *piiskop*, *jeesuslik* jms) elab üle semantilise muutuse, arendab ideoloogiliselt negatiivseid konnotatsioone, ning on kaasatud semantilisse opositsiooni “oma” / “võõras” ja tähendab “võõrast”. Opositsioon “oma” / “võõras” aga on peamiseks poliitilises diskursuses.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ ВАРИАНТНОСТИ И СИНОНИМИЧНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

М. А. ШЕЛЯКИН

Данный вопрос связан с тем, что вариантность и синонимичность языковых средств имеют разные формальные разновидности, которые отличаются друг от друга наличием / отсутствием полной тождественности означаемых. Но что понимать под отсутствием полной тождественности в синонимичных означаемых и ее наличием в формальных вариантах? Так, обычно считаются вариантами современные полногласные и неполногласные формы слов (см. [РЯЭ 1997: 61–62]), хотя они обладают, как правило, разными значениями и стилевыми коннотациями, а в ряде работ (см., например, [Розенталь 1965: §§ 22, 24]) к грамматической синонимии относят словоформы или синтаксические конструкции, являющиеся формальными дублетами, один из которых принадлежит литературному языку, а другой расценивается как разговорный, профессиональный, просторечный или диалектный (типа: *килограмм сахара / сахару, в отпуске / в отпуску, компасы / компаса, выборы / выбора, кочет – петух*). Они тождественны по грамматическим значениям и отличаются только речевыми и стилевыми сферами их употребления. Поэтому они используются для придания речи особого стилистического или экспрессивного характера (шутки, комизма, иронии, остроты, балагурства, художественной изобразительности и др.). Однако можно ли считать подобные дублеты грамматическими синонимами,

если они различны лишь по форме и не выражают каких-либо коннотативных значений? Во всех работах, посвященных прямому и обратному порядку слов в простом предложении или структурных частей в сложном предложении, говорится только о вариантах, а не о синонимии соответствующих параллельных синтаксических конструкций.

Для разграничения понятий вариантности и синонимичности языковых средств обратимся к раскрытию признаков, позволяющих отличать их друг от друга. Под синонимией мы понимаем **разные по звучанию значимые единицы одного языкового уровня, обладающие семантической общностью, обозначающие одну и ту же внеязыковую реальность, имеющие возможность взаимозамены в одних и тех же контекстах с сохранением их семантической общности до их выбора в речи и различающиеся, как правило, свойственными им прагматическими коннотациями или семантическими оттенками**. Наличие в системе языка синонимических средств объясняется тем, что они дают возможность представить одно и то же содержание с разных сторон, с разной детализацией и оценкой и дают возможность **выбора языковых средств**, наиболее соответствующих содержанию, условиям и назначению высказывания. Тем самым феномен коммуникативного выбора является основополагающим для понятия синонимии, так как он обеспечивает точность, однозначность, уместность употребления языковых средств, стилистическую и эмоционально-экспрессивную характеристику сообщаемого. Поэтому полные синонимы малочисленны, они служат только для того, чтобы избежать повторения одних и тех же слов, а различающиеся в речи синонимы вносят в нее свои соответствующие нюансы. Критерий потенциальной взаимозамены слов с сохранением общего значения до их выбора в речи имеет в виду именно потенциальную, а не фактическую взаимозамену, поскольку выбранный в речи синоним не может быть заменен другим без ущерба для данного контекста и достижения определенных коммуникативных целей. Об этом свидетельствует противопоставленное употребление синонимов, подчеркивающее невозможность их фактической взаимо-

замены. Таковы, например, следующие предложения из художественной литературы, приводимые Л. П. Алекторовой [Алекторова 1972: 130]:

*Он знал в детстве не **нужду**, **но бедность** (И. Эренбург). Я жить хотел быстрее всех. Я жаждал **дел**, **а не деяний**. Но где он, **подлинный успех**, **успех**, **а не преуспеванье** (Е. Евтушенко). Взятки он **не брал**, **а хватал**, — схватит, заторопится и забудет сказать спасибо (М. Горький). Он собственно **не шел**, **а влачился**, не поднимая ног от земли, и при каждом шаге падал туловищем то в одну, то в другую сторону (А. Куприн).*

Об этом свидетельствует также применяемый прием так называемого «нанизывания» синонимов, при котором они уточняют или усиливают друг друга, а не заменяют друг друга. Приведем на этот счет примеры, заимствованные из [Палевская 1964: 66–67]:

*В этот миг он уже понял, что поступок ее не в силах увлечь остальных, **бессмыслен**, **безрассуден**, обречен (М. Шолохов). Одет он был в довольно **ветхий**, **старенький** пальтишко, из которого уродливо вырос (Ф. Достоевский). Но вместо твердой цели, во всем была **неясность**, **путаница** (Ф. Достоевский).*

Однако слова *смелый*, *храбрый* являются синонимами, так как обозначают одно и то же свойство лица, отраженное в общем значении «не испытывающий страха», обладают потенциальной взаимозаменой в сочетании с названием лица до их выбора в данном контексте (ср. *Он смелый или храбрый солдат?*) и различаются семантическими оттенками: *смелый* — «решительный в преодолении препятствий», *храбрый* — «подчеркнуто смелый и мужественный»: *А Шуйскому не должно доверять: Уклончивый, но смелый и лукавый (А. Пушкин). Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат (М. Шолохов).*

Но это не значит, что взаимозамена синонимов потенциально всегда допустима, так как существуют ограничения в сочетаемости значений слов. Например, синонимы *играть*, *исполнять* потенциально взаимозаменяемы только в случаях, когда они употребляются со словом *роль* в значении персонажа драматургического произведения, но не со словом *партия*

в значении части музыкального и балетного, произведения, исполняемой отдельным певцом или танцором: ср. *играть / исполнять главные, второстепенные, комедийные, трагические роли* (Чацкого, Фамусова, Отелло и др.), но только *исполнять партию* (Евгения Онегина, Ивана Сусанина, Раймонды) в опере, в балете. Подобным же образом слова *красный* и *алый* потенциально взаимозаменяемы при словах *кровь, закат* (*красная / алая кровь, красный / алый закат*), но не со словами *карандаш, от стыда, от мороза* (только *красный карандаш, красный от стыда, красный от мороза*).

Признак выбора говорящим языковых средств отсутствует у вариантов, которые не выбираются говорящими с учетом их разных коннотаций, а облигаторно навязываются определенными условиями (социальными, территориальными, стилистическими, грамматическими, структурными, фонетическими), за которыми закреплён тот или другой вариант. Один из вариантов может быть **ненормативным**: ср. прост. *выбора* – лит. *выборы*, диал. *коваль* – лит. *кузнец*; **нормативно-обязательным**: ср. *ночь-ю, пут-ём, знамен-ем*; **нормативно-допускаемым**: *галоши – калоши*, род. п. мн.ч. *монгол-ов – монгол, ущелий – ущельев, с тысячью – тысячей рублей, весной – весною*; **семантически-связанным**: *ордены – ордена, зубы – зубья*; **стилистически окрашенным**: *лебедь* – поэт. жен. р., нейтр. – муж. р., поэт. *любовию* – нейтр. *любовью*

Сохранение в системе языка вариантности языковых средств еще не стало в достаточной мере предметом специального изучения и обсуждения. Видимо, такое сохранение объясняется стремлением усилить знаковую дифференциацию одних и тех же означаемых для выделительного отличия их от других однородных означаемых. Пока установлены только причины появления вариантности языковых средств, но не их функциональные назначения, которые должны стать предметом исследования и теоретической интерпретации.

По признаку выбора говорящим к синонимичным средствам, а не к вариантам, относятся только некоторые полногласные и неполногласные формы слов: ср. *голос – глас народа, сторож – страж у ворот*. В целом же они представляют осо-

бую лексико-семантическую группу с различными лексемами, которые нельзя считать вариантами в связи с их различными значениями. Если придерживаться указанного выше специализированного понимания формальной грамматической вариантности, то принятый прямой (доминирующий в данном языке) порядок слов в простом предложении или структурных частей в сложном предложении и их изменение на обратный порядок, а также полные и неполные предложения следует считать грамматической синонимией по следующим причинам:

1. определенное линейное расположение компонентов синтаксических конструкций является средством их организации и тем самым входит в состав их обязательных конституирующих признаков;

2. прямой и обратный порядок слов в простом предложении или структурных частей в сложном предложении не изменяет синтаксической конструкции содержательно и сохраняет одни и те же грамматические связи его компонентов: ср. *Он пошел в школу / В школу он пошел. Так как была плохая погода, мы не пошли гулять / Мы не пошли гулять, так как была плохая погода*;

3. прямой и обратный порядок слов одной и той же синтаксической конструкции отличаются друг от друга прагматическими оттенками: прямой порядок слов в простом предложении или структурных частей в сложном предложении коммуникативно нейтрален, обратный их порядок коммуникативно экспрессивен;

4. полные и неполные предложения отличаются не только количественным составом, но различаются и прагматически: неполные предложения отдельно выделяют и подчеркивают информативно актуальную часть высказывания.

Разница между синонимичными и вариантными средствами касается их исторической судьбы: синонимичные средства, как правило, сохраняются и активно используются в речи, вариантные же средства склонны к исчезновению и сохраняют только одно из них как единственно возможное (например, варианты с двусложным окончанием в паре типа *весною* – *весной* вытеснены в современном языке). Многие прежние вари-

анты переходят в разряд синонимичных средств. Об этом свидетельствует, например, история и употребление старославянизмов в русском языке, которые сначала были вариантами, прошедшими путь нормативно-обязательных, нормативно-допускаемых, семантически связанных, стилистически-окрашенных разновидностей (таковы были неполногласные формы). Напротив, синонимичные средства могут переходить в разряд вариантных. Таковы, например, первичные синонимичные конструкции типа *Он был добрый / добрым. Я был учитель / учителем в то время* в современном языке уже осознаются как варианты. Поэтому полное описание всех вариантных и синонимичных средств языка в их точном релевантном различии имеет принципиальное значение для описания языковой системы и определения ее развития. Но, к сожалению, современная русистика не располагает в этом отношении исчерпывающими сведениями, особенно это касается вариантных средств, которые не имеют надежного теоретического определения и интерпретации. Цель настоящей статьи и заключается в привлечении внимания к этой неразработанной проблеме, без решения которой трудно исследовать все конкретные случаи вариантности языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

- Алекторова Л. П. 1972 — Об оттенках значений лексических синонимов. *Синонимы русского языка и их особенности*. Москва. С. 123–138.
- Палевская М. Ф. 1964 — *Синонимы в русском языке*. Москва.
- Розенталь Д. Э. 1965 — *Практическая стилистика русского языка*. Москва.
- РЯЭ 1997 — *Русский язык. Энциклопедия*. Москва.

MÕISTETE KEELELISTE VAHENDITE VARIATIIVSUS
JA SÜNONÜÜMIA ERISTAMISEST*Mihhail Šeljakin*

Artiklis pööratakse tähelepanu terminite *keeleliste vahendite variatiivsus* ja *keeleliste vahendite sünonüümia* diferentseerimatule kasutamisele teadus- ja õppekirjanduses. Tegelikult on nende mõistete range eristamine põhimõttelise tähtsusega keele ajaloolise arengutee määramiseks. Kõneleja keeleliste vahendite valikukriteerium on omane sünonüümiale, see kriteerium puudub variantidel, mis kohustuslikus korras seovad ennast selle kriteeriumiga teatud tingimustel. Üks variantidest võib olla **mittenormatiivne**: vrd madalkeelendit *выбора* – kirjakeelse sõnaga *выборы*, murdesõna *коваль* – kirjakeelse sõnaga *кузнец*, **normatiivne-kohustuslik**: vrd *ночь-ю, пут-ём, знамен-ем*, **normatiivne-lubatud**: *галоши – калоши*, genitiivi mitmus *монгол-ов* – *монгол, ущелий – ущельев, с тысячью – тысячей рублей, весной – весною*, **semantiliselt seotud**: *ордены – ордена, зуб-ы – зуб-ья*, **stilistilise värvinguga**: *лебедь* – poeetiline, naissoost, нейтр. – meessoost, poeetiline *любовию* – neutraalne *любовью*. Reeglina sünonüümsed vahendid säilivad ja neid kasutatakse kõnes aktiivselt, variatiivsed vahendid kalduvad aga kaduma või on kommunikatiivselt piiratud ning säilitavad vaid ühe neist kui ainsa võimaliku. Paljud varasemad variandid lähevad üle sünonüümsetesse gruppidesse. Seda tõestab ka näiteks kirikuslaavikeelsete sõnade ajalugu ja kasutamine vene keeles, algselt oli tegu variantidega. Vastupidiselt sellele võivad sünonüümsed vahendid minna üle variantide gruppidesse. Sellised on näiteks järgmised algsed sünonüümsed konstruktsioonid: *Он был добрый / добрым*. Konstruktsioone *Я был учитель / учителем в то время* tunnetatakse tänapäeva keeles juba kui variante.

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И РЕЧЕВЫЕ АНОМАЛИИ: К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ЯЗЫКЕ МЕТРОПОЛИИ И ДИАСПОРЫ

В. П. ЩАДНЕВА, Ю. С. КУДРЯВЦЕВ

Введение

Наблюдаемые в наше время серьезные изменения в языковой практике обычно сравнивают с тем, что происходило с русским языком после революции 1917 г. Но между названными эпохами есть и существенные различия. Во-первых, начиная с 20-х годов прошлого века радио, пресса (а позже и телевидение) постепенно становились эталоном культуры речи, что сыграло огромную роль в сохранении и культивировании норм русского литературного языка. Во-вторых, тогда устно-разговорная стихия постепенно вводилась в книжное русло, сейчас же она затопила и письменную речь [Костомаров 1994: 60]. В-третьих, более своеобразными стали языки диаспор, например, русский язык в Эстонии отличается от латвийского и литовского русского своими новообразованиями, а от литовского еще и произношением, интонацией.

Если в 50–80-е гг. XX в. художественные и журнальные тексты, радио- и телепередачи могли служить образцом нормативного употребления, то на сегодняшний день сфера следования нормам языка настолько сузилась, что преподаватели практики порой опасаются использовать современные тексты

в учебных целях, поскольку с начала 90-х годов XX века русскую устную и письменную речь (прежде всего, через СМИ) захлестнула волна языковой вседозволенности, которая сейчас порой приобретает черты языкового экстремизма. Утрата прежнего института редактирования только усугубила расшатывание норм. В такой ситуации и языковые крайности, и ошибки превратились в допустимую и, что печально, неосуждаемую возможность. Более того, нарушение ряда норм литературного языка стало восприниматься как норма. Например, на форуме журнала «Наука и жизнь» читательница возмущается: *Почему все (по телевидению, в печати) говорят: в Ясене-ве, в Бутове и т. д. ... ухо режет, неужели именно так надо говорить?* Но склонение славянских слов с точки зрения нормы обязательно, а утрата склонения географических названий в военных сводках времен ВОВ, послужившая затем толчком к игнорированию их склонения, в тех условиях была прагматически целесообразной и мотивированной.

Процесс языковой либерализации закрепил в СМИ спонтанную речь представителей разных социальных слоев населения, что негативно повлияло и на речь самих работников СМИ, которые из носителей культуры элитарного типа порой превращаются в распространителей не одобряемых обществом языковых единиц. В итоге оказывается пересмотренным и само отношение к языковой норме. Сейчас в расшатывании норм особую роль играют телеведущие, нередко имеющие слабую языковую подготовку. Так, ведущий популярной медицинской передачи на канале РТР долго «мучил» слова *ревень* и *ревеневый*: *кисель из *рЕвения / *ревЕня; пирог с *ревЕнем / *рЕвеном; *рЕвеновый / *ревЕневый / *ревенЁвый компот* (правильно: *кисель из ревенЯ, пироги с ревенЁм, но ревЕневый компот* — от *ревЕнь*). А вот жители Эстонии, скорее всего, мучиться не стали бы, а использовали бы давнее заимствование *рабар-ба* (*rabarber* от нем. *Rhabarber*).

Цель данной статьи — сопоставление изменений в русском языке метрополии и диаспоры и выяснение различий в выборе языковых единиц. Объектом исследования выступают языковые факты, которые относятся к зоне языковой неустойчиво-

сти. Эталоном для сравнения является кодифицированный литературный язык метрополии, значимый для всех территорий функционирования. Его единство обеспечивают не только авторитетные источники кодифицированной нормы, но и новейшие мобильные средства связи, современные электронные носители информации. Эмпирический *материал* был собран *методом* случайной выборки из разнородных по стилю и жанру текстов, в том числе из переводов с эстонского языка, ибо в Эстонии письменное общение на русском языке в ряде сфер, как правило, переводное [Щаднева 2009: 227]. Анализ охватывает языковые факты последних лет.

1. Теоретические основы исследования

1.1. Понятие «аномалия» в лингвистике

Теоретическую базу анализа составляют лингвистические исследования, которые содержат положения, актуальные для изучения языковых аномалий [Апресян 1990; Арутюнова 1987; Булыгина, Шмелев 1990 и др.]. Понятием *аномалия* (от греч. ἀνωμαλία — отклонение от нормы, неправильность) обозначаются любые явления, которые нарушают какие-либо сформулированные закономерности. Соответственно, в сфере языка можно говорить о языковых (речевых) аномалиях как нарушении системно-языковых правил и норм. В речи аномалии могут быть как *случайными, непреднамеренными*, так и *осознанными, преднамеренными*.

В первом случае нарушение правил — это *речевая ошибка* как результат незнания правил / норм. Аномалии такого рода обычно случайны: их можно встретить и в текстах, которые в целом литературным нормам соответствуют. Кроме *непреднамеренных ошибок*, охватывающих все уровни языковой системы, в речевой практике наблюдаются и такие *сознательные нарушения* норм литературного языка, цель и результат появления которых — порождение дополнительного смысла и даже полное переосмысление каких-либо компонентов фразы для обеспечения экспрессивности высказывания. Например, при

особой значимости для современного русского языка именно переносного значения глагола *опростоволоситься* автор в заголовке публикации актуализирует первичный смысл лексемы, что выясняется только при чтении самой статьи: Тимошенко «*опростоволосилась*» (<http://news.mail.ru/inworld/ukraina/politics/3949184/>).

Такого рода употребления сейчас именуются *языковой игрой*, предполагающей плюрализм смыслов¹. Обсуждение преднамеренных аномалий целью данного сообщения не является. Предмет нашего внимания — актуальный в эпоху глобализации анализ нарушений кодифицированной литературной нормы в утилитарном общении, в частности, при осуществлении переводческого процесса). Разумеется, нельзя забывать о том, что граница между нормой и аномалией подчас едва ощутима, поэтому для обеспечения удачной языковой игры иногда требуются какие-то специальные указания на то, что норма нарушена осознанно. В то же время явная ошибка при неоднократном повторении и в сочетании со специальным стилистическим заданием тоже имеет тенденцию превращаться в языковую игру. В конкретной ситуации и ошибкой, и языковой игрой могут быть словоформы *могёшь*, *хочуть*; *поклАла*, *полОжила* и др. Поэтому два основных типа аномалий, представленных в следующей схеме, следует четко различать изначально.

¹ «Языковая игра — это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность» [Санников 1999: 23].

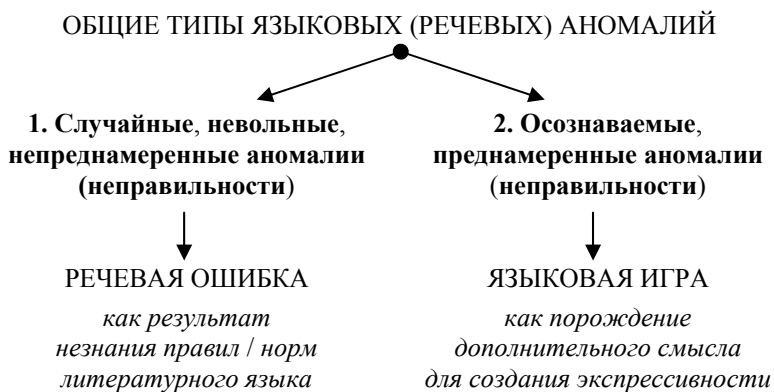


Рис. 1. Общие типы языковых (речевых) аномалий

Причина аномалий первого типа — такое отклонение от языкового стандарта в речевом поведении личности, которое обусловлено низким уровнем индивидуальной языковой компетенции. Ошибки в области языковой нормы провоцируются и наличием вариантности самих языковых единиц. Предотвращение невольных погрешностей в утилитарном общении является особо значимым, ибо утилитарные тексты многих жанров имеют прикладное назначение, направлены на достижение практических целей и требуют особой языковой точности, которая существенно отличается от точности художественных произведений.

Основная причина аномалий второго типа — такое отклонение от языкового стандарта в речевом поведении личности, которое обусловлено и специальной установкой речевого акта, и индивидуальными творческими способностями говорящих. В статье аномалии этого типа не анализируются. Соотношение норм и аномалий можно представить следующим образом:



Рис. 2. Соотношение норм и речевых аномалий

В данных схемах представлено широкое осмысление понятия языковой аномалии. Однако в лингвистике этот термин трактуется и узко: только как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50]. По мнению Ю. Д. Апресяна, аномалии представляют собой «невольные или нерегулярные языковые ошибки, сделанные то ли по недостаточному знанию языка, то ли под наплывом эмоций, то ли подсознательно, то ли чисто случайно» [там же: 63] и, как упоминалось ранее, отражают низкий уровень языковой компетенции или слабое языковое чутье. Тем самым аномалия-ошибка как речевое явление характеризуется а) отступлением от кодифицированной нормы, принятой в определенном языковом коллективе в конкретный момент времени, б) неосознаваемостью и немотивированностью в момент речи, и при этом обусловлена а) историчностью нормы (устаревшая / современная) и б) связью с социальной стратификацией языка, что в совокупности порождает языковую вариантность,

дефинируемую «как способность языка передавать одни и те же значения языка разными формами» [Валгина 2001: 26].

1.2. Типы языковых норм и ошибок

Учитывая особенности осмысления членов триады: *система языка* (совокупность возможных способов и средств выражения) — *узус* (практика использования языковых средств в разных сферах) — *норма* (совокупность правил отбора языковых единиц) [Крысин 2007: 5–7], в анализе материала мы исходим из узкой трактовки нормы, рассматривая ее как результат целенаправленной кодификации литературного языка на разных его уровнях и как требование реализации базового коммуникативного качества — правильности. Не останавливаясь на спорном вопросе о правомерности выделения норм на уровне лексики, приведем одну из возможных классификаций языковых норм:

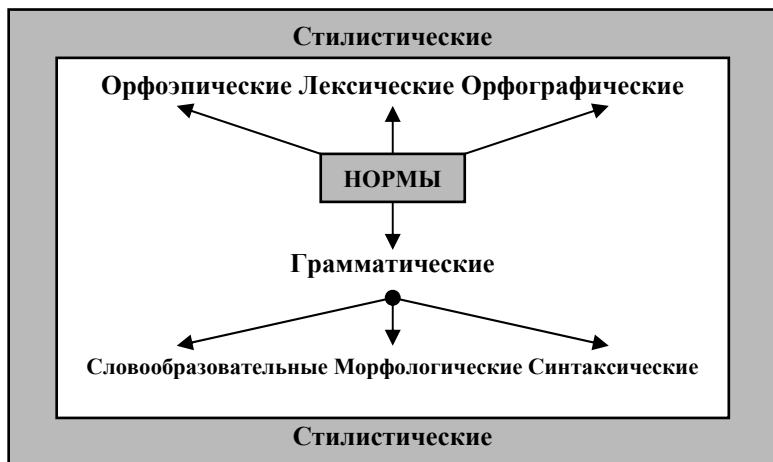


Рис. 3. Классификация норм

На основе этой типологии была составлена лингвистическая классификация ошибок, первый вариант которой приводится в статье [Щаднева 1991: 69]. В классификации учитываются общие типы ошибок, их уровневые контаминации, а также пе-

ресечения уровневых и неуровневых аномалий. Слабым звеном здесь являются лексические ошибки, которые отличаются от других уровневых нарушений тем, что они связаны с выбором не варианта формы, а самой лексемы.

ТИПЫ ОШИБОК В РЕЧИ			
Свойственные устной речи	Свойственные как устной, так и письменной речи		Свойственные письменной речи
	Уровневые	Неуровневые	
1. Фонетические 2. Орфоэпические 3. Акцентологические	1. Лексические и фразеологические 2. Словообразовательные 3. Морфологические 4. Синтаксические	1. Стилистические 2. Логические 3. Фактические	1. Орфографические 2. Пунктуационные

В языке диаспоры и метрополии наблюдаются все разновидности представленных в таблице ошибок. В полном объеме охватить их в рамках статьи невозможно. Важнее выявить типичные зоны сходства и различия в региональных вариантах языка. Сразу уточним, что трактовать все нововведения языка диаспоры как находящиеся вне нормы нельзя, ибо часть языковых инноваций уже употребляется в официальной речи и даже закрепляется в местных переводных словарях, отражающих реалии той страны, в которой русское население проживает. Тем самым в региональных вариантах языка есть такие феномены, которые не позволяют трактовать все факты несовпадений однозначно отрицательно.

Категория нормативности как путь реализации обязательного коммуникативного требования правильности носит динамический и социальный характер. Поэтому она складывается из отбора языковых элементов, а) уже закрепленных в языке,

б) не прошедших нормализацию и в) извлекаемых из пассивного запаса. В силу взаимодействия этих средств и возникает зона языковой неустойчивости¹, в которой наблюдаются основные различия языка метрополии и русской диаспоры Эстонии.

2. Зона языковой неустойчивости

2.1. Лексика

Наиболее ярко отличия от языка метрополии проявляются на уровне лексики. В условиях диаспоры языковые инновации в письменной речи порождают в первую очередь работники СМИ и переводчики разнотемных утилитарных (идеологических, официально-деловых и др.) текстов. При этом переводчики, в разной степени владеющие знаниями о закономерностях переводческого процесса и нормах русского языка, первыми подбирают тот или иной языковой эквивалент. Поскольку через законы и нормативные акты в Эстонии в деловой обиход вводится и новая терминология, то активное терминотворчество, как правило, означает перевод англоязычных понятий на эстонский язык с последующим подбором кириллического соответствия. В результате в русскоязычных текстах появляются фразы типа: **Ваш мобильный идентитет...*; **Электронный идентитет человека...* (*identiteet* от англ. *identity*) и т. п. Разумеется, к подобным контекстам подходят не все русские эквиваленты (*самоосознание*, *идентичность*), однако вполне возможен вариант *электронная (само)идентификация человека*. Лексема *идентитет* встречается и в метрополии (в речи журналистов и научных работников, ориентированных на американские источники), причем в контекстах, в которых это слово легко заменяется устоявшимися употреблениями: *самоидентификация личности*, *национальное самосознание*. Тем самым использование слова *идентитет* (как и многих других)

¹ М. Я. Гловинская рассматривает язык диаспоры как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии [Гловинская 2001: 475–483].

нельзя признать прагматически мотивированным и необходимым, оно не обогащает язык, но, к сожалению, увлечение англицизмами (американизмами) носит в России характер эпидемии, в процессе которой порой вытесняются и привычные старые заимствования.

Немало **заимствований** есть и в языке диаспоры, однако, во-первых, массового злоупотребления прямыми англицизмами не наблюдается, а во-вторых, лексемы заимствуются из эстонского языка или через его посредство. Сейчас слово *факел* (нем. *Fackel*, лат. *facula*) в российской прессе и в устной речи постепенно вытесняется лексемой *файер* (англ. *fire* – *огонь, пожар*), которая не используется в речи русских, живущих в Эстонии, зато вместо *факел* можно услышать *тырвик* (*tõrvik* от *tõrv* – «деготь, смола»). Но опосредованное влияние английского языка в речи представителей диаспоры все-таки проявляется, например, в слове *интресс* (*intress* от англ. *interest* – *банковский процент*; чаще используется во множественном числе — *интрессы*; сложное слово *intressimäär* переводится как *процентная ставка*).

В устной речи представителей диаспоры наблюдаются вкрапления из эстонского языка: *аметник* (*чиновник*), *рентник* (*съемщик*); *хайгекасса* (*больничная касса*), *максуамет* (*налоговый департамент*). Можно предположить, что какие-то из этих единиц появляются а) из-за незнания точного соответствия в русском литературном языке или незнания точного перевода (*калика* – *брюква*; *рабарбар* – *ревень*, *интресс* – *процент*); б) какие-то из-за невозможности подобрать эквивалент, годный для любого контекста: *халдур* – *haldur* (лицо, предоставляющее надзорные услуги, помогающее оформлять финансовые документы; буквальные соответствия — *администратор* и *управляющий* — подходят не для всех контекстов, поэтому для экономии усилий в устной речи русские используют варваризм *халдур*: *Халдур отправила нас для подписания договора к нотариусу*); в) какие-то, возможно, по вкусовым причинам.

Обычно в диаспоре заимствуются жизненно важные, необходимые для общения лексемы, в том числе и **варвариз-**

мы (*Рийгикогу* и др.). Кроме заимствований активно используются **оживленные историзмы** (*уезд, волость* и др.), неактуальные для языка метрополии. Сказанное относится к языковым единицам разных семантических групп, в составе которых есть также параллельные наименования, например, оживленный историзм и варваризм:

- административно-территориальная и управленческая терминология: *уезд* и *мааконд* – *maakond*; *волость* – *vald*; *старейшина* – *taavane*; *волостной старейшина* – *valla-vane*; *старейшина части города* – *linnaosavane*; *мэр* и *городской голова* – *linnapea*, *teer*; *городская управа, управа части города* – *linnaosavalitsus*;
- названия единиц государственного управления: *департамент* – *amet* (отделы министерств; в России так называют и органы исполнительной власти на местах); *Рийгикогу* – *Riigikogu* (эстонский парламент, буквально: *Государственное собрание*);
- названия профессий, должностей: *префект* – *prefekt* (должность в эстонской полиции; в России — должность чиновника: *префект Центрального административного округа Москвы*); *канцлер* – *kantsler* (от нем. *Kanzler*; в Эстонии — государственный чиновник, возглавляющий корпус чиновников министерства: *канцлер Министерства культуры*; в России используется только в контекстах типа *канцлер Германии*); *тюремный надзиратель* – *vangla valvur* (одна из должностей в исправительных учреждениях; в языке метрополии понятие используют, когда речь идет о царском времени).

Подчеркнем, что ряд официальных наименований узаконен (например, *Рийгикогу*), однако обязательность употребления варваризмов затрагивает лишь незначительную часть лексики. В основном же новообразования — «творение» самих носителей русского языка, что наглядно проявляется во вторичном калькировании. В эстонском языке прямые заимствования не приветствуются, поэтому английская лексика активно калькируется. В результате реализации закономерностей эстонского словообразования создаются типичные для эстон-

ского языка сложные слова, при переводе которых осуществляется уже вторичное калькирование посредством русских словосочетаний, что нередко приводит к нарушениям в области лексической сочетаемости. Приведем некоторые кальки с эстонского в сопоставлении с соответствиями из языка метрополии. К удачным калькам, частично совпадающим в обоих региональных вариантах, можно отнести словосочетания:

Язык диаспоры

кофейная пауза – kohvipaus

семейный врач – pereearst

*банкротный управляющий –
pankrotihaldur*

*основная школа – põhikool
(1–9 классы)*

*целевое учреждение,
реже фонд – sihtasutus*

центр крови – verekeskus

Язык метрополии

кофе-брейк – coffee break

в России номинация только
появилась

*конкурсный управляющий пред-
приятия-банкрота / арбит-
ражный управляющий*

основная школа (5–9 классы)

фонд

*центр (переливания) крови,
центр службы крови*

Однако в эстонско-русских переводах наблюдаются и случаи явно неудачного калькирования:

Язык диаспоры

*люди с недостатками здоровья –
puudega inimesed*

*закон потребителей –
tarbijakaitseadus*

*родительское возмещение –
vanemahüvitis; сейчас и роди-
тельское пособие*

Язык метрополии

*люди с ограниченными воз-
можностями, люди с физиче-
скими недостатками*

*закон о защите прав потреби-
телей*

*ежемесячное пособие (по уходу
за ребенком)*

Официальные сайты разных учреждений вводят в деловой обиход и многочисленные заимствованные аббревиатуры: PIN-код (от *Personal Identification Number*) — личный опозна-

вательный номер, аналог пароля; *SIM*-карта — (от *Subscriber Identification Module*) — модуль идентификации абонента мобильной связи; *ID-карта* / *ИД-карта* — идентификационная карточка, удостоверяющая личность и заменяющая паспорт; *э-операции*, *э-услуги* (осуществляются через электронный носитель); *м-парковка*, *м-платежи* (платежи через мобильный телефон) и другие языковые единицы, в разной степени представленные в общении россиян.

Отличия можно проиллюстрировать и следующими примерами. В Эстонии носители русского языка с самого начала появления реалии использовали понятие *мобильный телефон* / *мобильник*, в России же — *сотовый телефон* / *сотовик* (разновидность мобильного; сейчас можно услышать и слово *мобильник*). Если русские Эстонии с доперестроечных времен знают слово *вьетнамки* (легкая, обычно резиновая обувь в виде подошвы с ремешком между первым и вторым пальцами), то знакомое многим россиянам более позднее название *сланцы* (летние резиновые шлепанцы, производимые в городе Сланцы) для живущих в Эстонии является непривычным. Видимо, в последнем случае различия вариантов связаны как с региональным, так и (отчасти) с возрастным фактором.

Изменения в лексиконе диаспоры обычно охватывают номинативные лексемы и лишь иногда — глагольные. Использование слова *кандидировать* (эст. *kandideerima*) вместо *баллотироваться*, *стать кандидатом* и его деривата в газетных сообщениях, в политической рекламе объясняется влиянием неудачных официально-деловых переводов: **Кандидировать на практику к канцлеру юстиции могут... *Для кандидирования на место практики просим предоставить...* (www.oigus.kantsler.ee/?menuID=89&print=1)

Языковые неудачи есть и в речи россиян: через российские СМИ в употребление стал проникать сомнительный с этимологической точки зрения глагол *озвучить*¹ в не свойственном

¹ В словарях слово *озвучить* закреплено только со значением «произвести запись фонограммы к кинофильму (музыки, дикторского текста, шумов)», например: *недавно озвучили старую киноленту*.

ему вторичном значении, например: *Новый мэр озвучил давнюю идею своего предшественника о...* (22 октября 2010, <http://www.utro.ru>). В речи русской диаспоры это слово, кодифицированное в словарях русского языка в качестве профессионального, в подобных контекстах почти не встречается.

Тем самым русский язык метрополии и диаспоры частично отличается и набором языковых единиц, и семантическим объемом внешне схожих номинаций, вследствие чего возможно взаимное непонимание коммуникантов из разных стран. Различаться может и оценка содержания заимствований. Наглядной иллюстрацией различий, обусловленных несовпадением «картин мира», является осмысление слов *missioon* (от англ. *mission*) в эстонском и *миссия* в русском языке. Местные русскоязычные переводчики и журналисты иногда также используют слово *миссия* в контекстах типа: *Миротворческая миссия в Афганистане...* Однако подобные употребления не соответствуют норме, поскольку эта лексема в русском языке закрепились как слово с положительно-оценочным смыслом, не применимым к понятию «война». По этой причине в грамотных СМИ метрополии это слово в сходных контекстах стараются не использовать.

2.2. Графика, орфография

Введение в употребление новой лексики затрагивает также графику и орфографию. При передаче на письме графически и орфографически неассимилированных иноязычных слов кириллица в языке диаспоры причудливо переплетается с латиницей (см. также [Кюльмоя 2000: 90–91]):

- *Krediidiinfo* предлагает экономическую и финансовую информацию... (<http://www.krediidiinfo.ee/index.php?m=1&lang=R>)
- *SIM-карта Mobiil-ID* (мобильной идентификации), кроме функций обычной *SIM-карты*, содержит также... (<http://www.id.ee/?id=10356&&langchange=1>)

Разумеется, сходные написания представлены и в России (например, «Дойче Банк» и *Deutsche Bank*), однако в диаспоре графическая контаминация чаще носит мотивированный ха-

рактер, ибо нацелена на быстрое, однозначное, точное понимание того или иного наименования в стране языка с латинской графикой, поэтому в написаниях названий учреждений, предприятий и т. п. в эстонском русском наблюдается явное предпочтение латиницы. В целом же можно встретить разные написания: заимствованные, транслитерированные, с частичным переводом на русский язык: *АО Swedbank – AS Swedbank*, но *АО Таллинский Порт – АО Таллинна Садам – AS Tallinna Sadam*; *АО Нарвские электростанции – AS Narva Elektriijaatad* и под. Однако прагматически неоправданное злоупотребление латиницей, доходящее до комичного смешения «французского с нижегородским», которое обнаруживается в России, в языке представителей диаспоры практически отсутствует.

О всеобщем слабом знании норм свидетельствует **орфографический** разноречивый в написании прописных и строчных букв, ср.:

Язык диаспоры

Тартуский университет

Но:

**Эстонская Торгово-Промышленная Палата, *Вентспилсская Высшая школа*

Язык метрополии

Торгово-промышленная палата Российской Федерации

Но:

**Высшая Школа Экономики (Нижний Новгород)*

Отступления от норм правописания в диаспоре объясняются влиянием эстонской орфографии (правда, ориентированной на английскую), а в метрополии — подражанием правилам английского, то есть несоседствующего языка.

2.3. Морфология

Морфология как базовый строевой уровень является малопрогнозируемой, наиболее устойчивой к воздействиям извне частью языковой системы, поэтому на данном уровне значительных инноваций не наблюдается. Прямое воздействие социальной сферы здесь трудноуловимо, хотя косвенно оно сказывается в стимуляции внутренних возможностей языка [Валгина 2001: 154], поскольку устойчивость не означает неподвижности.

В общую для всех носителей русского языка зону языковой неустойчивости входят а) стремление не склонять количественные числительные и отдельные группы существительных, б) неправильный выбор вариантов падежных форм: *Здесь всегда черствые *кренделя* и т. п., в) смешение форм продуктивных и непродуктивных глагольных классов, участившееся в речи молодых двуязычных представителей диаспоры: **советуют, *используем* и др. (кстати, это типичная ошибка изучающих русский язык эстонцев). Из уст русских детей, обучающихся в эстонской школе, можно услышать и фразы типа *А у нас есть колбасы (сыра)?* В последнем случае ошибки объясняются влиянием эстонского партитива. Не исключено, что в языке диаспоры такой результат эстонско-русской интерференции со временем может и закрепиться.

К зоне колебаний нормы относится и склонение эстонских географических названий на *-а*: *поеду в Эльва, Валга / Эльву, Валгу*, хотя слово *Нарва* русские склоняют всегда. Вопрос о присвоении существительному категории рода тоже может быть общим для всех говорящих по-русски: лексема *евро* недавно была кодифицирована как несклоняемое слово муж. рода, однако повсеместно можно услышать *Евро подорожало* (а на российских форумах говорят и о *евре* — от *евра!*). В то же время у диаспоры имеются и специфические слабые звенья, в частности, до сих пор неясно, к какому родовому понятию следует относить узаконенный термин *Рийгикогу*: *Выборы в новый* (от *парламент*) или *новое* (от *Государственное собрание*) *Рийгикогу*?

2.4. Синтаксис

Анализ эмпирического материала по языку диаспоры показывает, что в сфере синтаксиса у русских Эстонии достаточно широко распространено ненормативное согласование местоименного подлежащего и сказуемого: **Кто пришли?*; **Кто говорят бесплатно?* Такое употребление можно объяснить усилением тенденций к смысловому согласованию.

Общими для обоих региональных вариантов русского языка являются разнообразные нарушения порядка слов. Но в диаспоре это нередко следствие калькирования структуры исходного эстонского предложения. В результате типичным становится неуместное дистантное расположение главного и зависимого слов, нарушение прямого порядка слов в текстах официально-делового стиля, неправильное расположение подлежащего и сказуемого и т. п.:

- **Департамент охраны исторических памятников, представляющая в своей деятельности государство и действующая под руководством Министерства культуры государственная организация.* (http://www.muinas.ee/index.aw/set_lang_id=3)
- **Согласно видению будущего развития будет Налогово-таможенный департамент в 2012 году самой лучшей организацией публичного сектора.* (<http://www.emta.ee/index.php?id=26357>)
- **Услуги в области рынка труда оказывает в Эстонии Касса по безработице.* (<http://www.sm.ee/rus/o-nas/obshchestvennyye-uslugi/okazateli-uslug-rynka-truda.html>)

Разумеется, лексика — самая заметная часть айсберга, именуемого языком, однако сущностные его характеристики заключены в грамматике, а слова лишь заполняют ячейки в высказываниях. Изменения же в сфере грамматики заметить сложнее, но именно они свидетельствуют о качественном сдвиге в языке как развивающейся системе. С этой точки зрения те основные грамматические (морфологические и синтаксические) отклонения от устоявшихся норм, которые описаны в книге [Русский язык... 1996], в целом являются общерусскими. Тем самым они свойственны и обоим обсуждаемым региональным вариантам русского языка, а их отличия обнаруживаются лишь в частотности проявления тех или иных языковых феноменов.

Заключение

Особенности социальной жизни общества неизбежно отражаются в речевой практике. В силу прагматических причин, приводящих к выработке новых языковых привычек, язык диаспоры не может быть абсолютно идентичным языку метропо-

лии. Поэтому далеко не все отличия языка диаспоры от языка метрополии можно рассматривать как аномалии, нарушающие нормы русского литературного языка. В то же время бóльшая часть зоны языковой неустойчивости является общей для обоих региональных вариантов. Тем самым наблюдается не только их различие, но и сходство — и в инновациях, и в нарушениях норм.

Внутриязыковое варьирование ярко проявляется в графике и специфичных лексических нововведениях, в семантических расхождениях одинаковых слов, в разных оценках их содержания. Но изменения почти не затрагивают морфологию, что обусловлено ее строевой функцией. Ограниченность выявленных морфологических и синтаксических различий между региональными вариантами приводит к выводу о том, что говорить об обособившемся языке *диаспоры*, о его автономности неправомерно и преждевременно, ибо система и норма русского языка сохраняют свою общность и целостность. А за языковой метафорой язык *диаспоры* стоит *региональный вариант языка*. Это понятие находит свое место в известном ряду: *социальные, территориальные, региональные диалекты / варианты национального языка*. Разумеется, в силу синонимичности понятий *территориальный* и *региональный* очевидна условность предлагаемого названия, но оно позволяет обозначить классификационную «клеточку».

Представители диаспоры интуитивно стремятся сохранить свою культурную идентичность, поэтому в целом относятся к инновациям более сдержанно, чем россияне. В условиях, когда снижается общий уровень грамотности, а существенные различия языковых систем государственного и русского языка порождают отрицательную интерференцию, опора носителей языка на единые нормы помогает и самому литературному языку сохранять свою целостность и общепонятность, позволяя ему выполнять одну из важнейших функций — культурную. Неслучайно А. М. Пешковский считал отличительной чертой литературного языка существование языкового идеала у говорящих [Пешковский 1960: 236].

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1990 — Языковые аномалии: типы и функции. *Res Philologica. Филологические исследования*. Москва — Ленинград. С. 50–71.
- Арутюнова Н. Д. 1987 — Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира»). *Вопросы языкознания*. № 3. Москва. С. 3–19.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. 1990 — Аномалии в тексте: Проблемы интерпретации. *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста*. Москва. С. 94–106.
- Валгина Н. С. 2001 — *Активные процессы в современном русском языке*. Учебное пособие. Москва. 304 с.
- Гловинская М. Я. 2001 — Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции. *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты*. Отв. ред. Е. А. Земская. Москва — Вена. С. 341–483.
- Костомаров В. Г. 1994 — *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва. 247 с.
- Крысин Л. П. 2007 — Русская литературная норма и современная речевая практика. *Русский язык в научном освещении*. № 2 (14). Москва. С. 5–17.
- Кюльмоя И. П. 2000 — Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии. *Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III*. Тарту. С. 84–93.
- Пешковский А. М. 1960 — Объективная и нормативная точка зрения на язык. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Под ред. В. А. Звегинцева. Ч. 2. Москва. С. 231–242.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995)* 1996 — Отв. ред. Земская Е. А. Москва. 480 с.
- Санников В. З. 1999 — *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва. 541 с.
- Щаднева В. П. 1991 — Вопрос о классификации ошибок в лингвистическом аспекте. *Синтагматические и парадигматические связи языковых единиц и категорий*. Таллинн. С. 67–70.
- Щаднева В. П. 2009 — О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии. *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Tartu. С. 224–242.

KEELENORMID JA KEELEANOMAALIAD:
KEELEVAHENDITE VARIATIIVSUSEST
EMAMAA JA DIASPORAA KEELES*Valentina Štšadneva, Juri Kudrjartsev*

Artiklis uuritakse keeleanomaaliaid keelevahendite piirkondliku variatiivsuse aspektist. Uurimisobjektiks on keele ebastabiilsusalal esinevad nähtused. Vaadeldakse sarnasusi ja erinevusi keelendite valikus piirkondlikes variantides, võrreldakse keelelisi innovatsioone ning leksikaalseid ja grammatilisi ebakõlasid emamaa ja diasporaa esindajate keelekasutuses.

Eri rahvuste keele ja kultuuri vastastikuse koostoime tingimustes lähituvad diasporaa esindajad a) vastava ühiskonna keelelistest stereotüüpidest ja b) emamaale omastest keelelistest stereotüüpidest. Seetõttu oli võrdluse aluseks emamaa kodifitseeritud kirjakeel. Artiklis on esitatud teoreetilisi seisukohti, millele toetudes on analüüsitud erinevate keeletesandite empiirilist materjali. Keeleilmingute analüüs näitab, et pragmaatilistel põhjustel ei saa diasporaa keel täielikult kattuda metropoli keelega. Seepärast ei saa käsitleda anomaaliaitena kõiki diasporaa ja metropoli keele erinevusi. Samas on suurem osa keelelise ebastabiilsuse alast mõlemal variandil ühine.

Keelesisene variatiivsus avaldub selgelt graafikas ja paljudes leksi-kaalsetes uuendustes, mis on omased metropoli ja diasporaa keelekasutusele, ning samade sõnade semantilistes erinevustes ja nende sisu erinevates hinnangutes. Diasporaa keelekasutuse omadused hõlmavad olulisel määral erisuguste valdkondade temaatiliselt mitmekülgset sõnavara, kuid praktiliselt ei puuduta morfoloogiat, sest viimane täidab keeleehituslikku funktsiooni. Morfoloogiliste ja süntaktiliste erinevuste vähesus piirkondlikes variantides viib järelduseni, et on ennatlik rääkida eraldunud, autonoomsest diasporaa keelest, kuna vene keele süsteem ja normid on säilinud kõigis vene keele variantides. Üldise kirjaoskuse taseme langemise tingimustes — ning arvestades negatiivset interferentsi, mida tekitavad riigikeele ja vene keele vahelised erinevused — võimaldab ühiste kirja-keele normide järgimine täita keelel tähtsat kultuurilist funktsiooni.